

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№3 · 2006

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

3-2006

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации
принимаются
по электронному адресу:
chsu1999@yandex.ru

Дизайн обложки:
С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
«Агропромполиграфист»
350062, г. Краснодар, ул. Ковалева, 5

Подписанов в печать 26.09.2006
Уч.-изд. л. 14,38. Усл. печ. л. 13,33
Тираж 1000 экз. Заказ № 225.

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т.А.Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **Л.А.Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В.А.Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А.А.Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А.А.Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С.Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США); **В.В.Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я.Л.Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **Л.Е.Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **Х.Пилкинсон**, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); **А.Л.Стризов**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П.М.Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А.Ю.Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В.К.Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В.Ю.Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е.Р.Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О.А.Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г.С.Курбатова**, отв. секретарь; **Т.Т.Авдеева**, д-р экон. наук., **В.П.Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А.И.Приходько**, д-р техн. наук, проф.; **А.М.Ждановский**, канд. ист. наук, доц.; **А.А.Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З.И.Рябикина**, д-р психол. наук, проф.; **В.М.Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Малевинский С.О. Отражение психических свойств человека в лексике русского языка 4

Кимберг А.Н., Налетова А.С. Концепты индивидуального и коллективного субъектов 17

Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании 25

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Авдонин В.С. О характере плюрализма исследований Европейского Союза в России 40

Суханова Е.В. Институциональное развитие стран ЕС 55

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ипатов А.П. Воцерковление: два биографических примера 62

Сабирова Г.А. Нарративы «мусульманскости» в постсоветский период: пример женских аудиторий коранических курсов в Москве 78

ПРАКТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Флоровский С.Ю. Успешность в совместной управленческой деятельности как критерий эффективности руководителя 92

Юркова И.Г. Субъективные представления личности как фактор профессиональной самореализации 106

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Бушмаков А.В. Повседневность провинциального гимназиста в начале XX века 118

Чащухин А.В. Конструирование образа учителя в сталинской пропаганде 1945–1953 гг. 132

КАФЕДРА

Беляева Н.М. Государственная молодежная политика в регионах России: сравнительный анализ инструментов интеграции молодежи в социально-экономические отношения 136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И РЕЦЕНЗИИ

Ожигова Л.Н., Тиводар А.Р. Гендерные аспекты бытия личности и проблемы современной семьи 149

Соколова Т.В. Властители, руководители, губернаторы: анализ российских элит 153

РЕФЕРАТЫ 156

SUMMARY 159

ОТРАЖЕНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

.....

С.О. Малевинский*

Среди основных подходов к структурированию лексического материала, отражающего психические свойства человека в естественном языке, можно выделить два: психологический и лингвистический. Они порой вступают в прямое противоречие друг с другом, поскольку опираются на разные исходные постулаты. Данная статья написана с лингвистических позиций, что объясняет расхождение автора с некоторыми теоретическими и методическими традициями, принятыми в психологических публикациях. Используемые в психологии методы структурирования черт личности, основанные на оценке семантической близости обозначающих психические свойства слов, иногда называют «лексикографическими» [5, с. 460], но фактически они имеют мало точек соприкосновения с лингвистической лексикологией, семасиологией и лексикографией. Основное расхождение касается того, что считать существенной характеристикой слова, какую его семантику принимать за основную — ту, что отражена в словарном толковании лексем (нормативное лексическое значение), или ту, что возникает на основе ассоциативных связей с другими словами в сознании тех или иных носителей языка. Лингвисты опираются на первый подход. Психологи ключевую роль отводят семантике второго типа (существует даже термин «психосемантика») и утверждают, что она лучше позволяет объяснять функционирование и парадоксы обыденного сознания человека, чем логико-лингвистические построения и нормативные словарные значения. Как следствие, в психологических экспериментах испытуемым часто предъявляются такие тезаурусы наименований человеческих характеристик, личностных черт, которые включают слова, не имеющие с лингвистической точки зрения прямого отношения к обозначению именно психических свойств. Это могут быть лексические единицы чисто оценочного характера (*хороший — плохой*,

---

* Малевинский Сергей Октябrevич — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета. Электронная почта: bigr@pushkin.kubannet.ru.

чудесный — отвратительный, приятный — неприятный, привлекательный — отталкивающий), слова, характеризующие людей по их роду занятий или просто по отношению к каким-либо действиям (*блатной, босьяк, вор, воротила, вышибала, гангстер, грабитель, насильник* и т. п.), характеристики, отражающие политические, религиозные или мировоззренческие убеждения (*анархист, безбожник, безыдейный, верующий, еретик, консерватор, мракобес* и т. д.), слова, отражающие уровень знаний, умений, компетентности (*знающий, искушенный, компетентный, опытный, умелый — дилетант, невежественный, профан* и т. п.) (см., например, [6, с. 437–457]).

Приведенные лексемы попадают в число слов, используемых в качестве исходного материала персонологических исследований, на том основании, что привлекаемые к исследованию эксперты положительно отвечают на вопрос: «Возможно ли использование данного слова в качестве характеристики личности?» [7, с. 137–138]. С точки зрения психолога, изучающего обыденное сознание, этого достаточно. С точки зрения лингвиста, необходима значительно большая строгость в определении того, какие все-таки признаки из числа так или иначе характеризующих людей могут быть отнесены к разряду именно личностных психических свойств.

Различие альтернативных подходов проявляется также в том, по каким основаниям авторы структурируют, классифицируют различные психические свойства. В психологии прослеживается теоретическая и эмпирическая традиции. В разных теориях личности выдвигаются разные базовые структуры свойств. При этом теоретиков-персопологов обычно мало интересует вопрос о том, как соотносится предложенная ими структура психологических характеристик с возможной лингвистической классификацией лексем, основанной на их словарных значениях, поскольку основной интерес связан с прояснением внутрискруктурных отношений между «психическими свойствами» или «свойствами (чертами) личности». Другая психологическая традиция — эмпирическая — так же мало интересуется лингвистическими классификациями, поскольку ключевым принципом объединения слов в семантические блоки здесь признается экспериментально зафиксированная их связь в сознании конкретных носителей языка. Так была построена популярная сегодня пятифакторная модель личности, или «Большая пятерка» личностных черт.

Лингвистический подход, в соответствии с которым здесь представлен материал, предполагает опору в первую очередь на словарные значения слов. Одновременно принимаются в расчет некоторые психологические концепции.

Психические свойства, именуемые личностными чертами, трактуются обычно как «гипотетические базовые диспозиции или характеристики личности, которые в принципе могут использоваться в качестве объяснений постоянства и последовательности поведения» [4, т. 2, с. 410]. Однако само понятие

психического свойства может распространяться не только на собственно поведенческие личностные диспозиции, но и на все остальные свойственные людям внутренние предрасположенности к тем или иным формам психической активности. В свое время психолог А.Г. Ковалев предложил классифицировать свойства, исходя из классификации психических процессов, в которых они так или иначе проявляются. Отсюда следует, что помимо личностных качеств, проявляемых в поведении, «нужно говорить о свойствах интеллектуальной деятельности, эмоциональной и волевой» [2, с. 26].

Одним из важных оснований для различения форм психической активности людей является их дифференциация на контролируемые волей (управляемые) и неконтролируемые (спонтанные) проявления. На наш взгляд, признак контролируемости / неконтролируемости форм психической активности должен учитываться в общей классификации присущих людям психических свойств в первую очередь. С этой точки зрения все потенциально возможные психические диспозиции чисто умозрительно могут быть разделены на предрасположенности к контролируемым человеческой волей и неконтролируемым психическим процессам и формам поведения. А то, предрасположенностью к каким именно психическим проявлениям выступает то или иное личностное свойство, можно определить по содержанию лексического значения обозначающего это свойство слова. В качестве основных показателей здесь могут использоваться словарные толкования лексем, значения которых оказываются подводимыми под общее понятие внутренней предрасположенности человека к той или иной форме психической активности.

Анализируя значения соответствующих слов, необходимо помнить, что психические свойства представляют собой феномены, недоступные для непосредственного человеческого восприятия. О наличии у кого-либо того или иного психического свойства мы судим обычно по поведению этого человека, по содержанию и форме его высказываний, по мимике, жестикуляции, интонациям голоса и т. п. Поэтому выражаемые средствами языка понятия о психических свойствах представляют собой вырабатываемые нашим обыденным сознанием гипотетические (а не эмпирические) мысленные конструкты.

Важнейшим признаком всех вычленяемых обыденным сознанием психических свойств является признак кросс-ситуационности — предположение о проявлении этих свойств в определенных спектрах (диапазонах) тех или иных типовых ситуаций. Однако судя по публикациям, психологи пока далеки от согласия по поводу того, насколько широкими должны быть эти спектры, в скольких именно типах ситуаций человек должен чувствовать или вести себя определенным образом, чтобы ему могло быть приписано какое-то психическое свойство. Отражающееся в языковых структурах обыденное сознание в таких случаях находит иной выход. Для разного рода психических переживаний и форм человеческого поведения оно вырабатывает представления о тех

относительно ограниченных наборах жизненных ситуаций, в которых эти переживания и поведенческие акты бывают свойственны большинству людей. Проявляемые в данных ситуациях среднестатистические психические диспозиции чаще всего не находят своего отражения в общеупотребительном лексиконе языка. Особыми лексическими единицами обычно обозначаются только те психические свойства, которые по силе своего проявления, а самое главное, по количеству тех ситуаций, в которых они проявляются, значительно отступают в сторону повышения или понижения от выработанных обыденным сознанием стандартных представлений. Так, обычным, недрачливым человеком может быть назван тот, кто прибегает к драке только в исключительных случаях — когда дело касается личной или чужой безопасности, а также вопросов чести. Тогда драчливым будет признан такой субъект, который склонен браться в драку в гораздо более безобидных ситуациях, в связи с другими, менее значительными поводами. При этом человек, прибегающий к драке чаще, чем это обычно бывает у остальных людей, может быть охарактеризован и как не очень драчливый, и как страшно драчливый, в зависимости от того, насколько широким для него является диапазон провоцирующих драку ситуаций.

Такой тип лексических значений — соотносящих определенное качество какого-то предмета с представлением об уровне проявления этого качества, среднем для соответствующего предметного класса — довольно широко представлен в лексике любого естественного языка. Именно такого рода значения свойственны именам прилагательным, выражающим так называемые параметрические оценки (*большой — маленький, высокий — низкий, длинный — короткий, широкий — узкий*), а также прилагательным типа *сильный — слабый, тяжелый — легкий, сложный — простой, дорогой — дешевый* и т. п. Именно к этому типу лексических единиц примыкает большая часть существующих в языке наименований присущих людям психических свойств.

Другой специфической особенностью языкового отражения свойств человеческой психики является его принципиально избирательный характер. Поскольку язык не зеркало, отражающее действительность как она есть, а инструмент сознания, фиксирующий только то, что представляет интерес, различные психические свойства людей репрезентируются в структурах языка отнюдь не равномерно. Некоторые из свойственных людям личностных качеств вообще не находят своего отражения в виде отдельных слов, другие же воспроизводятся в языке, наоборот, предельно детализированно, через набор лексических конкретизаторов, отражающих те или иные аспекты и составные компоненты более общих психических диспозиций. Такое «разрастание понятий», как справедливо заметил когда-то К. Леви-Строс, «соответствует неослабному вниманию к свойствам реальности, наиболее пристальному интересу к тем различиям, которые можно ввести» [3, с. 114]. Исходя из этого положения, основными показателями внимания и интереса носителей языка к тем или

иным психическим свойствам можно считать расширенную номенклатурную представленность и наличие таксономического дробления в структурной организации соответствующих лексических объединений.

Непосредственный анализ лексической номенклатуры свойственных людям личностных качеств удобнее всего начать с рассмотрения наименований предрасположенностей к не контролируемым волей формам психической активности, в силу относительной простоты этих предрасположенностей. К числу такого рода слов относятся прежде всего наименования эмоциональных психических диспозиций — предрасположенностей к переживанию собственно эмоций и относительно долговременных эмоциональных состояний, именуемых настроениями.

Общая способность человека к каким-то эмоциональным переживаниям обозначается в русском языке существительным *эмоциональность*. Однако мотивирующее это слово прилагательное *эмоциональный*, выступая как наименование психического свойства, обозначает уже не простую способность, а повышенную предрасположенность к переживанию различных эмоциональных состояний. Это означает, что человеческий индивид, характеризуемый как эмоциональный, оказывается внутренне предрасположенным испытывать более сильные внутренние переживания, чем другие, неэмоциональные люди. А самое главное, различного рода эмоции и эмоциональные состояния появляются у такого человека гораздо чаще и в гораздо более широком диапазоне ситуаций, нежели это бывает у обычных людей.

Довольно большое количество русских слов (около сорока существительных и прилагательных) имеют лексические значения, выступающие в качестве смысловых конкретизаторов общего понятия повышенной эмоциональности. В своем содержании данные слова отражают свойственные некоторым людям относительно сильные предрасположенности к каким-то конкретным эмоциональным переживаниям, что сопровождается иногда указанием на те или иные обстоятельства или причины возникновения данных переживаний. Наибольшей номенклатурной представленностью здесь отличаются понятия о психических диспозициях, являющих собой повышенные предрасположенности к переживанию позитивных (дружественных) или негативных (враждебных) эмоций по отношению к окружающим. Первые отражаются в значениях таких слов, как *добродушие, мягкосердечие, жалостливость, сердоболие, сострадательность, чувствительность* и *сентиментальность*, вторые — такими словами, как *злобность, озлобленность, обидчивость, раздражительность, завистливость, мизантропия, человеко-, муже- и женоненавистничество*. Относительно высокие предрасположенности к другим видам эмоциональных переживаний находят свое отражение в значениях лишь отдельных лексем. Речь идет о словах *веселость, жизнерадостность, восторженность, впечатлительность, пугливость, боязливость, стыдливость* и *угрюмость*.

Имеются в лексике русского языка и слова, обозначающие слабо проявляющиеся эмоциональные предрасположенности, которые могут при этом мыслиться и как полностью отсутствующие. Диспозиции такого рода отражаются, например, в значениях существительных *безжалостность, бесчувственность, бесстыдство, бесстрашие, незлобивость, отходчивость* и др. Однако слова, которые могли бы обозначать средний уровень проявления каких-то эмоциональных предрасположенностей, в русском языке практически отсутствуют.

Все это в полной мере относится и к тем внутренним психическим диспозициям, которые могут быть охарактеризованы как дезидеративные (от лат. *desidero* — «желаю»). Данная группа объединяет в себе те психические свойства, которые трактуются обычно как человеческие потребности, влечения, страсти и пристрастия. Не вдаваясь в характеристику каждого из этих видов дезидеративных личностных качеств, отметим только, что все они отличаются наличием одного общего признака, суть которого заключается в том, что психические переживания, предрасположенностями к которым являются перечисленные качества, представляют собой те или иные желания. Именно предрасположенностями к возникновению у людей различного рода желаний являются психические свойства, обозначаемые такими словами, как *алчность, жадность, амбициозность, честолюбие, тщеславие, любопытство*, с одной стороны, и *свободолюбие, человеколюбие, любознательность* — с другой. Большинство из этих лексем отражают дезидеративные предрасположенности человека, так или иначе затрагивающие интересы и благополучие других людей. Наибольшей же номенклатурной представленностью в данном лексическом микрополе обладает понятийная зона повышенной сексуальности. Она репрезентируется здесь довольно внушительным синонимическим рядом, в состав которого входят лексемы *женолюбие, сластолюбие, сладострастность, похотливость и эротизм*.

Человеческие эмоции и свойственные людям желания объединяет то, что и первые, и вторые представляют собой возникающие независимо от воли человека внутренние переживания. Однако одними только ими сфера не контролируемых волей форм психической активности не ограничивается. К данной сфере могут быть отнесены и некоторые ментальные процессы — те, которые хоть и приводят к образованию каких-то рефлекслируемых мысленных конструкций (мнений, предположений, убеждений), но протекают независимо от человеческой воли, не будучи обуславливаемы особыми волевыми усилиями. Предрасположенностями к осуществлению ментальных актов этого типа являются личностные качества, обозначаемые такими словами, как *оптимизм и пессимизм, мнительность и подозрительность, легковерие и доверчивость, прекраснодушие и наивность, самонадеянность и гордыня*.

В гораздо меньшем количестве в русском языке представлены лексемы, обозначающие внутренние предрасположенности людей к не контролируемым

их волей формам внешнего поведения. Диспозиции такого рода отражаются в значениях всего лишь шести лексических единиц — прилагательных *смешиливый*, *плаксивый* и *припадочный*, а также образованных от них существительных *смешиливость*, *плаксивость* и *припадочность*. Правда, возможности русского словообразования вполне допустили бы появление, к примеру, таких слов, как *кашливость* или *чихливость*. Однако ментальная и коммуникативная значимость соотносимых с ними понятий, по-видимому, не настолько высока, чтобы создавать для передачи этих понятий какие-то особые лексические средства.

Самую многочисленную категорию наименований присущих людям личностных свойств образуют слова, обозначающие предрасположенности к различным видам, аспектам и особенностям осуществления контролируемой волей психической и физической активности, соответствующей одному общему понятию деятельности. Именно деятельностные психические диспозиции оказываются, таким образом, теми разновидностями свойственных людям личностных качеств, которые находятся в центре внимания отражающейся в структурах языка обыденной (или наивной) психологии.

Среди всех этих диспозиций различаются психические качества двух типов: первые можно определить как деятельностные способности, вторые — как деятельностные склонности. И если под способностями мы понимаем внутренние предрасположенности, обеспечивающие возможность достижения успеха в тех или иных видах деятельности, то под отражаемыми средствами языка склонностями подразумеваются те психические диспозиции, которые обуславливают сравнительно высокую или относительно низкую вероятность совершения человеком какой-то деятельности, что определяется готовностью осуществлять данную деятельность в более широком или более узком диапазоне жизненных ситуаций, нежели это бывает свойственно большинству людей.

Поскольку человеческая деятельность подразделяется на два вида — мыслительную и практическую, соответственно и среди присущих людям деятельностных способностей и склонностей могут различаться способности и склонности мыслительной и практической деятельности. Кроме того, среди связанных с деятельностью диспозиций выделяются еще и так называемые волевые способности, которые представляют собой повышенные или сниженные объективные предрасположенности к произведению волевых усилий, необходимых для осуществления практически всех видов деятельности.

Среди мыслительных способностей людей отражаемая в языке наивная психология четко различает и лексически разграничивает способности памяти и способности интеллекта. Причем те, и другие репрезентируются на лексическом уровне и как очень сильные, и как крайне слабые. В последнем случае морфемный состав и внутренняя форма слова могут даже представлять слабое проявление той или иной способности как полное отсутствие таковой.

Способности памяти отражаются значениями таких слов, как *памятливость*, *забывчивость*, *беспамятность* и *безголовость*. Гораздо большее число лексем отражают в своих значениях способности человеческого интеллекта. Высокие интеллектуальные способности в различных их проявлениях обозначаются в русском языке более чем сорока лексическими единицами, среди которых можно упомянуть такие существительные, как *понятливость*, *сообразительность*, *смышленость*, *догадливость*, *сметливость*, *смекалистость*, *находчивость*, *хитрость*, *хитроумие*, *изворотливость*, *здравомыслие*, *мудрость*, *разумность*, *дальновидность*, *прозорливость*, *глубокомыслие*, *остроумие* и пр. Еще бóльшим количеством слов в русской лексике представлены наименования слабых или недостаточно развитых интеллектуальных способностей. Причем наряду со стилистически и эмоционально нейтральными лексемами типа *глупость*, *скудоумие* или *непонятливость* здесь оказывается довольно много разговорно-просторечных лексических единиц с ярко выраженной негативной эмоциональной экспрессивностью: *тупость*, *тупоумие*, *тупоголовость*, *безмозглость*, *придурковатость*, *идиотизм* (перен.), *кретинизм* (перен.) и т. п.

Что касается наименований практических способностей людей, то кроме слов *артистичный*, *артистичность* и *артистизм* никак не представленными оказываются способности, необходимые для большинства видов профессиональной деятельности: инженерных, педагогических, математических, художественных, музыкальных и пр. В то же время в рамках данного лексического микрополя четко выделяется ряд лексем, обозначающих наличие или отсутствие у человека каких-то выдающихся, но не конкретизированных способностей. К числу этих слов относятся, например, такие существительные, как *даровитость*, *одаренность*, *талантливость*, *гениальность*, а также *бездарность* и *бесталанность*. Кроме того, к содержанию рассматриваемой лексической группы могут быть отнесены наименования способностей, обеспечивающих возможность человеческого общения (*контактность*, *коммуникабельность*), а также необходимых для достижения успеха в сфере деловой жизни (*оборотистость*, *расторопность*, *распорядительность*, *энергичность*).

Из всех имеющихся у людей способностей наиболее широко и детализировано в лексике русского языка отражаются те, которые были обозначены нами как волевые. В качестве наименований способностей такого рода выступают более шестидесяти русских существительных и прилагательных. К их числу относятся, например, слова, обозначающие общую силу или слабость человеческой воли. Так, люди, обладающие просто сильной волей, характеризуются как *волевые*, *сильные*, *стойкие* и *несгибаемые*. Отдельные же аспекты и проявления высоких волевых способностей обозначаются словами *выдержка*, *самообладание*, *настойчивость*, *упорство*, *терпеливость*, *усидчивость* и *работоспособность*. Особенно высокой номенклатурной представленностью

в рассматриваемом лексическом микрополе отличаются способности, связанные с преодолением чувства страха, с умением действовать, невзирая на свой страх. Они находят свое отражение в значениях таких существительных, как *смелость, храбрость, неустрашимость, отвага, мужество, доблесть* и *героизм*. Слабость же тех или иных волевых способностей отражается значениями таких слов, как *безволие, слабоволие, бесхарактерность, слабохарактерность, бесхребетность, мягкотелость, трусость, несмелость, робость, малодушие, нетерпеливость, несобранность, неорганизованность* и т. п.

Относительно личностных качеств, определяемых обычно как деятельностные склонности, следует отметить, что характер значений отражающих их слов позволяет выделить всего лишь два типа диспозиций такого рода: склонности к мыслительной и к практической деятельности. Первые представляют собой предрасположенности к более частому или более редкому, чем это обычно замечается, осуществлению контролируемых волей мыслительных процессов. Вторые же выступают как повышенные или сниженные предрасположенности к совершению тех или иных видов контролируемых практических действий или к каким-то особым аспектам или способам осуществления различных форм практической деятельности.

В области присущих людям мыслительных склонностей наше языковое сознание выделяет и лексически означает и склонность к каким-то конкретным видам мыслительной активности (*вдумчивость, мечтательность, фантазерство*), и предрасположенность к некоторым общим особенностям протекания процесса мышления (догматизм, поверхностность, объективизм, субъективизм). Наибольшей же номенклатурной представленностью в составе рассматриваемого микрополя обладают слова, являющиеся наименованиями мыслительных склонностей, проявляемых при выборе решений в сфере практической деятельности. В связи с последним обстоятельством данные слова вполне могли бы рассматриваться и как наименования практических деятельностных склонностей. К числу такого рода лексем относятся существительные *осмотрительность, расчетливость, благоразумие, решительность* и *самостоятельность*, а также слова *неосмотрительность, неблагоразумие, легкомыслие, безрассудство, нерешительность* и *несамостоятельность*.

С лингвистической точки зрения большинство наименований для склонностей практического характера можно распределить по пяти основным семантическим группам, расчленяемым в свою очередь на более мелкие лексические подгруппы — микрополя.

Первая группа включает слова, указывающие на мотивы, которые могут преобладать в деятельности тех или иных людей. В составе данной группы отчетливо выделяются микрополя, отражающие:

1) мотивированность поведения преимущественно эмоциональными порывами или соображениями разума (*импульсивность, порывистость — рассудочность, рационалистичность, прагматизм*);

2) обусловленность деятельности мотивами собственного блага или благополучия других (*эгоизм, своекорыстие — альтруизм, отзывчивость, участливость, самоотверженность, бескорыстие*);

3) зависимость или независимость поведения от чужой воли (*уступчивость, сговорчивость, покладистость, безропотность, смиренность, забитость — своенравие, своеволие, строптивость, непокладистость, неуступчивость, несговорчивость, бескомпромиссность, упрямство*).

Во вторую группу наименований склонностей практического характера входят слова, отражающие в своих значениях активность или пассивность людей в тех или иных сферах их жизнедеятельности. В рамках этой семантической группы вычленяются лексические микрополя, фиксирующие:

1) общую активность или пассивность человека (*живость, непоседливость, неугомонность, торопливость, суетливость, суматошность, баламутность — медлительность, неторопливость, несуетность, созерцательность*);

2) активность или пассивность, проявляемые в труде (*трудолюбие, деловитость, инициативность, предприимчивость, хозяйственность, домовитость, хлопотливость, старательность — леность, бездеятельность, безынициативность, бесхозяйственность*);

3) особую склонность к рискованным предприятиям (*рисковость, бесшабашность, отчаянность, удаля, молодечество, авантюризм*).

Третью группу наименований склонностей практической деятельности образуют слова, обозначающие склонности, проявляемые в отношениях с другими людьми. Микрополя, вычленяемые в составе данной группы, отражают следующие аспекты этих отношений:

1) наличие или отсутствие стремления жить и работать в коллективе (*коллективизм — индивидуализм*);

2) расположенность к общению или отсутствие таковой (*общительность, разговорчивость, словоохотливость, болтливость — необщительность, нелюдимость, замкнутость, молчаливость, неразговорчивость, немногословность*);

3) проявление искренности или неискренности в общении (*искренность, непосредственность, открытость, откровенность, прямота, честность, правдивость — неискренность, скрытность, лицемерность, двуличность, лукавость, нечестность, лживость, плутоватость*);

4) наличие или отсутствие склонности к демонстрации превосходства над окружающими (*спесь, гонор, барственность, апломб — скромность, простота, демократизм*);

5) готовность причинять людям страдания и ее отсутствие (*жестокость, озверелость, изуверство, садизм — гуманность*);

6) гуманность и негуманность, проявляемые в общении (*тактичность, деликатность, обходительность, учтивость, приветливость — неделикатность, неучтивость, бестактность, неприветливость, грубость, дерзость, скандальность, хамство*).

7) склонности к различным формам и проявлениям враждебного поведения (*агрессивность, злобность, задиристость, драчливость, подлость, вероломность, мстительность, пакостливость, стержность, вороватость*);

8) склонности сексуального поведения (*верность — неверность, блудливость, развратность, ветреность, гомосексуализм*).

К четвертой группе наименований склонностей интересующего нас типа могут быть отнесены слова, отражающие психические диспозиции, условно обозначаемые как деятельностные склонности по отношению к самому себе. Среди такого рода диспозиций лексически различаются:

1) склонности, связанные с расходом денежных средств (*бережливость, экономность — небережливость, неэкономность, расточительность*);

2) склонности по отношению к чистоте своего тела, одежды и жилища (*чистоплотность, опрятность, аккуратность — нечистоплотность, неопрятность, неряшливость, неаккуратность*);

3) склонности, отражающие манеру одеваться (*франтоватость, щеголеватость, пижонство*).

Наконец, в пятую группу названий склонностей практической деятельности выделяются наименования внутренних предрасположенностей людей к соблюдению или несоблюдению различных деонтических предписаний (от греч. *deon* — «должное»). Речь идет обо всех принятых в обществе законах, установлениях, правилах и нормах, субъективное отношение к которым трактуется в психологии в терминах Сверх-Я, или более традиционно — как чувство долга. Склонности, так или иначе репрезентирующие и конкретизирующие данное отношение, фиксируются словами *гражданственность, законопослушность, дисциплинированность, ответственность, принципиальность, порядочность, воспитанность, вежливость — недисциплинированность, безответственность, халатность, беспринципность, безнравственность, непорядочность, невоспитанность, невежливость, наглость, шаловливость, озорство* и т. п.

Итак, анализ словарной семантики слов, обозначающих психические свойства, позволяет предположить, что общим понятием психического свойства ох-

вываются лексемы, отражающие в своих значениях три принципиально (сущностно) различающихся типа внутренних личностных диспозиций, присущих людям. Это предрасположенности к неконтролируемым волей формам психической активности, деятельностные способности и деятельностные склонности. Заметим, что в большинстве современных работ по психологии личности и личностной психодиагностике данное различие обычно не используется. Причина — в различии психологического и лингвистического подходов, о чем уже говорилось ранее.

В психологических эмпирических исследованиях при распределении лексического материала по семантическим группам (кластерам) в составе одних и тех же групп оказываются наименования разносущностных с лингвистической точки зрения психических свойств, связанных не качественной (сущностной) близостью, а только причинно-следственными или условно-следственными отношениями, зафиксированными обыденным сознанием. Так, «Атлас личностных черт», разработанный А.Г. Шмелевым, в кластере слов, отражающих определенные тенденции человеческого поведения, не отличает наименования эмоциональных, дезидеративных и ментальных диспозиций, могущих выступать непосредственными причинами этих тенденций, от наименований волевых и интеллектуальных способностей, которые лишь обеспечивают проявление склонностей в поведении. Например, в кластер, обозначенный как «Выражение собственных притязаний» и включающий наименования таких диспозиций, как спесивость, заносчивость и надменность, вошло слово *амбициозный*, обозначающее психическое свойство дезидеративного характера (потребность в общественном признании), которое вполне может быть причиной упомянутых поведенческих склонностей [6, с. 386]. В кластер, объединяющий слова типа *новатор*, *искатель*, *подвижник* включено и существительное *оптимист*. А ассоциативное сцепление понятий активности и оптимизма объяснялось существующим на уровне обыденного сознания убеждением, что «активен тот, кому свойственна глубинная вера в возможность лучшей жизни» [7, с. 12]. Слова *общительный* и *разговорчивый* сочетаются в рамках одного кластера с прилагательным *коммуникабельный*, поскольку обозначаемая им способность к общению является неперенным условием формирования общительности как поведенческой склонности [6, с. 415].

Такого рода подразумевания связей между разносущностными психическими диспозициями могут фиксироваться в языке при помощи слов, отражающих определенный комплекс элементарных личностных качеств. Чаще всего это два различных качества, связанные между собой как психическая (обычно эмоциональная или дезидеративная) причина и поведенческое (деятельностное) следствие. Так, к примеру, лексическое значение слова *милосердие*, выражая предрасположенность человека приходить на помощь страждущим, содержит и указание на эмоциональную сострадательность как прямую причину

отмеченной поведенческой склонности. Существительное *чуткость*, обозначающее в принципе ту же самую деятельностную диспозицию, в качестве основной ее предпосылки отмечает уже не эмоциональную восприимчивость к чужим страданиям, а интеллектуальную способность воспринимать проблемы и беды другого человека.

К числу личностных свойств комплексного характера, на наш взгляд, относится и такое важное, социально значимое человеческое качество, как *совесть*. В этической литературе это качество рассматривается как основа и своеобразный внутренний стержень того сложнейшего психического комплекса, который именуется нравственностью человека. Однако единого, общепринятого понимания сущности совести современная наука еще не выработала.

Чаще всего совесть определяется как моральная ответственность человеческого индивида перед самим собой (см., например, [1, с. 263]). А поскольку такая ответственность проявляется прежде всего в переживании особых эмоций, именуемых угрызениями совести и чувством морального удовлетворения, интересующее нас качество трактуется обычно как чисто эмоциональная психическая диспозиция, заключающаяся в общей предрасположенности человека к данным переживаниям. Однако, помимо порождения упомянутых эмоций, совесть имеет еще одну, не менее важную функцию — регулятора человеческой деятельности, приведения ее в соответствие с моральными и иными нормативными представлениями индивида, ставшими его собственными деонтическими убеждениями. С этой точки зрения совестливым является тот человек, который не только способен переживать внутренние угрызения в связи с совершением несправедливых деяний, но и не склонен совершать поступки, противоречащие разделяемым им убеждениям. Таким образом, человеческая совесть должна рассматриваться как комплексная психическая диспозиция, совмещающая в себе эмоциональный и деятельностный компоненты.

Библиографический список

1. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 1998.
2. Ковалев А.Г. Психология личности. 3-е изд. М.: Просвещение, 1970.
3. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
4. Ребер А. Большой толковый психологический словарь: В 2 т. М.: Вече; АСТ, 2000.
5. Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В.И. Дружинин. М.: ИНФРА-М, 1999.
6. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002.
7. Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М.: МГУ, 1988.

КОНЦЕПТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТОВ

.....

А.Н. Кимберг, А.С. Налетова*

Проблема индивидуального субъекта проработана сегодня в психологической науке относительно полно. Благодаря исследованиям А.В. Брушлинского, В.А. Барабанщикова, В.В. Знакова, А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко и других ученых мы можем представить основные характеристики субъекта в следующем виде. Субъект выступает перед нами прежде всего как носитель интенции. Субъект есть носитель желания, стремления или интереса (и в политическом, и в экономическом смысле).

Субъект целостен. От него ожидается последовательность поведения, и во взаимодействии с другими он обладает памятью, т.е. воспроизводит себя в прошлом и обеспечивает преемственность действию между прошлым, настоящим и будущим. Предполагается также, что он непротиворечив и не утверждает в один и тот же момент взаимоисключающие вещи. Несмотря на то что практика имеет дело с массовыми нарушениями этого положения, они рассматриваются как исключения или отклонения от правила. Сам же принцип целостности под сомнение не ставится.

Субъект рефлексивен, способен к самопониманию. Он осознает себя в деятельности, а еще точнее — в деятельности применительно к ситуации, а также ситуации в более широком контексте, чем тот, который первично инициировал активность. Вопрос, который субъект задает себе, скорее звучит не «Кто я?», а «Где я?» и «Что и зачем я делаю?»

Субъект обладает знанием о мире. Человек, не обладающий знанием о ситуации, в которой он действует, не является применительно к ней субъектом. Он

---

* Кимберг Александр Николаевич — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: kimberg@manag.kubsu.ru.

Налетова Анна Сергеевна — аспирантка кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета.

обладает субъектностью лишь в рамках тех процессов, для которых у него есть хоть какая-нибудь модель, позволяющая ему предвидеть их течение, понимать внутренние связи и хотя бы пытаться влиять на их протекание.

Со знанием связана ответственность, также характеризующая состояние субъектности [3, с. 23]. Ответственность основана на знании о возможных последствиях своих действий, понимании причинной связи между ними и будущей ситуацией и состоит в готовности человека действовать в данных ему и осознанных им условиях.

Важнейшей характеристикой субъекта становится ресурсность, раскрывающаяся как способность действовать и изменять мир в данных социальных условиях. Ресурсность индивидуального субъекта описывается в терминах различных видов капитала: социального [12; 15], человеческого [13; 14] культурного [11] и др.

К необходимой характеристике субъекта следует отнести и коммуникативность — особую позицию субъекта относительно социальности [4]. Она основана на постоянном обращении человека к остальным людям и культуре. «Сама основа жизни людей — постоянно переживаемая ими духовно-практическая их общность, их прямая объективно-субъективная зависимость друг от друга» [7, с. 333]. Коммуникативность основана на развитии понимания Другого как такого же, как и сам субъект [8; 9] и ведет к пониманию человеком принципиальной необходимости обмена смыслами и установления кооперации с другими людьми.

Проблема коллективного субъекта становится одной из основных для социальной и организационной психологии. В первую очередь это объясняется распространением субъектного подхода в отечественной психологии в последнее десятилетие. Большинство последних работ по изучению и осмыслению концепта «коллективного субъекта» связано с деятельностью творческой группы психологов ИП РАН, и прежде всего с работами А.А. Журавлева.

Понятие «коллективный субъект» употребляется в современной социальной психологии в нескольких значениях.

Во-первых, термин, акцентирующий гносеологическое противопоставление субъекта и объекта, употребляется в основном в психологии управления: «коллектив как субъект и объект управления».

Во-вторых, противопоставление индивидуальному субъекту или субъекту вообще характерно для социально-психологических исследований совместной деятельности и для исследований в области психологии труда; здесь коллективный субъект имеет и гносеологический и онтологический смысл.

В-третьих, указание на определенное качество коллектива (группы), свойство быть субъектом, которое в разной степени характеризует коллективы. Соответственно, разные коллективы являются коллективными субъектами в

разной степени. Это понимание коллективного субъекта пока недостаточно отрефлексировано социальными психологами.

В-четвертых, расширительное наименование совместно действующей или ведущей себя группы людей. В последнем случае всякая совокупность людей, проявляющая себя через любые формы поведения, отношения, деятельности, общения, взаимодействия и т. п., есть коллективный субъект. Здесь специфика понятия «коллективный субъект как обозначения группы, наделенной определенными качествами, теряется.

Представление о коллективном субъекте связано с анализом феномена совместной деятельности, что позволяет совместно рассматривать динамические особенности совместной деятельности [10] и ее коллективного субъекта. Основные свойства коллективного субъекта, раскрываемые через характеристики и требования совместной деятельности, представлены в работах А.А. Журавлева следующим образом:

1. Целенаправленность — соотношение индивидуальных и групповых целей: соответствие, взаимное дополнение, расхождение, противоречие.
2. Мотивированность — активное, заинтересованное выполнение совместной деятельности, напряженность работы, сходства — различия в направленности участников деятельности, направленность на участие в конкретной группе, включенность участников в деятельность.
3. Структурированность — характер распределения функций в совместной деятельности: строгость, четкость, наличие дублирования, частичное наложение, страхование.
4. Интегрированность (объединенность) — взаимосвязанность участников, их зависимость друг от друга, плотность функциональных связей.
5. Согласованность (координированность) — последовательность выполнения деятельности, ритмичность, соответствие индивидуальных деятельностей друг другу, наличие связанности между этапами работы, дисциплина деятельности.
6. Организованность и управляемость (регулируемость) — следование управляемым воздействиям, содействие управлению, противодействие ему, уклонение от управляющих воздействий, самоуправление.
7. Продуктивность (результативность) — показатели конечных результатов (количественные и качественные).
8. Условия (пространственные и временные) совместной деятельности группы — расположение рабочих мест участников деятельности и территории (зоны работы), распределение во времени выполняемых индивидуальных деятельностей [1; 2].

Можно заметить, что при этом подходе внимание акцентируется на особенностях организации и мотивации взаимодействия индивидуальных субъектов, порождающих феномен коллективного субъекта в ходе совместной деятельности. Коллективный субъект сводится к определенной организации совместной деятельности и осуществляющих ее индивидуальных субъектов.

Определение коллективного субъекта через взаимодействие, причем и через психологический, и через социальный его компоненты, предлагают и Н.Е. Максимова, И.О. Александров, И.В. Тихомиров и др. Коллективный субъект рассматривается как система «моделей взаимодействия социальной общности с предметной областью, которые распределены на множестве индивидов (членах социальной общности)» [6, с. 18]. Модели взаимодействия отражают устойчивые социально фиксированные способы осуществления трудовых функций, актуализируемые в процессе совместной деятельности ее участниками. «Актуальные индивидуальные субъекты» являются носителями системы культурных моделей взаимодействия социальной общности с предметной областью. Авторы этого подхода утверждают, что понимание коллективного субъекта как набора моделей, распределенного на множестве индивидов, принципиально отличается от вариантов представлений о субъекте совместной деятельности, который представляет собой совокупность индивидов, включенных в совместную деятельность.

Попытка выделить в качестве основания феномена коллективного субъекта совокупность культурно обусловленных моделей деятельности, «наполняемых» реальными индивидами и развиваемых ими, выглядит продуктивной. Однако и здесь при ближайшем рассмотрении коллективный субъект понимается как «система актуальных индивидуальных субъектов», а структура коллективного субъекта рассматривается через различные проявления индивидуальных субъектов [6].

Неявное, но традиционное для психологов понимание деятельности как изначально индивидуальной активности ограничивает возможности концептуализации коллективного субъекта. В определенной мере эти ограничения преодолевает социологический подход к носителю активности в социальном мире. Используемое в социологии для обозначения человека как действующего лица понятие «актор» схоже с понятием «субъект» в психологии. Так, И.А. Климов определяет коллективного актора как «институты и формальные организации, индивиды, действующие от имени этих организаций, или сложившееся в некоей ситуации сообщество или группа» [5]. Понятие «актор» всегда связано с действием: «Действие — это всегда влияние и участие в ситуации или проблеме, то есть всегда деятельное присутствие» [5]. Одним из важных критериев существования и функционирования коллективного деятеля, вероятно, можно считать наличие определенного ресурса, способного оказывать влияние.

И.А. Климов выделяют следующие характеристики, образующие в совокупности явление субъектности:

- наличие самоидентификации людей, образующих сообщество;
- внутригрупповую солидарность, понимаемую как обмен ответственностью между индивидом и группой;
- наличие рефлексии «мы — они»; выделенность внутри более широкой общности, возможно, обладание некоторым институционализированным статусом;
- наличие более или менее устойчивого состава участников сообщества, а также наличие лидера или лидерской группы, берущей на себя инициативу и ответственность за его существование и деятельность;
- согласие относительно целей сообщества и способность данной организационной структуры их реализовывать, наличие воспроизводимых практик, ритуалов или коллективных актов, подтверждающих статус субъекта;
- признание данного субъекта партнерами по социальному взаимодействию, допускающими для себя возможность «иметь с ним дело» [5].

Отсутствие той или иной характеристики у коллективного агента не лишает его субъектности. Субъектность, следовательно, варьирует по интенсивности, а ее уровень можно было бы оценивать по степени выраженности перечисленных переменных, используя их в качестве диагностических параметров при изучении различных видов социальной общности.

Появление в рассуждениях термина «субъектность» требует его четкого определения. Понятия «субъект» и «субъектность» различаются тем, что субъектность является динамичной характеристикой группы, в то время как обозначение «субъект» представляет собой статус, приписываемый наблюдателем группе или индивиду в процессе социального взаимодействия и обменов деятельностью и их результатами. Основные вопросы, которые возникали и возникают при изучении явлений, связанных с проявлением так называемой субъектности, в том числе и при изучении коллективного субъекта, связаны с выявлением того, как люди начинают хотеть что-то делать, делать то, что требует усилий воли, определенных вложений и средств, а также как они в итоге осуществляют это что-то. Последнее касается не столько отдельного человека, сколько коллективного субъекта.

При рассмотрении коллективного субъекта понятно, что прямой перенос характеристик индивидуального субъекта здесь невозможен. Как быть, например, с такими характеристиками субъекта, как интенция и наличие цели? Цели коллективного субъекта заданы общественным разделением труда настолько сильно, что производимое им и те цели, которые он социально наглядно достигает, мы можем понять только в совокупном анализе остальных субъектов (носителей интересов), действующих в этом поле. Интерес для коллектив-

ного субъекта выступает как аналог интенции для индивидуального субъекта. Однако интерес этот сложным образом распределяется среди носителей коллективности. Он многократно опосредуется и преломляется внутренней структурой коллективного субъекта, причем таким образом, что узнать его на индивидуальном уровне часто оказывается сложно.

Мы не можем рассматривать коллективного субъекта как сумму индивидуальных субъектов — это слишком очевидный механистический итерационный подход, но мы не можем рассматривать его и как систему взаимодействующих самодостаточных индивидуальных субъектов, по крайней мере, обладающих полной субъектностью. Очень часто внутренняя структура коллективного субъекта держится не на кооперации, т.е. взаимовыгодном взаимодействии многих индивидуальных субъектов, для которых организация совместной деятельности есть средство более эффективного удовлетворения своих потребностей, а на доминировании, контроле и принуждении.

Продуктивным решением может быть рассмотрение коллективного субъекта прежде всего как субъекта в поле социального взаимодействия. В этом случае основными характеристиками первого уровня становятся его целостность, последовательность и определенность. Требования, предъявляемые к претенденту на статус субъекта в социальном поле, тогда выглядят так: способность быть целостным, т.е. предсказуемым и определенным, способность занимать позиции в отношениях, способность артикулировать свои интересы. Отсутствие определенности приводит к отсутствию субъекта. Характеристики второго уровня относятся к структуре коллективного субъекта и обеспечивают реализацию названных требований.

Итак, коллективный субъект — это некоторая система (подсистема общества), занимающаяся определенной продуктивной деятельностью и участвующая в социальном взаимодействии, обладающая внутренней структурой, за которой стоит эффективное согласованное взаимодействие ее участников, мотивированных в выполнении этой деятельности.

Коллективный субъект имеет четко отлаженный управленческий аппарат или лидерскую группу, которая занимается контролем и координацией деятельности и взаимодействия его членов, а также персонифицирует его интересы.

Коллективный субъект обладает *проявленной идентичностью*, т.е. осознает себя в контексте своих значимых отношений и способен артикулировать свои интересы, а его члены обладают выраженной групповой идентичностью — осознают себя как общность, связанную сходным положением в социальном мире и пониманием того, что они способны что-либо сделать только в рамках совместного социального действия (обладают внутригрупповой солидарностью).

К уже сформулированным ранее характеристикам коллективного субъекта мы добавили бы и такие, как:

– уровень контроля за индивидуальными членами, варьирующий от тотальной «преданности» индивидуума коллективности, исчерпывающей все его контакты с миром, до весьма ограниченной включенности человека в отношения и взаимные обязательства с организацией;

– мера влияния индивидуального участника на внешнее поведение и внутренние процессы самоорганизации коллективного субъекта, варьирующая от права вето и требования консенсуса по всем вопросам до кастовой модели распределения функции, в которой функция принятия решений закреплена за узким кругом лиц (последняя характеристика операционально раскрывается через наличие в коллективном субъекте действующих механизмов того типа, который в аспекте политического процесса именовался бы представительной и непосредственной демократией, а также через меру проницаемости границ групп во внутренней иерархии субъекта и наличие процедур для перехода из группы в группу (карьеры));

– правила входа и выхода, а также наличие контракта по поводу членства индивида в коллективном субъекте и степень его формализованности. Контракт предусматривает соглашение по поводу взаимных обменов, ведущих в итоге к удовлетворению потребностей и достижению интересов участников.

Представляется, что развитие концепта «коллективный субъект» еще далеко не завершено. Вместе с тем объяснительный потенциал его раскрывается как все более и более многообещающий.

Библиографический список

1. *Журавлев А.А.* Основные признаки совместной деятельности // Организационная психология / Сост. и общ. ред. Л.В. Винокурова, И.И. Скрипюка. СПб.: Питер, 2001.
2. *Журавлев А.А.* Понимание «коллективного субъекта»: основные подходы в психологии // <http://psychol/ras/ru/conf/juravlev/htm>
3. *Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: ИП РАН, 2005.
4. *Кимберг А.Н.* Концепт субъекта как инструмент социальных исследований // Субъектность в личностном и профессиональном развитии человека: Матер. II Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Г.В. Мухаметзяновой. Казань: КСЮИ, 2005.
5. *Климов И.А.* В поисках субъекта деятельности // http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/numer_05_02/gur050201
6. *Максимова Н.Е., Александров И.О., Тихомирова И.В., Филиппова Е.В., Фомичева Л.Ф.* Структура и актуалгенез субъекта с позиции системно-эволюционного подхода // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1.

7. Михайлов Ф.Т. Избранное. М.: ИЦ «Академия», 2001.
8. Сергиенко Е.А. Модель психического (Theory of mind) как ментальный механизм становления субъектности // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: ИП РАН, 2005.
9. Сергиенко Е.А. Психология субъекта: проблемы и поиски // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: Матер. III Всерос. нуч.-практ. конф. / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2005.
10. Флоровский С.Ю. Личностная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей и культура организации // Личность и бытие: теория, исследования, практика / Под ред. З.И. Рябикиной, А.Н. Кимберга, С.Д. Некрасова. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2005.
11. Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in education, society, and culture. L.: Sage, 1977.
12. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. P. S95–S120.
13. Côté J.E. An empirical test of the identity capital model // Journal of Adolescence. 1997. Vol. 20. № 5. P. 577–597.
14. Côté J.E. Sociological perspectives on identity formation: The culture-identity link and identity capital // Journal of Adolescence. 1996. Vol. 19. № 5. P. 417–428.
15. Portes A. The Two Meanings of Social Capital // Sociological Forum. 2000. Vol. 15. № 1. P. 1–12.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

.....

Е.А. Кожемякин*

1. Теоретико-методологические предпосылки применения дискурс-анализа

Обращение сразу нескольких отраслей знания (философии, социологии, политологии, психологии, культурологии) к анализу языка и речи закономерно и симптоматично. Сегодня мы являемся свидетелями того, как «движение к внутренним структурам языка» разворачивается в противоположном направлении: от изучения *языковой действительности*, языка в широком понимании переходят к изучению роли языка в конструировании социального мира, в дискурсивном обосновании повседневности, к анализу дискурса как идеологического инструмента, как способа упорядочения социальных отношений, (вос)создания социального порядка и т.д. [17; 22; 25; 40]. По существу, появляется новый предмет для исследования. Раньше предметом лингвистики считали язык как автономную сущность, обладающую объективными, не зависящими от человеческого сознания признаками, структурой и связями. Современному социогуманитарному знанию важно изучать средства и поля реализации языка в антропологическом и социальном измерении, а также вырабатывать новые базовые категории, которые отвечали бы новейшим исследовательским запросам. Язык в его классическом понимании (система кодов, основание общения) более не отвечает требованиям современных социально-гуманитарных наук и не представляется адекватным объектом анализа. Язык приобретает теперь актуальность, исследовательское значение лишь в контексте своего применения. Уже не принято считать, что язык лишь обслуживает внешнюю деятельность. Теперь полагают, что язык сам непосредственно является деятельностью (а это допущение предполагает автономное существование языка даже не как

---

* Кожемякин Евгений Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного университета. Электронная почта: kozhemyakin_evge@mail.ru, dva@bel.ru.

конструкта, а как независимой сущности). Иными словами, в контексте современных парадигм рассматривают язык не сам по себе, а в отношении к «тому, что люди делают» (см., например, [27]). Язык стал объектом идеологической критики вследствие того, что теперь он рассматривается как инструмент манипуляции сознанием и нормирования социального поведения. Столкнувшись с «человеческим» измерением языка (т. е. с полаганием его в области желаний, намерений, действий и взаимодействий людей), исследователи выявили, что принципы функционирования и организации языка на абстрактном уровне не проявляются и «не работают» на уровне человеческого взаимодействия. Иными словами, люди используют язык по иным законам, нежели те, по которым он организован. Специфика использования языка зависит от социального, исторического, коммуникативного, экономического и прочих контекстов, а это означает, что язык может быть инструментом достижения определенных целей — социальных, экономических, политических и т.д. [20; 21; 27].

Одновременно полипарадигмальность социально-гуманитарных наук стала отчетливо проявляться в ориентации на разные философские традиции: на классическую философскую мысль¹, с одной стороны, и на лингвоцентристские подходы² — с другой.

Современное состояние социально-гуманитарных наук принято трактовать в терминах не языкового, а дискурсивного поворота в первую очередь в силу неудобной для современных социально-гуманитарных парадигм коннотации термина «язык» в его классическом сосюрловском определении. Язык как структурная, «оторванная от человека» категория не способна отвечать современным представлениям об объекте анализа. Категория «дискурс» призвана, по общему мнению, заполнить методологические и онтологические бреши, поскольку данная категория, во-первых, предполагает практическую человеческую деятельность в качестве объекта изучения, во-вторых, снимает методологические различия между объектом и субъектом исследования³, в-треть-

¹ Интенсивно идет переосмысление «парадигмального диалога» между гегелевской и кантовской методологиями.

² Здесь имеется в виду развитие в первую очередь концепции «здесь-бытия» и языковой онтологии М. Хайдеггера, теории языковой относительности Б. Уорфа, теории языковых игр Л. Витгенштейна.

³ Адаптивность и рефлексивность объекта социально-гуманитарного исследования предполагает, что он обладает сознанием, по большому счету, не отличающимся от сознания исследователя. В данном случае парадоксальным, но крайне важным представляется вопрос о возможности вычленения такого объекта исследования, как человек, если он же является и субъектом. Вопрос звучит следующим образом: можно ли рассматривать онтологию как истинно-человеческую, как «антропоцентрическую», если это требует расщепления между онтологией исследователя и объектом исследования. Дискурс-анализ разрешает эту проблему за счет постановки знака равенства между категорией языка и категорией деятельности: исследовать в дискурс-анализе означает подвергать анализу способ деятельности и в первую очередь — собственный способ деятельности.

их, помогает преодолеть методологическую оппозицию «факт — конструкт»⁴. Столь стремительная эскалация новейшей базовой категории дискурса (равно как трансформации предметного поля социально-гуманитарных исследований) не позволяет дать дискурсу какое-то одно определение.

В дебатах об онтологическом статусе дискурса центральную роль играет противопоставление тексту, реже — языку и речи [11; 37; 41]. Принципиальными различиями между дискурсом и текстом считают следующие: 1) дискурс относится к области лингвосоциального, текст — исключительно лингвистическая категория; 2) дискурс — категория процесса, текст — категория результата; 3) дискурс относится к области актуального, текст — к области виртуального. Рассмотрим их подробно.

1. Дискурс возникает там, где высказывание имеет социальные последствия; текст представляет собой некоторый абстрактный ментальный конструкт, наделенный характеристиками смысловой целостности и грамматической завершенности. Дискурс — атрибут коммуникативно-социального поля, текст — атрибут сознания. Поясним на примере: высказывание «По газонам не ходить!» можно рассматривать и как *элемент дискурса*, и как *текст*. Исследователь дискурса сосредоточится на том, что высказывание относится к *конкретному* действию, которое имеет *социальный* характер и обладает вполне определенным, *ситуативным* практическим смыслом. Оно уместно в пространстве, где есть газон и по отношению к нему есть возможность совершить определенные действия или воздержаться от их совершения — ходить или не ходить. Иначе использование данного высказывания лишается практического смысла. Исследователя текста будут интересовать внутренние связи высказывания и его когнитивный эффект: данное высказывание можно описать как имеющее побудительную функцию с определенными значениями.

2. Дискурс описывается как *процессуальная* категория в силу своей потенциальной незавершенности, текст же мыслится как результат интенциональной деятельности человека. Например, медицинский дискурс включает в себя непрерывающееся воспроизводство высказываний (рецепт, диагноз, врачебные рекомендации, жалоба на здоровье, описание боли и т. д.) и соответствующих им ситуаций, тогда как медицинский текст представляет собой результат деятельности агентов поля медицины. В дискурсивном поле значение высказывания всегда формируется и развивается в процессе воспроизводства дискурсивных элементов: каждое последующее высказывание уточняет, дополняет, воспроизводит, опровергает предыдущее значение. В поле текста значение всегда имманентно внутренней структуре. Иначе говоря, в дискурсе смысл сказанного — всегда в последующих высказываниях, в то время как в тексте

⁴ Дискурс одновременно является и фактом человеческой реальности и конструктом: то, что говорится в определенном социальном контексте, является элементом фактической социальной реальности и имеет конкретные социальные последствия.

смысл — в том, что уже сказано. У дискурса диалогичная и полифоничная природа, у текста — монологичная.

3. Дискурс *актуален*, т. е. соотносится с положением вещей «здесь и сейчас», с конкретными условиями деятельности, с практическим смыслом; или иначе, дискурс имеет отношение к той ситуации, когда *реальное* высказывание соотносится с *реальными* последствиями, *событиями* и не обладает статусом самостоятельности. Текст — *виртуален*, т. е. его отличает автономная сущность, он самодостаточен и может не иметь реального референта. Скажем, миф можно рассматривать как текст, обладающий автономной языковой действительностью (например, предание или легенда), и как дискурс, который создается в определенных социальных условиях, ведет к конкретным социальным действиям и обуславливает их (например, мифы современной рекламы и политики).

Таким образом, дискурс от текста отличают следующие характеристики:

- принадлежность к сфере социальных действий (а не к сфере ментальных конструктов);
- функциональность и ситуативность (а не отвлечённость);
- процессуальность (реальное лингвосоциальное речепроизводство, а не оперирование предзаданными ментальными конструктами);
- диалогичность и полифоничность (а не монологичность);
- отнесение к событийности (а не к повторяемости или предзаданности).

Дискурс, обладая перечисленными характеристиками, актуализирует язык (как абстрактную знаковую систему) и тексты (как абстрактные ментальные конструкты). Дискурс как актуализирующая практика является утилитарным выражением языка и текстов, корпусом конкретных условий и правил смыслообразования. Анализ дискурса, в отличие от анализа текста и анализа языка, позволяет исследовать жесткую связь между содержанием интерпретативного потенциала дискурса и значимыми социальными категориями, выступающими как предмет обсуждения и одновременно как способы суждения и аргументации [14].

Дискурс вбирает в себя все случайные, ситуативные, специфические свойства, обусловленные конкретными социальными агентами, действующими в конкретных социальных условиях.

Формула «дискурс = текст + контекст + деятельность» подразумевает:

- единство переданного конкретными семиотическими средствами целостного смысла и социальной ситуации;
- актуализацию языка в определенной социальной ситуации;
- наделение текста статусом социального события;

– языковое конструирование социальной реальности в самом широком смысле⁵.

Рассмотрим обстоятельства, которые делают очевидной связь между дискурсом и полем социального.

1. Интерактивность (диалогичность) дискурса предполагает знание участниками обобщенной модели референтной ситуации (которая наделяет дискурс смыслом), а такая модель с неизбежностью относит нас к *разделяемым коллективным представлениям, ценностям, практикам, общему пониманию типичных ситуаций*. Общность знаний позволяет посредством дискурса конститuirовать факты как социальные события⁶, т. е. наделять происходящее особой значимостью, распознавать некоторые действия как значимые, оценивать те или иные явления. Всё это предполагает наличие общего для группы людей поля представлений, *ценностей, практик*.

2. Дискурс функционирует в социальном взаимодействии, а потому для его производства необходимы общие фоновые знания о правилах взаимодействия и стандартах коммуникации.

3. Социальные агенты в контексте любой социальной практики *репрезентируют* другие практики, а также воспроизводят рефлекссию о значимости, смысле и содержании собственной практики (т.е. той, в поле которой они находятся в конкретный момент и которая дискурсивно актуализируется). Социальные агенты «реконтекстуализируют», помещают в новый социальный контекст знакомые им практики. Это значит, что различные агенты будут по-разному репрезентировать одни и те же практики в зависимости от того, как они позиционируют себя в собственной практике. Роль дискурса в данном случае велика: дискурс выполняет функцию социального конструирования практик, он как бы придаёт форму социальным явлениям и ситуациям, репрезентирует их в некоторой значимой символической форме.

В настоящее время термин «дискурс» употребляется в нескольких значениях и применительно к различным объектам. Предлагаемая нами парадиг-

⁵ Под языковым конструированием социальной реальности понимается специфическая способность дискурса не отражать социальную реальность, а активно воссоздавать её. В конструировании выражается активность дискурса, его продуктивный характер. Активность, агентивность дискурса предполагает, что система кодов и значений, содержащаяся в дискурсе, порождает конкретные социальные практики; иными словами, люди действуют в том режиме, который «задаётся» им дискурсом; социальный мир проектируется и моделируется в дискурсе; дискурс даёт нам сценарий чувств, действий, оценок, сценарий того, как и что делать, хотеть и говорить.

⁶ Различение факта и события отсылает нас к концепции М. Бахтина: фактом признается самоочевидное положение дел, «естественный», само собой разумеющийся фрагмент действительности; событие понимается как факт, наделенный значением уникальности, маркированный факт, некое положение дел, признающееся и расцениваемое как отклоняющееся от «нормальной логики фактов». Категория события является не холистской, но феноменологической, поскольку отражает свойство человеческого сознания систематизировать и иерархизировать действительность в соответствии с особой системой значений и смыслов.

мальная классификация трактовок модифицирует типологию М. Макарова [11, с. 83–99].

Формальная трактовка. Дискурс рассматривается как категория естественной устной или письменной речи — как относительно завершенное в смысловом и структурном отношении речевое произведение, длина которого варьируется от синтагматической цепочки двух и более высказываний до содержательно-цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции). Эта трактовка характерна для структуралистских подходов, в основном лингвистических теорий [15; 18; 34].

В *ситуационной трактовке* акцент ставится на прагматике реализации высказываний и их обусловленности культурными, социальными и психологическими факторами [31; 33]. Данное определение характерно для прагматических теорий как в лингвистических (см., например, [31; 33; 41]), так и в социологических (см., например, [1; 20; 24]), семиологических (см., например, [10; 25]) и психологических (см., например, [38]) дисциплинах.

В *функциональной трактовке* дискурсом обозначается любой способ использования языка в социальном контексте. Хотя идеи формального подхода прочно внедрены в европейскую социально-гуманитарную традицию, функциональный подход в последние десятилетия занимает твёрдые позиции в Европе и России. Этот подход встречается в функционалистских подходах социолингвистических и социологических теорий [17; 22; 25; 39].

Согласно *идеологической трактовке*, дискурс рассматривается как корпус предписаний, правил, требований и их практического выражения в целях рационализации, оценивания и наделения определенным смыслом социальных фактов. Эта практика использования понятия «дискурс» свойственна критическим подходам философских, социологических и политологических теорий [21; 27; 28]. В контексте этой трактовки наиболее абстрактный смысл понятия «дискурс» заключается в том, что оно относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре. Здесь можно говорить о дискурсе как о социальной формации, например, «коммунистический дискурс», «буржуазный дискурс» или «организационный дискурс». В этих же случаях — по аналогии с социологическими понятиями «общественно-экономическая формация» или «социальный порядок» — говорят о «дискурсивной формации» или «дискурсивном порядке» [21].

Перечисленные основные трактовки дискурса свидетельствуют не столько о разнообразии возможных научных парадигм и исследовательских точек зрения, сколько о многоаспектности и многопараметральности дискурса как предмета научного анализа. Исходя из приведенных трактовок дискурса, можно выделить следующие его аспекты:

- 1) синтаксические и стилевые характеристики языка дискурса;

2) онтология дискурса (типы объектов, виды детерминации одних объектов другими, способы существования этих объектов);

3) семантика языка дискурса (способы связи знаковых форм языка дискурса с их предметными значениями, связи языковых выражений по их смысловому содержанию);

4) когнитивные структуры дискурса (формы и методы реализации познавательных целей — описание и объяснение фактов, формирование и обоснование гипотез, прогнозирование, а также логические средства дискурса);

5) прагматика дискурса (типологические характеристики возможных адресатов (реципиентов) и адресантов (авторов) дискурса, разновидности его коммуникативных тактик, цели и задачи речевых актов);

6) дискурсная рефлексия (наличие двух уровней речи (языка): высказывания об объектах внетекстовой, экстралингвистической реальности — предметный дискурс, и высказывания о языке, тексте, смысловом и предметном содержании — метадискурс).

Аспекты 1 и 3 соответствуют формальной трактовке дискурса, 2, 4 и 5 — ситуационной, 2, 5 и 6 — функциональной, 1, 4 и 5 — идеологической. Из этого видно, что дискурс является предметом межпарадигмального и междисциплинарного анализа, поскольку только комбинация трактовок дискурса (и подходов к его изучению) позволяет рассмотреть все его аспекты.

2. Предмет дискурс-анализа в разных его версиях

Далее на примере наиболее влиятельных версий дискурс-анализа продемонстрируем специфику предмета, свойственную различным методологическим подходам.

Марсель Мосс: символизация социальной сферы. Одной из наиболее значимых версий описания коммуникативных механизмов явилась теория архаического дара М. Мосса. В ней область коммуникации понимается как исключительно символическая сфера, предполагающая распознавание направленности Другого на меня, символизацию обмена, означивание любого проявления моего отношения к Другому. Символика взаимодействия проявляется во всех сферах жизни человека, начиная с эмоциональной сферы⁷ и заканчивая воспитанием⁸. Любой коммуникативный акт может быть понят как взаимодействие, направленное не на порождение или трансляцию смыслов, а на актуализацию смысла существующего, на реконструкцию множества его символов. Что бы ни делал человек, он подразумевает одно — следование определенным нормам

⁷ «Свои собственные чувства не просто проявляют, их проявляют для других, поскольку они должны быть выказаны. Их проявляют для самого себя, выказывая их перед другими и для сообщения другим» [12, с. 82].

⁸ «Процесс воспитания ребенка полон мелочей, однако они все важны» [13, с. 309].

и требование соблюдения этих норм другими. Соответственно каждое высказывание будет стремиться к идентичности с действием, поскольку усиление действия высказыванием делает действие более реальным.

Символизация социальной сферы требует детализации, каждый символ включает в себя элементы, которые могут оказаться более важными для «поддержки» общего смысла, к которому относится символ. В любом нормирующем высказывании нет ничего лишнего, всё обусловлено подчинением одной главной идее — традиционно-ритуальному со-бытию. К. Леви-Стросс вторил М. Моссу: «Исследование проекции социального на индивидуальное должно предельно глубоко рассматривать привычки и формы поведения; в этой области не бывает ничего пустого, беспричинного» [9, с. 410].

Таким образом, М. Мосс указывал на проникновение дискурса во все сферы жизни человека — на ее тотальную идеологизацию и рационализацию. Интерпеллирующая функция идеологии может пониматься в контексте идей М. Мосса как «добровольное» самововлечение индивидов в нормативную сферу, самоорганизация нормативного поля социальных связей, самоорганизация социальных регулятивных механизмов. Расширение и умножение социальных связей рассматривается в теории Мосса как увеличение числа символов, поддерживающих один смысл.

Пьер Бурдьё: дискурс как средство легитимации власти. П. Бурдьё относил процесс создания социальных (культурных) смыслов непосредственно к сфере власти. «Символическая власть» понимается Бурдьё как интерпеллирующая деятельность, осуществляемая с помощью знаков, символов, которые способны производить социальные отношения [1, с. 90]. Причем производство подобных отношений осуществляется исключительно с помощью дискурса: «Известно, что любое использование силы сопровождается дискурсом, нацеленным на легитимацию силы того, кто ее применяет» [1, с. 194]. В данном случае мы вновь выходим на проблему усиления вербальной компоненты поведения.

Дискурс как средство легитимации власти обращается к структурам, которые обусловлены культурой. Идеология, с точки зрения П. Бурдьё, предоставляет индивиду возможность «неизбежной импровизации бытовых стратегий» vs «механической цепи обязательных поступков» [1, с. 219], причем такая импровизация направлена на поддержание идеологического смысла на бытовом, повседневном уровне с помощью своего рода «символического капитала» [2, с. 219–235]. Таким образом, нормативный дискурс проникает на более глубокие вербальные уровни — уровни обыденного культурного сознания. «Система производства культурных благ... выполняет, по самой логике своего действия, идеологические функции — в силу того, что механизмы... остаются скрытыми»; и далее: «самые верные идеологические эффекты — это те, которым для своего осуществления требуются не слова, а... замалчивание» [1, с. 263].

Однако культурные повседневные структуры — социальная память, культурные тексты, социокультурные коды и те образования, в которых эти структуры представлены, — противостоят и вступают в конфликт с социально-идеологическими эффектами. В первую очередь это объясняется двойственностью реально-поведенческой сферы, которая представлена взаимоисключающими институционализированными и бытовыми действиями. Поскольку «смысл символа определяется лишь в действиях и через действия, в которые он привносится» [1, с. 505], то реальное поведение на повседневном уровне предполагает как легитимацию смысла, так и легитимацию символа. А эти два процесса принадлежат различным сферам: первый — прерогатива идеологии, второй — область культуры. Учитывая, что действие может быть ориентировано на оба процесса одновременно (процесс ухаживания может являться и идеологическим механизмом поддержания института брака, и культурным механизмом реализации экзистенциальных потребностей), сфера повседневной культуры можно представить как «неопределенную», «размытую», «двойственную» область борьбы габитусов, норм и экзистенциалов [1, с. 506–509].

Жиль Делёз: мир шизофренического дискурса. По Ж. Делёзу, в этой области борьбы господствует «шизофренический дискурс» — вербальное поведение, дегенерирующее официальный язык, официальную логику и официальные способы аргументации. «Шизоидная личность» понимается Делёзом как «социально отверженная личность» [4], неспособная, в контексте наших рассуждений, отнести доступные когниции закрепленным за ними денотатам, а доступные смыслы соотнести с известными смыслами. «Недостаточно сказать, что шизофренический язык определяется неустанным и безумным соскальзыванием ряда означающего с ряда означаемого. Фактически вообще не остается никакого ряда» (цит. по [7, с. 337]).

Мир «шизофренического дискурса», по Делёзу, есть неизбежное, желаемое и непродолжительное состояние «реальной культуры». Достижение этого состояния — следствие разрешения двойственности и неопределенности ситуации борьбы вокруг символического и смыслового. Свойством же дискурса Делёз также признает актуализацию «главного» идеологического смысла в повседневных символических образованиях. «Вопрос уже не в том, чтобы конкретизировать правило, но в том, как придать ему ту живость, которой ему недостает. <...> Мало с помощью воображения детализировать возможные ситуации распространения (правила); такое распространение должно само стать реальной ситуацией» [3, с. 43]. Идеология «состоит не в изменении человеческой природы, а в изобретении искусственных объективных условий — таких, чтобы дурные аспекты этой природы не одержали верх» [3, с. 43]. При этом нежелательные для идеологии «аспекты человеческой природы» представлены культурными архетипами, которые в ситуации конфликта с нормативным дискурсом трансформируются в «шизофренический язык». Можно утверждать,

что весь академический опыт Ж. Делёза направлен на изучение этого априори безуспешного соскальзывания [4, с. 399–400] рациональной культурно-идеологической коммуникации в область того, что обозначалось французским философом как «шизофрения». «Регуляция поведения», по Делёзу, есть попытки идеологии и культуры предотвратить это соскальзывание с помощью производства либо «бестелесного смысла», либо «бестелесного символа» [2, с. 21].

Жак Деррида: децентрация логоса в повседневности и идеологии. У Ж. Деррида конфликт между знаком и значением, когницией и денотатом, между идеологией и повседневностью подразумевает «различение», благодаря которому «движение означивания оказывается возможным лишь тогда, когда каждый элемент, именуемый наличным и являющийся на сцене настоящего, соотносится с чем-то иным, нежели он сам, хранит о себе отголосок, порожденный звучанием прошлого элемента, и в то же время разрушается вибрацией собственного отношения к элементу будущего» [19, р. 13].

«Различение», по Деррида, представляет собой распад абсолютного смысла на множество неидентичных друг другу значений, но обязательно сосуществующих. Отсюда можно сделать вывод, что дискурс как инструмент распространения «абсолютного» смысла разрушается при столкновении с возможностями индивидуального декодирования этого смысла. Коммуникация здесь выступает как бесформенная трансляция ничего не означающих символов, когниций, лишенных денотата, при этом адресат предпринимает тщетные попытки по приписыванию «практического» смысла символам и по поиску необходимого денотата. Поскольку денотат не может быть адекватно определен, то личностный, приписанный адресатом смысл любого полученного сообщения является коннотацией, «со-значением», фантазийным элементом.

Любая попытка найти смысл, сохранить символ, стабилизировать ситуацию «различения» — достаточное основание для того, чтобы сохранять и поддерживать противостоящие друг другу культурные и идеологические образования. Сохранение разрыва между культурными и идеологическими образованиями Ж. Деррида считал необходимым для сохранения субъектной позиции исследователя при осуществлении деконструкции (здесь позиция Ж. Деррида принципиально отличается от позиции Ж. Делёза [2]).

Характерной чертой современного состояния европейской цивилизации Деррида и его последователи видят децентрацию дискурса — исчезновение в нем единого смыслового центра, замещение совокупности денотатов совокупностью коннотаций, «распыление мифологем» [8]. Исчезает и субъект (агент, ауктор). Как следствие, один и тот же символ теперь может иметь бесконечное число смыслов; один и тот же смысл может вкладываться в бесконечное число символов, из-за чего возрастает недоступность индивидуального стиля, формируется всеобщая практика пастиша как «нейтральной практики стилистической мимикрии без скрытого мотива пародии» [26, р. 114]; возрастает

роль виртуального как воображаемой семиотической сферы, которая лишена субъекта деятельности [6, с. 72] и в которой «можно быть кем угодно и при этом успешно справляться со своей ролью» [6, с. 54]; появляется «симуляционное пространство». Очевидно, что механизмы культуры и идеологии сохраняются, но также очевидна и их дисфункциональность, вызванная нарушением собственных границ, интерфункциональностью, при которой повседневность стремится выполнять функции идеологии и, наоборот, идеология выполняет функции повседневности. Дисфункциональность повседневности и идеологии — следствие попыток каждой из них сохранить свое влияние через установление баланса между знаком и значением, с одной стороны, и дискурсивной и недискурсивной практиками — с другой.

Юрий Михайлович Лотман: автокоммуникация и бесконечность кодов. Семиотическая модель коммуникации Ю.М. Лотмана демонстрирует механизм деконструкции границ между означаемым и означающим на примере автокоммуникации, в рамках которой любое сообщение может и должно приобретать некий новый смысл, еще не будучи артикулированным. Передача сообщения подразумевает не что иное, как трансформацию личностных структур, смену идентичностей говорящего, возможную благодаря «сдвигу контекста» и введению второго добавочного кода [10, с. 26].

Денотат всегда подразумевает использование серии средств для его обозначения говорящим. «Стул» никогда не будет означать только тот предмет, который мне знаком и который я себе представляю; он будет также моделироваться мною как потенциально «не-мой», «твой», как то, что я вкладываю в содержание чужой когниции «стул». Коммуникация, по Лотману, соотносима с любым явлением культуры, которая ориентирована на генерирование бесчисленного количества кодов для ограниченного количества явлений и предметов. Эта генеративность культуры обусловлена коммуникативной человеческой природой и гибкостью её идентичностей.

Критический дискурс-анализ: дискурсивные формации и легитимация значений. Одним из наиболее перспективных направлений исследований дискурса на сегодняшний день является критический дискурс-анализ, базирующийся на идеях основоположника дискурс-анализа — Мишеля Фуко. Он определял дискурс как экспрессивную форму человеческого поведения, предполагающую использование языка для создания и воспроизводства значений и целей, конструирования социально значимого знания, здравого смысла, а также для поддержания истины и власти. Такая трактовка неизбежно приводит к анализу метанарративных образований, обладающих потенциалом для воспроизводства социального порядка. К концу 1980-х гг. распространилось понимание того, что дискурс не описывает мир, а формирует, конституирует и конструирует его, является инструментом познания и самовыражения [24; 29; 30; 38].

Общим местом (и это также является эффектом фукольтианской теории дискурса) стал тезис о том, что дискурс, институционализируясь, становится «дискурсивной формацией» — использованием языка в конкретных социальных условиях для достижения экономических, политических и социальных целей. Дискурс всегда зависим, с одной стороны, от социокультурных влияний и, с другой стороны, от экономических интересов, поскольку именно они управляют его производством и распространением. Господствующие (культурные, социокультурные, политические) режимы посредством дискурса легитимируют полезные для защиты своих интересов социальные и социокультурные смыслы. Дискурс-анализ «вскрывает» и интерпретирует условия и способы производства господствующего дискурса. Он является разновидностью анализа «скрытых и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, представленных в языке» [39, р. 187].

Таким образом, определение дискурса предполагает наличие идеологической составляющей, а следовательно, дискурс-анализ должен уделять особое внимание изучению таких когнитивных явлений, как знания, верования и представления, факт, истина и ошибка, мнение и оценка. Идеология как макросоциальный феномен, как коллективная репрезентация действительности воспроизводится в дискурсе. Анализ идеологии можно осуществлять посредством дискурс-анализа, поскольку идеология выражается и воспроизводится в социальных практиках посредством семиотических механизмов. В отличие от большинства социальных практик и семиотических кодов, свойства дискурса позволяют нам формулировать и выражать абстрактные идеологические верования самым непосредственным образом. Члены социальных групп в процессе коммуникации напоминают новичкам и членам других групп о своей идеологии, тем самым защищая свои группы. Идеологическая интерпелляция, таким образом, осуществляется в дискурсе.

Развивая идеи Фуко, неомарксист Н. Фэркло и лингвист Т. ван Дейк в контексте своего подхода проанализировали дискурсивные способы инкорпорирования образов, практик и языка в «социальное и личное тела», равно как и специфику функционирования дискурсов как инструментов власти — инструментов установления и распространения отношений подчинения и господства внутри социальных групп и в межгрупповом взаимодействии. Являясь средством распространения и воспроизводства социального порядка, дискурс предопределяет, чьи интересы должны превалировать и кто будет занимать привилегированное социально-политическое положение в определенном культурном контексте. При таком понимании целесообразно говорить о «дискурсивном порядке» как схеме социального упорядочивания [21].

Основываясь на традициях критической лингвистики, критический дискурс-анализ базируется на представлении о языке не как об обычном средстве коммуникации, а как о способе упорядочивания социальной деятельности.

Иными словами, язык конституирует социальное действие, представляя собой пространство создания и изменения смыслов.

В работах, посвященных результатам критических исследований Т. ван Дейка 1980-х гг., предлагается понимание дискурса как основной составляющей социокультурного взаимодействия, характерные черты которого — интересы и цели. Под дискурсом также понимается взаимодействие между языком и действительностью, которое обеспечивает миропонимание. Ван Дейк обращает внимание на значимость не столько самой социальной ситуации как таковой, в которую попадают агенты действия, сколько ее интерпретации или представления о ней у участников коммуникации. Тем самым подчеркивается важность интерпретативной позиции в рамках дискурс-анализа.

Резюме

Дискурс-анализ в современных социально-гуманитарных науках как относительно новая область научных исследований представляет собой междисциплинарное поле для поиска ответов на ключевые теоретические, методологические и эмпирические вопросы: какова степень языковой обусловленности социальной реальности? действительно ли можно говорить о формировании реальности нового типа — дискурсной? какова позиция субъекта в дискурсном поле? как порождается знание и транслируется власть с помощью дискурсивных практик? какова специфика исследовательской позиции при изучении дискурса?

Современное социально-гуманитарное знание содержит подробные описания разнообразных условий и аспектов функционирования дискурса, так сказать, различных «дискурсивных пульсаций», что, безусловно, является солидным базисом для построения общей теории дискурса. Генерализованное видение дискурса ещё не выработано, а значит, построение единой модели дискурса, совмещающей в себе все релевантные измерения и переменные, является одной из перспективных задач исследований дискурса.

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
2. *Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Логос, 1995.
3. *Делёз Ж.* Эмпиризм и субъективность: Опыт о человеческой природе по Юму. М.: ПЕР СЭ, 2001.
4. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М.: Наука, 1990.
5. *Деррида Ж.* Позиции. М.: Наука, 1996.
6. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
7. *Ильин И.* Постмодернизм. Словарь терминов. М.: Интрада, 2001.
8. *Косиков Г.К.* Ролан Барт — семиолог, литературовед // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

9. *Леви-Стросс К.* Предисловие к трудам Марселя Мосса // *Мосс М.* Социальные функции священного. М.: Евразия, 2000.
10. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996.
11. *Макаров М.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
12. *Мосс М.* Обязательное выражение чувств (Австралийские погребальные словесные ритуалы) // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М.: Наука, 1996.
13. *Мосс М.* Социальные функции сакрального // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М.: Наука, 1996.
14. *Паршин П.Б.* Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm. Архив 23 марта 1999.
15. *Сусов И.П.* Общее языкознание. Тверь: ТГУ, 1997.
16. *Austin J.L.* How to do things with words. Oxford: Blackwell, 1962.
17. *Chouliaraki L.* Media discourse and national identity: death and myth in a news broadcast // *The semiotics of racism: approaches in critical discourse analysis* / M. Reisigl, R. Wodak (eds.). Wien: Passagen, 2000.
18. *Coulthard M.* Introduction to discourse analysis. L.: Sage, 1985.
19. *Derrida J.* Marges de la philosophie. P.: Minuit, 1972.
20. *Dijk T. van.* Discourse as social interaction: a multidisciplinary introduction. L.: Sage, 1997. Vol. 1.
21. *Fairclough N.* Critical discourse analysis. L.: Longman, 1995.
22. *Fairclough N.* Discourse and social change. Cambridge: Polity Press, 1992.
23. *Grice H.P.* Meaning // *Readings in the philosophy of language* / Ed. by J.F. Rosenberg, Ch. Travis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1971.
24. *Hall S., Hobson D., Lowe A., Willis P.* Culture, Media, Language. L.: Hutchinson, 1980.
25. *Hodge B., Kress G.* Social semiotics. Cambridge: Polity Press, 1988.
26. *Jameson F.* Postmodernism or the cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press, 1991.
27. *Laclau E.* The death and resurrection of the theory of ideology // *Journal of political ideologies*. 1996. Vol. 1. № 3.
28. *Mouffe C.* Feminism, citizenship and radical democratic politics // *Feminists theorize the political*. L.: Routledge, 1992.
29. *Pecheux M.* Language, semantics and ideology. L.: Macmillan, 1982.
30. *Potter J., Reicher S.* Discourses of community and conflict: the organization of social categories in accounts of a 'riot' // *British J. of Social Psychology*. 1987. Vol. 26. №1.
31. *Schegloff E.A.* Between micro and macro: contexts and other connections // *The micro-macro link*. Berkley: University of California Press, 1987.
32. *Searle J.R.* Speech acts: an essay in the philosophy of language. Cambridge: Polity press, 1969.
33. *Segerdahl P.* Language use: a philosophical investigation into the basic notions of pragmatics. Houndmills: Macmillan; N. Y.: St. Martin's Press, 1996.

34. *Sinclair J.* Priorities in discourse analysis // *Advances in spoken discourse analysis* / Ed. by M. Coulthard. L.; N. Y.: Routledge, 1992.
35. *Tannen D.* *Analysing discourse: text and talk.* Washington: Georgetown University Press, 1982.
36. *Thompson J.* *Studies in the theory of ideology.* Cambridge: Polity Press, 1984.
37. *Verschueren J.* (ed.) *Linguistic action: some empirical-conceptual studies.* Norwood: Ablex Pub. Corp, 1987.
38. *Wetherell M., Potter J.* *Discourse analysis and the identification of interpretative repertoires // Analysing everyday explanation.* L.: Sage, 1988.
39. *Wodak R.* *Disorders of discourse.* L.; N. Y.: Longman, 1996.
40. *Wodak R., de Cillia R., Reisigl M.* *The discursive construction of national identity.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.
41. *Yule G.* *Pragmatics.* Oxford: Blackwell, 1996.

О ХАРАКТЕРЕ ПЛЮРАЛИЗМА ИССЛЕДОВАНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В РОССИИ

.....

В. С. Авдонин*

Процесс чрезвычайно быстрого и динамичного развития в последние десятилетия европейской интеграции, выразившейся в образовании и быстром расширении Европейского союза, привел к большим изменениям на европейском континенте. Как экономическое, так и политическое влияние этого образования в Европе, а также за ее пределами является очевидным фактом, что привлекает к его осмыслению большое внимание ученых и специалистов многих стран. Во всем мире непрерывно растет поток научной литературы, посвященной изучению Европейского союза в различных аспектах. Это неудивительно, так как и внутри интеграционного пространства, и во внешнем мире политическое влияние ЕС возрастает. Российская наука в этом плане не является исключением: объем публикаций о политике ЕС и его политическом развитии тоже возрастает, развивается исследовательская инфраструктура, активизируется научная коммуникация, научные разработки вводятся в преподавание [1, с. 149–152].

Вместе с тем изучение интеграционной политики ЕС сталкивается в России с рядом трудностей и проблем. Хотя общая, единая теория европейской интеграции вряд ли возможна, на Западе в ходе исследований европейской интеграции, которые ведутся там уже несколько десятилетий, сложился достаточно развитый теоретико-концептуальный и методологический контекст (так называемое пространство дискурсов), позволяющий вести изучение интеграционного процесса на научно-теоретическом уровне¹. В российских же исследованиях такого развитого научно-теоретического контекста осмысления европейской политической интеграции пока не сложилось. В какой-то мере

---

* Авдонин Владимир Сергеевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой политологии Рязанского государственного университета; старший научный сотрудник Центра европейской политики и права РГУ. Электронная почта: ws@avdonin.ryazan.ru.

¹ Об особенностях западного научно-теоретического дискурса по вопросам интеграции не раз писали отечественные исследователи, см., например [33; 40; 43].

он формируется, но качественного скачка еще не произошло. Эта ситуация отражает определенный (преимущественно эмпирико-описательный) этап в становлении научного направления исследований европейской интеграции в России, который рано или поздно будет преодолен. Тем не менее ситуация не выглядит вполне удовлетворительной, и ряд видных российских авторов отмечают это [10; 44; 45].

Изучение европейской интеграции и политики Европейского экономического сообщества в советский период было включено в научном плане преимущественно в сферу международных исследований, и многие особенности, проблемы и тенденции, характерные для этой сферы, были присущи и исследованиям европейской интеграционной политики. В постсоветский период это положение принципиально не изменилось. Исследования европейской интеграции в различных ее аспектах по-прежнему развивались в первую очередь как составная часть теперь уже российской науки международных отношений, а какое-либо обращение к этой тематике из-за пределов данной области было явлением достаточно редким. Поэтому и для сегодняшнего периода исследований процессы, происходящие в сфере российской науки международных отношений, имеют существенное значение. Внимание к изучению этих процессов в последнее время в отечественной литературе возрастает. В новейших публикациях на эту тему наиболее характерными процессами в сфере международного анализа в России названы плюрализация, вестернизация и изоляционизм [36]. А само состояние этой области знаний трактуется как переходное и не вполне определенное, отмеченное продолжающимися дебатами, конкуренцией различных подходов и направлений. В какой-то мере этот взгляд может быть распространен и на российские исследования европейской политической интеграции и политики ЕС. Но в этой области процессы плюрализации и вестернизации проявлялись со значительной спецификой.

«Мягкая» плюрализация: идеологический и методологический аспекты

Прежде всего отметим, что плюрализм политико-идеологических концепций на раннем постсоветском этапе проявлялся в сфере анализа политики Европейского союза не так ярко и однозначно, как в других областях международных исследований. Разумеется, он был вполне заметен, о чем говорят дискуссии тех лет о европейской политике России и о роли в ней взаимодействия с объединяющейся Европой [28].

Но все же оценки и подходы в отношении политического измерения ЕС не были столь полярными и однозначными, как, например, в оценках политики США или НАТО. Во многом это объяснялось тем, что в концепциях политических лагерей, споры которых доминировали в тот период, представления о политике объединенной Европы не были вполне ясными и определенными, что оказывало влияние и на уровень официальной политики России, которая тоже

колебалась и заметно позитивнее, например, относилась к активизации интеграционной политики ЕС, чем к планам расширения НАТО. В какой-то мере такое положение объяснялось и новизной самого процесса политической интеграции, который вступал в свой новый этап и был еще весьма аморфным, нечетким и не вполне предсказуемым. Хотя в литературе к этому времени и были представлены работы, содержащие научный анализ и теоретические обобщения интеграционной политики [3; 9 и др.], в условиях высокой политической динамики большую роль играли и идеологические проекции политиков и ситуативные анализы дипломатов.

По существу, каждая из политико-идеологических концепций, о которых мы упоминали, выстраивала свой образ Европейского союза и его политики, что отражалось не только в высказываниях и оценках политиков, но и в аналитических и исследовательских материалах, которые готовили специалисты.

На восприятие политики ЕС заметное влияние оказывали взгляды либералов-западников, подчеркивавшие в ней воплощение либеральных и рыночных ценностей. В политическом развитии ЕС и сближении с Россией они видели дополнительные стимулы российским либеральным реформам. Не менее позитивно относились к политике ЕС и представители социал-демократического дискурса. Они воспринимали ее как модель социального рыночного хозяйства, сильной социальной политики, реализацию принципов мирного сотрудничества между народами и т. д., близкими их доктрине. Кроме того, опыт ЕС означал для них еще и пример более гуманной и цивилизованной политики развития, чем опыт «шоковых» реформ российских либералов [4; 23].

Что касается представителей других идеологических дискурсов — государственников и неокommunistов, то они, конечно, были в отношении политики ЕС значительно более критичны. Но и они находили в политике ЕС свои резоны. Например, те же государственники видели в ЕС сообщество, где тон задают прежде всего крупные европейские государства, с которыми Россия стремилась тесно сотрудничать. Усиление сообщества ведет в первую очередь к усилению этих «европейских грандов», что в перспективе будет создавать противовес американской гегемонии и натоцентризму в сфере политики безопасности в Европе. Для России это открывало возможности более активной политической игры как великой державы [12; 31]. И даже для дискурса неокommunistов политика ЕС давала определенные позитивные аргументы. Например, образ объединяющейся Европы служил стимулом идеи восстановления СССР, выдвигаемой коммунистами, а примеры социальной политики в ЕС были призваны подчеркнуть «антинародный характер грабительских реформ» в России, которыми «командуют из Вашингтона».

Короче говоря, в пространстве разнородных политико-идеологических концепций относительно новой фазы интеграционной политики Евросоюза существовало некое, хотя и весьма небольшое поле консенсуса. В нем ЕС пред-

ставлялся либо дружественной, либо, по крайней мере, не угрожающей России величиной, создающей к тому же определенный противовес/альтернативу единому американскому лидерству/гегемонии, позволяя российской политике иметь большую свободу маневра (от линии на «мягкую» интеграцию в западное сообщество до линии на выстраивание самостоятельного центра силы). Это сдерживало в какой-то мере радикализм позиций и вносило определенные ограничения в поляризацию и плюрализацию подходов. На эту ситуацию влияла и атмосфера взаимоотношений с ЕС, которые в начале 1990-х гг. были относительно благоприятны. Европейский союз стремился уравновесить свою политику интегрирования стран Центральной и Восточной Европы Соглашением о партнерстве и сотрудничестве, подписанным с Россией, которое открывало широкие перспективы взаимодействия, осуществляя программы технической помощи России.

Еще один момент, относящийся к роли политико-идеологических концепций, состоял в том, что в целом они все же меньше влияли на область исследований политики ЕС, чем на другие области международных исследований, даже в этот ранний период, для которого была характерна повышенная идеологизация. Это объяснялось традициями изучения европейской интеграции в советский период, когда имела место определенная автономия эмпирического анализа от идеологической доктрины. Больше доверяя анализу конкретных фактов и данных, исследователи были склонны ограничиваться эмпирическими обобщениями, не прибегая без крайней нужды к идеологической доктрине. Этот иммунитет к политико-идеологической интерпретации фактического материала в какой-то мере сохранялся и в постсоветский период, что ограничивало влияние новых доктрин, тем более что новый этап интеграции доставлял новый богатый фактический материал, а расширение научных контактов специалистов с европейскими институтами открывало доступ к еще более обширным, ранее недоступным массивам фактических данных. Описание, первичная группировка и осмысление этого материала выдвигались на первый план. К тому же и новые тенденции в динамичной практике строительства политической сферы ЕС были противоречивы и неоднозначны, в них наблюдались разные тенденции. В отличие от политических оценок происходящих в ЕС изменений, которые формулировались в рамках названных политических дискурсов и были более или менее определены, в реальной исследовательской практике обнаруживалось много различных деталей, аспектов и проблем, указывавших на сложность и неоднозначность процессов. И это влияло на сдержанность выводов и оценок исследователей, стимулировало их фиксировать различные тенденции и сценарии политического развития сообщества [22; 29; 30].

Тем не менее потребность в теоретическом осмыслении все более обширных и разнообразных источников информации, которые поставляла европейская политическая интеграция, нарастала. Идеографические, описательные методы

с осторожными обобщениями не могли справиться с эффективным анализом все более сложного и разнообразного материала, а политико-идеологические дискурсы испытывали дефицит научной объективности и избыток идеологизма. К тому же кризис, а затем и распад парадигмы советского марксизма, освобождавшие поле российских международных исследований, привели к его плюрализации и появлению на нем новых теоретических парадигм.

Применительно к сфере исследований европейской интеграции и политики Европейского союза эта плюрализация тоже имела свою специфику. Во-первых, как уже было сказано, плюрализм теоретико-методологических подходов складывался в этих исследованиях еще в советский период и имел определенную традицию. В новых условиях просто стало более явным то, что имело место и ранее, поэтому особенно острой борьбы и столкновений по теоретико-методологическим вопросам в этой области исследований не наблюдалось. Во-вторых, ставшая более явной плюрализация в основном была сведена здесь к оппозиции неофункционалистской методологии, близкой к либеральной парадигме теорий международных отношений, и так называемого межправительственного подхода, больше связанного с теоретико-методологической парадигмой реализма.

Ориентация интеграционных исследований на неофункционализм (и, следовательно, либеральную парадигму) представляется достаточно естественной. Для представителей этого направления неофункционализм был долгое время основной школой исследования европейской интеграции, а сама она была важнейшим примером и важнейшим ресурсом, подкреплявшим его основные постулаты об изменяющейся природе международных отношений, о новых ценностях и новых приоритетах мирового политического процесса. Ведущие западные теоретики либерального направления неизменно обращались к процессам европейской интеграции в качестве свидетельств их теоретических выкладок [27; 46; 48; 49]. Для российских исследователей, ориентировавшихся на либеральную парадигму, европейская интеграция в принципе выполняла сходную роль. Она позволяла усилить теоретическую аргументацию и укрепить фактическую базу в пользу меняющейся природы международных отношений и противостоять наступлению реализма и изоляционизма, ратующих за традиционное видение мировых процессов, насыщенных расколами, конфликтами и борьбой за господство.

Европейская интеграция показывала тенденции к резкому росту международной взаимозависимости, а также к эрозии государственных суверенитетов, важные элементы которых добровольно передавались наднациональным институтам Европейского союза. Под их эгидой в международном взаимодействии активно участвовали частные компании, отдельные властные структуры, регионы, политические и общественные ассоциации и т. д., превращаясь, наряду с государствами, в новых негосударственных акторов международных про-

цессов. Члены интеграционного сообщества все больше руководствовались общими ценностями, приверженностью праву и интересами мирной кооперации, свободы, демократии, благосостояния, перед которыми национальные интересы, способные вызвать конфликты, отступали на второй план. В условиях интеграции росла цена разрыва и эгоистического поведения государств. Наконец, в качестве сообщества мира, демократии, экономического благосостояния и добровольной кооперации европейское интеграционное сообщество выступало центром притяжения для более широкого круга европейских государств, готовых разделять принципы и критерии европейской интеграции. Все это в значительной мере соответствовало основным идеям и представлениям либерального подхода, который получал основательное подкрепление в анализе европейского интеграционного процесса [22; 34].

Естественно, что ориентация на нефункционализм (и либеральную парадигму) стимулировала в исследованиях политики ЕС развитие анализа ее инновационных сегментов. В их тематике преобладало изучение становления и функционирования наднациональных политических институтов сообщества, их взаимодействия с национальными, субнациональными и международными политическими контекстами, становление многообразных аспектов политической идентичности ЕС, содержания различных направлений коммунитарной политики. Все это способствовало развитию методов изучения новых процессов, стимулировало интеграцию в российские исследования подходов и разработок западных ученых [11; 15; 39; 40].

Что касается ориентации на парадигму реализма, то она не оказывала столь активного влияния на расширение тематики исследований и применение новых подходов к анализу политики ЕС. В этих исследованиях политика ЕС рассматривалась в более традиционном контексте — главное внимание обращалось на становление идентичности ЕС в сфере внешней политики, безопасности и обороны. Изучались также институциональные и концептуальные основания названных аспектов политики ЕС, анализировались их процессуальные и содержательные моменты, однако они не рассматривались как нечто принципиально новое для европейской и международной политики. В этом анализе Европейский союз предстал в основном как политическая или даже военно-политическая группировка крупных европейских держав, которая может превратиться во влиятельного геополитического актора.

Исходя из логики реализма, процесс становления политической идентичности ЕС анализировали в контексте процессов и векторов, задаваемых политикой безопасности крупных держав и международных группировок. В этой связи главной задачей исследований представлялось определение роли и места ЕС в структуре («архитектуре») европейской и международной безопасности, которая мыслилась в логике реализма. Вместе с тем выводы при такой «традиционной» постановке вопросов оказывались достаточно противоречивы. С од-

ной стороны, на фоне сложившихся структур европейской безопасности становление идентичности ЕС в области внешней политики и политики безопасности выглядело процессом весьма ограниченным и скромным. По сравнению с политикой крупных держав и НАТО Евросоюз выглядел явным аутсайдером. С другой стороны, отмечались перспективы его усиления (через развитие ЗЕС как военно-политической составляющей ЕС), которые рассматривались как тенденции размывания натоцентризма в системе европейской безопасности [12; 14].

Некоторые исследователи отмечали, что такие оценки внешней политики ЕС приобрели распространение в российском научном дискурсе в 1990-е гг. и даже оказали влияние на выработку внешнеполитического курса, способствуя принятию ряда неверных решений. Указывалось, например, что преувеличивался антинаатовский потенциал политики ЕС, а оценки ЕС и НАТО шли в противоположных направлениях [5].

Но в действительности трактовки политики ЕС в духе реализма не были в российских исследованиях доминирующими, а их выводы к тому же не были вполне определенными. Основной массив в них, как мы уже говорили, представляли работы ученых, ориентирующихся на близкий либеральной парадигме неофункционализм. Другое дело, что они, возможно, оказывали меньше влияния на практическую политику.

Все же в целом можно констатировать, что на раннем постсоветском этапе (1990-е гг.) развития российских исследований политики ЕС связь исследований с соответствующими политико-идеологическими дискурсами (либералы-западники и государственники) проявлялась сильнее. В основном это соответствовало и тому этапу развития российских международных исследований в целом, о котором мы уже упоминали, когда политико-идеологические курсы были теснее переплетены с теоретико-методологическими.

Из разновидностей либеральных подходов европейским исследованиям была ближе умеренная, представлявшая интеграционную политику как очень сложный и, безусловно, инновационный для международной политики процесс. Наблюдение за политической интеграцией в ЕС показывало, что она идет очень непросто, каждый новый раунд расширения и углубления интеграции требует огромных усилий, одновременно порождая все новые трудности и проблемы [10]. Интеграционный процесс будет усложняться, в сообществе усилится дифференциация, осложнится принятие решений. Тем не менее в целом этот тренд позитивен, поскольку будет приближать Россию к пространству европейской интеграции и интенсифицировать ее взаимодействие с сообществом.

Кроме того, либеральный подход, ориентированный на проблематику глобализации, стимулировал постановку вопросов о соотношении процессов глобализации и интеграции и анализ проблем, возникающих в условиях их взаимодействия [20]. И в этой области анализа тоже возникало немало трудностей,

показывающих, что вектор развития интеграционной политики в условиях глобализации неоднозначен и может иметь разные интерпретации. Все это при крайней сложности утверждения новых процессов способствовало сдержанности и умеренности в применении либерального подхода.

По существу, то же можно сказать и о применении в европейских исследованиях реалистической парадигмы. Как уже отмечалось, выводы из анализа политики ЕС как нового геополитического актора реализма были противоречивы. Они не могли объяснить неоднозначности этой политики, а ее перспективы были туманны, что тоже не способствовало утверждению в этом анализе ярко выраженных реалистических подходов, для которых характерна тенденция к использованию достаточно осторожного и умеренного реализма.

Таким образом, плюрализм в исследованиях политики Европейского союза и размежевание теоретико-методологических парадигм все же были не слишком резкими. Умеренность подходов способствовала их относительно мирному сосуществованию, а затем и постепенному сближению.

Цивилизационный подход и новые дискурсы

Одним из внешних условий такого сближения стало снижение остроты общественно-политической борьбы по вопросам внешней политики и постепенная политическая стабилизация. Противостояние политико-идеологических дискурсов несколько утихло. В этой сфере стали доминировать государственники, а влияние других заметно уменьшилось. В области международных исследований это вызвало подъем реализма. Но в европейских исследованиях ситуация имела свою специфику. Для наметившегося сближения парадигм там была найдена рамка цивилизационного подхода.

Цивилизационный подход заключался в формировании представления об объекте анализа (европейской цивилизации) как о некоей цивилизационной общности, объединенной совокупностью характерных черт, присущих самым разным процессам и явлениям: от культурных и религиозных до социально-политических и экономических. Важным моментом цивилизационного подхода был его исторический аспект — указание на общность исторического процесса формирования цивилизации. В международном плане цивилизационный подход исходил из представления о существовании различных цивилизаций (и ветвей этих цивилизаций), взаимодействующих друг с другом в современном мире. Европейскую интеграцию этот подход рассматривал как проявление и воплощение глубинных принципов и ценностей европейской цивилизации. Развиваясь в области экономики и политики, процесс интеграции цементируют и общие культурные ценности, и формы социальной организации. В этом плане его перспективы рассматривались оптимистично [18].

Цивилизационный подход позволял объединять в некую целостность изучение самых разнообразных аспектов интеграционного процесса, а также до-

статочно удачно сочетать разные теоретико-методологические ориентации. С одной стороны, он давал возможность активно развиваться либеральным подходам, которые, подчеркивая открытость европейской цивилизации, отмечали распространение в международных отношениях европейских постгосударственных и постнациональных принципов и ценностей, воплощенных в интеграционном процессе. С другой — оставлял достаточное место и для реалистических штудий, сопоставляющих и анализирующих рост и влияние объединенной Европы как цивилизационного и политического центра. И даже с изоляционистской парадигмой, представленной в российских международных исследованиях евразийством, цивилизационный подход позволял установить определенный содержательный диалог.

Культуроцентристские трактовки европейской интеграции имели место и раньше, еще до того, как цивилизационный подход вышел в интеграционных исследованиях на первый план [17; 37]. Они исходили из идей диалога культур, который являлся одним из аспектов политики нового мышления и концепции общего европейского дома периода перестройки, и были направлены в постсоветское время в основном на исследование культурной общности Европы, включая и Россию, способной предотвратить новые расколы и разграничительные линии в Европе. В этой трактовке они были близки к либеральной западной парадигме, понимающей общее культурное пространство как возможность учиться у Европы, в том числе воспринимать ценности ее политической либеральной и демократической культуры, необходимые для реформирования России. В таком виде культуралистские концепции интеграции были резко отграничены от изоляционистской парадигмы евразийства, противопоставлявшей европейской культуре особую евразийскую культуру России. Но в форме более смягченного цивилизационного подхода, допускавшего разграничения (ветви) внутри цивилизаций, стал возможен некий содержательный диалог с умеренным евразийством. Например, обсуждение моделей культурного сближения России с объединенной Европой (как ветвей одной цивилизации или как двух разных цивилизаций).

Цивилизационный подход к европейской интеграции послужил также концептуальной основой исследований, направленных на анализ различий европейской и американской цивилизационных моделей, по-разному проявляющихся не только в культуре, но и в экономике и политике, в том числе и в сфере международных отношений. При этом американский тип лидерства/гегемонии оценивался, как правило, негативно, а европейский, апробированный в интеграционной политике Евросоюза, как значительно более привлекательный и перспективный [24; 25]. Анализ цивилизационных моделей также часто содержал прогнозы дальнейшего расхождения Европы и США при сближении Европы с Россией либо идеи сближения триединого Запада на основе общнос-

ти европейской цивилизации с ее западной (США) и восточной (Россия) ветвями [13].

В конце 1990-х гг. цивилизационный подход стал выдвигаться в российских интеграционных исследованиях на первый план, претендуя на различные объединения подходов тематических областей анализа. Он воплотился в ряде комплексных исследований, которые даже заявлены были как междисциплинарные и продолжали традиции комплексного подхода к изучению европейской интеграции. В этом смысле плюрализм исследований политики ЕС, казалось, стал ограничиваться [16; 20].

Но отчетливого поворота к ограничению теоретико-методологического плюрализма все же не произошло. Дело в том, что цивилизационный подход сталкивался с рядом проблем, которые препятствовали его дальнейшему закреплению. Одна из них была связана с оборотной стороной его привлекательности, т. е. с его повышенной гибкостью и нестрогостью, претензией сочетать самые различные тематические области и подходы. Между тем исследования интеграции на Западе тяготели как раз к обратному — к более строгим теориям и подходам для различных предметных и тематических областей анализа (так называемые теории среднего уровня) и отказу от общих метатеоретических рамок². Именно с этим была связана междисциплинарность, означавшая привлечение в анализ методов и теорий разных дисциплин. В исследовании политики ЕС, например, все шире применялись методы и теории собственно политической науки, а не только подходы из сферы анализа международных отношений. В этом смысле цивилизационный подход своей направленностью на общую теорию определенным образом препятствовал вестернизации, т. е. освоению отечественными учеными теоретико-методологических подходов западной науки, отличавшихся противоположной тенденцией. Разумеется, и междисциплинарность, и освоение теорий среднего уровня развивались и в сфере российских интеграционных исследований, но медленнее и труднее, чем в некоторых других тематических областях, поэтому арсенал анализа интеграционной политики, уже выработанный в западной политической науке, у нас во многом еще не освоен.

Другая проблема цивилизационного подхода заключалась в том, что при всей своей аморфности и гибкости, объединяющей различные парадигмы, своей доминантой он имел либеральную методологическую парадигму умеренного толка. Именно она имела под его эгидой наибольшее распространение и влияние на сферу исследований, большинство из которых в той или иной мере ориентировались на нее. Поэтому тот своего рода методологический консенсус, который складывался вокруг цивилизационного подхода, имел преимущественно умеренно либеральный или умеренно западнический характер. В условиях подъема в сфере международных исследований методологии различных

² Обзор новейших западных разработок в области теории интеграции см. [47].

версий реализма и политико-идеологического дискурса государственников такая исследовательская доминанта не могла всех удовлетворить. Она казалась ряду исследователей недостаточной и слишком мягкой на фоне изменения мировой политики в направлении большей жесткости и конкурентности.

В силу этих обстоятельств влияние цивилизационного подхода в исследованиях европейской политики в 2000-е гг. было ограничено. С одной стороны, он подвергался давлению вестернизации в целом, т. е. проникновению в изучение различных западных концепций и подходов, которые все активнее осваивали российские ученые, с другой — давлению вновь актуализировавшихся неореалистических более жестких подходов, причем иногда и те, и другие могли совпадать.

В этом плане были характерны появившиеся в 2000-е гг. работы ряда исследователей преимущественно молодого поколения, посвященные анализу различных аспектов политики Евросоюза. В них, как правило, значительно активнее использовались концепции и наработки западных ученых по данной тематике [6; 26; 32; 33; 35; 42], особенно теория и методология анализа сетевого характера политики, сетевого характера управления в Евросоюзе и создания европейских политических сетей. Для этого направления заметно большую роль играют подходы и разработки, идущие из политической науки, где и разрабатывается в основном понятие «политические сети», и в меньшей мере из анализа международных отношений. Впрочем, выход политических сетей за национальные границы, что характерно для ЕС, делает это понятие эффективным и в международных исследованиях, воплощая тенденцию сближения дискурсов политической науки и международных отношений [38; 41].

Еще одно примечательное направление связано с идеями международной политической экономии, также первоначально получившими развитие в западной науке, а затем воспринятыми и отечественными исследователями. В нем также присутствует тенденция использования разработок политической науки, но главным является международный аспект анализа, в котором экономические подходы объединены с политическими. В отечественных исследованиях он разрабатывается также в форме геоэкономики, объясняющей формирование геоэкономических центров в мировой политике. В применении к ЕС этот подход направлен на осмысление его становления в качестве международного актора нового типа (гражданская держава), опирающегося на новые виды экономических и политических ресурсов. В данном подходе можно заметить отзвуки реалистической парадигмы, что делает его в определенном смысле конкурентом либеральных трактовок политики ЕС [2; 7; 8; 19; 35].

Таким образом, рассмотрение современной ситуации с теорией и методологией в российских исследованиях политики ЕС в целом показывает, что тенденция свертывания плюрализма подходов в них не реализовалась. Плюрализм сохранился, хотя и приобрел некоторые новые оттенки. В основном этому

способствовала вестернизация исследований, связанная с освоением отечественными учеными различных теорий и подходов западной политической науки. Этот процесс в данной предметной области был несколько замедлен ввиду специфики традиций советского периода, выражавшихся в преобладании эмпирико-описательного рассмотрения материала при одновременной тяге к комплексной презентации результатов. В дальнейшем это выразилось в ослабленном и аморфном теоретизировании и тенденции теоретико-методологического консенсуса «мягкого» типа. С усилением вестернизации исследовательских дискурсов процесс плюрализации в них вновь активизировался, ограничивая и подрывая тенденцию к консенсусу.

К середине 2000-х гг. произошло новое оживление политических дискурсов по тематике политики ЕС, вызванное как крупными переменами в самом Евросоюзе (расширение, реформа институтов, принятие Конституции), так и дискуссиями о возможном новом формате отношений с Россией. Это оживление отразилось и на исследованиях. В них активизировалась презентация различных точек зрения как на текущие процессы, так и на перспективы. В самом общем виде направленность исследовательских подходов и оценок в данной предметной области, как и в российских европейских исследованиях в целом, можно условно представить в известных терминах «еврооптимистов» и «евроскептиков». Первые составляют заметное большинство, хотя среди них можно выделить различные группы. Прежде всего, это группы радикальных и умеренных оптимистов, которые соответственно по-разному оценивают остроту проблем, стоящих перед Евросоюзом. Одни воспринимают их как весьма серьезные, другие — как естественные и относительно легко преодолимые.

Кроме того, можно отметить группы идеалистов и прагматиков. Первые делают упор на новое качество объединенной Европы и методологически больше тяготеют к либеральной парадигме. Вторые, число которых растет, придерживаются осторожных позиций и больше склоняются к симбиозу традиционных и новых подходов, что ведет к сближению их взглядов в рамках умеренного либерализма и обновленного реализма.

Что касается «евроскептиков», или «европессимистов», то они не исключают провала или непреодолимых трудностей европейского проекта в обозримом будущем. Эта позиция среди европейских исследователей в России пока не является господствующей, но последние события в ЕС дают определенное подкрепление их аргументам, и они сохраняют свою нишу.

Таким образом, говоря о перспективах развития теоретических и методологических подходов в российских исследованиях политики ЕС, можно отметить следующее.

Во-первых, вестернизация этих подходов в смысле освоения и применения в исследованиях арсенала анализа, выработанного для международного и политического анализа в западной науке, будет продолжаться. Многие авто-

ры работают в этом направлении, растет число совместных научных проектов российских и европейских ученых, развивается научное сотрудничество и коммуникация.

Во-вторых, этот процесс, по всей видимости, не будет означать сворачивания плюрализма подходов. Анализ исследовательской практики показывает, что вестернизация не ведет к сокращению плюрализма, а, напротив, стимулирует его, ибо плюрализм подходов характерен для самой западной науки. Но будет ли российский плюрализм подходов в исследованиях европейской политики подобен западному? Скорее всего, нет. Слишком различны общественные и политические условия, традиции и формы развития науки, поэтому в самом содержании плюрализма будут заметные отличия. Можно отметить сложности, которые испытывало развитие методологии российского либерального подхода, на фоне методологической активизации реалистического и даже неомарксистского подходов. Поэтому плюрализм подходов, на наш взгляд, будет по-прежнему в основном представлен в формах умеренно-либерального и сдержанно-реалистического подходов.

В-третьих, наметившаяся в сфере международного анализа тенденция сближения с подходами сравнительной политологии будет развиваться и в области исследований политики ЕС, особенно в отношении внутренних аспектов его политики. Но господствующей эта тенденция в обозримом будущем все же не станет ввиду нерешенности еще многих проблем объединения методологии сравнительно-политического и международного анализа в отечественной науке. Поэтому тематика ЕС будет оставаться в основном в сфере международного анализа.

В-четвертых, оставаясь в основном в сфере международного анализа, исследование политики Европейского союза будет испытывать и повышенное влияние политико-идеологических дискурсов, характерных для этого анализа, влияние внешнеполитических интересов и политической атмосферы в отношениях России и ЕС.

Библиографический список

1. *Авдонин В.С.* Российские исследования Европейского Союза. Рязань: РГУ, 2006.
2. *Афонцев С.* Россия и «новый ЕС». Экономическое взаимодействие в политическом контексте // *Pro et Contra*. 2003. Т. 8. № 1.
3. *Барановский В.Г.* Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М.: Международные отношения, 1983.
4. *Безопасность будущей Европы* / Отв. ред. С.А. Караганов. М.: Наука, 1993.
5. *Бордачев Т.* Terra incognita, или Европейская политика России // *Pro et Contra*. 2001. Т. 6. № 4.
6. *Бордачев Т.* В объятиях civilian power // *Pro et Contra*. 2003. Т. 8. № 1.
7. *Бордачев Т.В.* Кризис развития ЕС и Россия // *Современная Европа*. 2006. № 1.

8. *Бордачев Т., Романова Т.* Модель на вырост // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 2.
9. *Борко Ю.* О некоторых аспектах изучения процессов западноевропейской интеграции // МЭиМО. 1988. № 2.
10. *Борко Ю.А.* От европейской идеи — к единой Европе. М.: Деловая литература, 2003.
11. *Бусыгина И.* Региональная политика Европейского союза и возможности использования ее опыта для России. М.: Ин-т Европы, 1995 (Серия «ДИЕ РАН»; № 17).
12. Геополитические перемены в Европе, политика Запада и альтернативы для России / Отв. ред. С.А. Караганов. М.: Ин-т Европы, 1996 (Серия «ДИЕ РАН»; № 19).
13. *Глухарев Л.И.* Политические компоненты развития Евросоюза // Современная Европа. 2003. № 2.
14. *Данилов Д.А., Спигелейре С. де.* От размежевания к сближению. Новые отношения России и Западной Европы в сфере безопасности. Париж: Изд. Ин-та по изучению проблем безопасности Западноевроп. союза, 1998.
15. Десятилетие сотрудничества (1988–1998): Европейский союз и Россия / Отв. ред. И.Е. Лешуков. СПб.: СПбГУ, 1999.
16. Европа: вчера, сегодня, завтра / Ин-т Европы РАН; Отв. ред. Н.П. Шмелев. М.: Экономика, 2002.
17. Европейская интеграция, большая гуманистическая Европа и культура / Под ред. Л.И. Глухарева. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
18. Европейская цивилизация между двумя тысячелетиями // Европа: вчера, сегодня, завтра / Ин-т Европы РАН; Отв. ред. Н.П. Шмелев. М.: Экономика, 2002.
19. Европейский союз в Российской политике (Тематический номер журнала) // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 1.
20. Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А. Борко, О.В. Буториной. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
21. *Журкин В.В.* Европейский союз: внешняя политика, безопасность, оборона. М.: Ин-т Европы, 1999 (Серия «ДИЕ РАН»; № 47).
22. Заглядывая в XXI век: Европейский союз и Содружество Независимых Государств. М.: Интердиалект+, 1998.
23. *Загорский А., Лукас М.* Россия перед европейским вызовом. М.: Международные отношения; Ин-т по исследованию проблем Восток–Запад, 1993.
24. *Иноземцев В.Л.* Слабость «силы» и сила «слабости» // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 1.
25. *Иноземцев В., Кузнецова Е.* Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого света в новом столетии. М.: Интердиалект+, 2002.
26. *Кавешников Н.Ю.* Институциональная реформа ЕС и Ниццкий договор: ответы или вопросы? М.: Ин-т Европы, 2002 (Серия «ДИЕ РАН»; № 87).
27. *Кеохейн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.
28. *Лазебникова О.В.* Запад и борьба в политических и научных кругах России по вопросам внешней политики в Европе (1991–1994 гг.). М.: Ин-т Европы, 1995 (Серия «ДИЕ РАН»; №16).

29. Маастрихтский договор: трудности ратификации, поиски решений и перспективы / Отв. ред. Ю.А. Борко. М.: Ин-т Европы, 1994 (Серия «ДИЕ РАН»; № 8).
30. Маастрихтский процесс: реакция на новые вызовы // МЭиМО. 1993. №9.
31. *Максимычев И.Ф.* Угрозы безопасности России, связанные с началом расширения НАТО (внешнеполитические аспекты). М.: Ин-т Европы, 1998 (Серия «ДИЕ РАН»; № 42).
32. *Морозов В.Е.* Введение в европейские исследования. СПб.: СПбГУ, 2002.
33. *Морозов В.* Осмысление интеграции в Европе // Международные процессы. 2005. №3.
34. Опыт европейских сообществ и возможности его использования Россией и Содружеством Независимых Государств: Матер. симпозиума / Отв. ред. Ю.А. Борко. М.: Ин-т Европы, 1993 (Серия «ДИЕ РАН»; № 2).
35. *Романова Т.А.* Становление Европейского союза как международного актора. СПб.: СПбГУ, 2003.
36. Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова и П.А. Цыганкова. М.: Per Se, 2005.
37. Россия и Европа: тенденции развития на пороге III тысячелетия. М.: ИНИОН РАН, 1995.
38. *Семенов И.С.* Группы интересов на Западе и в России. Концепции и практика. М.: ИМЭМО РАН, 2001.
39. Сорок лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия: Матер. Междунар. науч. конф., 6–7 июня 1997 г. / Отв. ред. И.Е. Лешуков. СПб.: Петрополис, 1998.
40. *Стрежнева М.В.* ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. М.: МОНФ, 1999 (Серия «Научные доклады»; № 101).
41. *Стрежнева М.* Сетевой компонент в политическом устройстве Евросоюза // Международные процессы. 2005. № 3.
42. *Троицкий М.* Европейский союз в мировой политике // Международные процессы. 2004. № 2.
43. *Шеленкова Н.Б.* Европейская интеграция: политика и право. М.: НИМП, 2003.
44. *Шемятенков В.Г.* Европейская интеграция. М.: Междунар. отношения, 2003.
45. *Шмелев В.Н.* Страница шеф-редактора // Современная Европа. 2000. № 1.
46. *Delors J.* Le nouveau concept européen. P.: Odile Jacob, 1992.
47. *O'Neil M.* Eine Theorie der Integration? Plaedoyer fuer einen synkretischen Ansatz // Varwick J., Knelangen W. (Hrsg.). Neues Europa — alte EU? Fragen an den europaeischen Integrationsprozess. Opladen: Leske+Budrich, 2004.
48. *Varwick J., Knelangen W.* (Hrsg.). Neues Europa — alte EU? Fragen an den europaeischen Integrationsprozess. Opladen: Leske+Budrich, 2004.
49. *Wallace H., Wallace W.* (Ed.) Policy-Making in the European Union. Oxford: Oxford University Press, 1999.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЕС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

.....

Е.В. Суханова*

Превращение Европейского союза 15 стран (ЕС-15) в союз 25 стран (ЕС-25) является одним из самых значительных его достижений, однако и новым, и вновь принятым странам предстоит масштабная работа по адаптации и отладке механизмов теперь уже совместного продвижения по пути интеграции. Правомерно задать вопрос: догоняют ли новые (страны Центральной и Восточной Европы — ЦВЕ) и будущие члены ЕС (Болгария и Румыния) в своем институциональном развитии страны ЕС-15 и позволяют ли темпы институционального развития стран ЦВЕ надеяться на то, что они смогут успешно справиться с интеграционным процессом?

Институциональное развитие — неперемное условие присоединения к ЕС. Членство требует соответствовать ряду политических, экономических и правовых (так называемых копенгагенских) критериев. Во-первых, кандидатам необходимо достичь стабильности демократических институтов, главенства закона, соблюдения прав человека и уважения прав меньшинств (политические критерии). Во-вторых, рыночная экономика страны-кандидата должна быть способной выдержать конкуренцию по правилам, действующим на внутреннем рынке Европейского союза (экономические критерии). В-третьих, новые страны должны быть готовы брать на себя все обязательства, связанные с членством в ЕС, и деятельно разделять цели Союза в политической, экономической и финансовой сферах (правовые критерии) [7]. Соответствие этим критериям гарантирует должный уровень институционального развития, способный обеспечить устойчивый прогресс в политическом, правовом и экономическом институциональном строительстве стран-кандидатов.

В статье проведен сравнительный анализ институционального развития трех групп стран на основе индикаторов качества государственного управле-

---

* Суханова Екатерина Владимировна — аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: akhova@yandex.ru.

ния, разработанных Всемирным банком (World Bank Governance Indicators – WBGI) [10]. Страны ЕС-25 разделены на 2 группы: на «старые» (ЕС-15) и «новые», присоединившиеся в мае 2004 г. Третью группу составили Болгария и Румыния, чье вступление в ЕС намечено на 2007 г.

В качестве эмпирической базы использовались сравнительные данные, регулярно собираемые Всемирным банком. В рамках этого проекта под государственным управлением понимаются традиции и институты, посредством которых реализуется функция власти в отдельной стране. Для измерения качества государственного управления используются 6 групп показателей, оценивающих различные институты.

В первую группу входят показатели, характеризующие гражданские свободы и политические права, уровень демократичности выборов, свободы средств массовой информации, эффективность мониторинга деятельности правительства и подотчетности чиновников.

Показатели второй группы отражают вероятность свержения правительства или дестабилизации обстановки в результате неконституционных действий властей или применения насилия. Считается, что между качеством государственного управления и вероятностью резких государственных изменений существует обратная связь. Вероятность резких изменений влияет не только на ведение последовательной политики, но и на способность граждан выбирать и сменять правительство мирным путем.

Показатели третьей группы отражают оценку следующих аспектов государственного управления: качество работы государственных служб, эффективность работы государственных служащих, квалификация гражданских служащих, независимость государственного аппарата от политического давления и степень соответствия обещаний правительства проводимой им политике. Показатели данной группы оценивают качество основных компонентов процесса разработки и реализации разумной политики.

Четвертая группа показателей характеризует негативное влияние государственного регулирования, разного рода антирыночных мер, таких, как контроль за ценами, контроль за банковской деятельностью, ограничения в сфере международной торговли и развития бизнеса.

Пятая группа показателей отражает степень доверия к правоохранительным институтам со стороны граждан и государства, а также то, насколько и те, и другие следуют установленным общественным правилам. Сюда же относятся экспертные и массовые оценки уровня преступности, эффективности и предсказуемости судебной системы и эффективности процедур обеспечения выполнения контрактов. В целом эти показатели характеризуют благоприятность правовой среды для различных социально-экономических взаимодействий.

Показателями шестой группы оценивается уровень коррупции. Высокий уровень коррупции в стране означает, что ни те, кто дает взятки (как правило, это частные лица), ни те, кто берет их (чаще всего ими оказываются государственные служащие), не уважают законы и правила, регулирующие взаимоотношения между гражданами и государством [2, с. 10]. Соотношение групп показателей и оцениваемых институтов схематично представлено в табл. 1.

Таблица 1

Группы показателей и оцениваемые институты

Группы показателей	Оцениваемые институты
Демократичность выборов и подотчетность власти Политическая нестабильность и насилие	Законодательная власть
Эффективность правительства Бремя государственного регулирования	Исполнительная власть
Верховенство закона Борьба с коррупцией	Судебная власть

По всем показателям институционального развития измерения приводятся к 5-балльной шкале; значения варьируются от — 2,5 до 2,5. Чем выше значение показателя, тем выше качество определяемого им аспекта государственного управления (институционального развития).

Исходные данных по шести агрегированным показателям, характеризующим институциональное развитие интересующих нас стран [9], позволили после некоторых расчетов в статике и динамике сравнить *старые, новые и будущие* страны ЕС.

В постиндустриальном «ядре» ЕС наивысшим индексом обладает судебная ветвь власти, а на периферии Европы — законодательная. Это различие можно объяснить с помощью модели перехода к демократии по Д. Растоу [4]. Вслед за подготовительной фазой, когда общество расколото на два политико-идеологических лагеря, наступает фаза принятия стратегических решений — компромисса относительно конструируемой социальной системы. Страны ЦВЕ к 2000-м гг. первые две фазы прошли и вступили в третью фазу — «фазу привыкания».

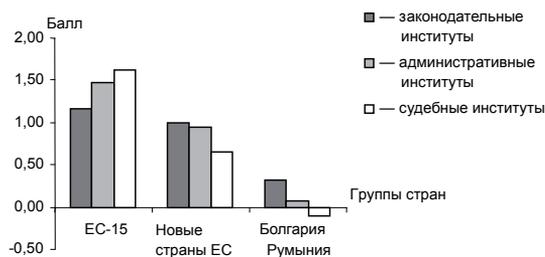

Рис. 1. Институциональное развитие *старых, новых и будущих* стран ЕС

В ее ходе завершается институционализация ценностей, процедур и организационных форм демократии. Таким образом, высокий рейтинг законодательной власти в странах неконсолидированной демократии объясняется тем, что в них еще требуется закрепить базовые «правила игры», тогда как в странах «исторического ядра» ЕС на первый план выходит совершенно иная задача: контроль за исполнением политических решений, обеспечение честной конкуренции групп интересов, что и реализует судебная власть.

Таким образом, Болгария и Румыния, обладающие наихудшими показателями институционального развития среди присоединяемых стран, вписываются в логику процесса демократического транзита, одним из условий которого является функционирование системы демократических выборов (т.е. усиления представительных институтов и предварительный демонтаж наиболее нежизнеспособных институтов существовавшей политической системы), при проведении которых ни одна из сторон не может их полностью контролировать и гарантировать исход в свою пользу [5, с. 76]. Динамика институционального развития за 1996–2004 гг. дает более оптимистичную картину (рис. 1–7).

Диаграммы показывают, что по всем 6 показателям страны, присоединившиеся к ЕС в мае 2004 г., дают положительную динамику институционального развития. Болгария и Румыния, хотя сильно отстают по абсолютным показателям и не демонстрируют стабильного роста, движутся к сближению с членами ЕС. Страны ЕС-15, напротив, показывают стагнацию или отрицательную динамику.

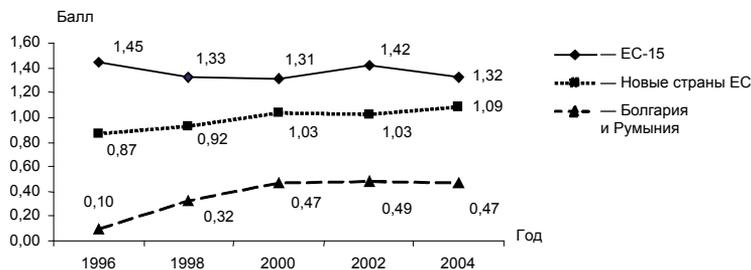

Рис. 2. Институциональный прогресс по показателю «демократичность выборов и подотчетность власти»

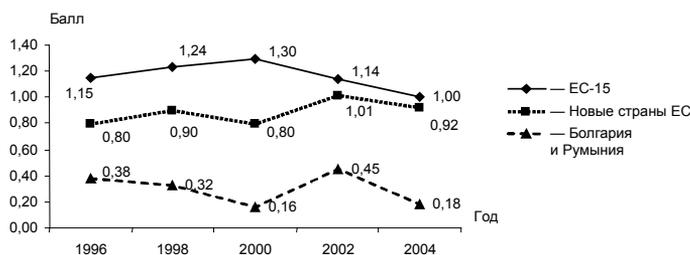

Рис. 3. Институциональный прогресс по показателю «политическая нестабильность и насилие»

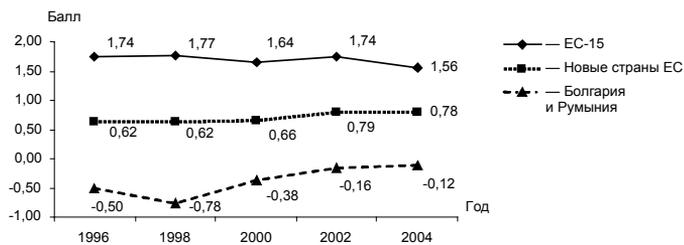

Рис. 4. Институциональный прогресс по показателю «эффективность правительства»

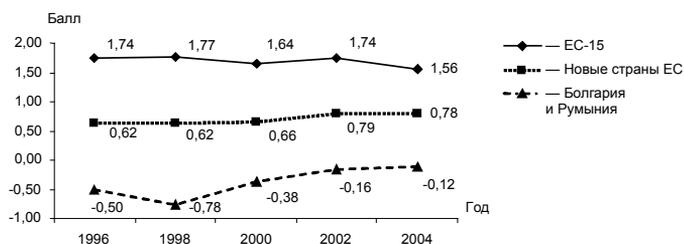

Рис. 5. Институциональный прогресс по показателю «бремя государственного регулирования»

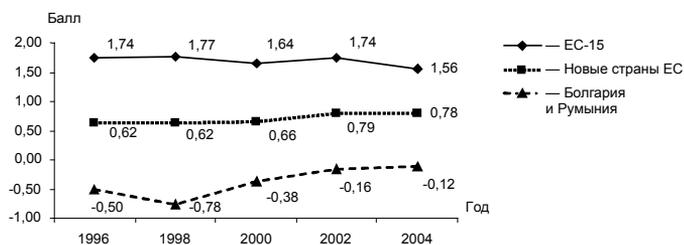

Рис. 6. Институциональный прогресс по показателю «верховенство закона»

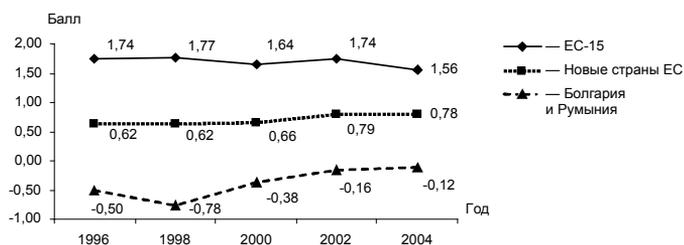

Рис. 7. Институциональный прогресс по показателю «борьба с коррупцией»

Понятно, что объединение развитых стран, близких по уровню демократического развития, политической культуры, а также институционального развития, облегчает процесс интеграции, в том числе ее углубление. Совсем иное дело — расширение за счет среднеразвитых государств, решение о присоединении которых к Евросоюзу базировалось не на экономических, а политических аргументах. Акцент в странах ЕС-15 делался на обеспечении безопасности и стабильности на Востоке ЕС, расширении зоны демократических ценностей, перспективах инвестирования в развивающиеся экономики, а также моральный императив по объединению разобщенных народов Европы (см., например, [1, с. 21]).

Во вновь присоединившихся странах, а также Болгарии и Румынии членство в ЕС всегда вызывало стабильную поддержку [8, с. 51]. Присоединение к ЕС — это не только экономическая и социальная помощь экономике, но и символ присоединения к западной цивилизации, необратимого движения к демократическим ценностям, хотя по-прежнему остаются сомнения в том, что страны ЦВЕ будут восприниматься в Европейском союзе как равные партнеры.

Странам присоединившегося региона предстоит решить одновременно две сложные задачи — системной трансформации и сокращения отставания от стран ЕС-15. Поскольку эти процессы займут довольно много времени, двигаться к интеграции ЕС-25 «единой командой» в ближайшей перспективе будет невозможно.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что удовлетворение копенгагенским критериям для членства в ЕС не гарантирует дальнейшего институционального развития странам ЕС-15, а лишь дает возможность достичь минимального уровня институционального развития, необходимого для участия в интеграционных проектах.

Расширение Европейского союза за счет стран ЦВЕ увеличило неоднородность ЕС, и дальнейшие шаги в этом направлении только усугубят дифференциацию институционального пространства по уровню развития. Чтобы достигнуть уровня развития институтов ЕС новым странам-членам потребуется время, тем самым отдалается момент качественной интеграции участников Союза.

Эти выводы возвращают нас к дилемме «углубление — расширение интеграции», а также убеждают во мнении, что поступательное, качественное углубление интеграции ЕС-25 «единой командой» в обозримой перспективе едва ли возможно. Не исключено, что обнаруженная нами стагнация в институциональном развитии стран ЕС-15 связана с политической повесткой дня. «Старые» члены ЕС вынуждены в большей степени заниматься трансляцией накопленного опыта «новичкам», чем заботиться о повышении эффективности собственных институтов.

Библиографический список

1. *Борко Ю.А.* Европейский Союз: расширение состоялось. Что дальше? // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 4.
2. *Кауфман Д., Краай А., Сойдо-Лобатон П.* Вопросы управления: от оценки к действию // Финансы и развитие. 2000. Июнь.
3. *Кауфман Д., Краай А., Сойдо-Лобатон П.* Значение государственного управления // www.worldbank.org/wbi/governance.
4. *Растоу Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
5. *Харитонова О.Г.* Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. 1996. № 5.
6. *Хейхерст Д.* Руководство по государственной политике // Государственное управление в переходных экономиках. 2001. Янв.
7. [Accession criteria](http://ec.europa.eu/enlargement/enlargement_process/accession_process/criteria/index_en.htm) // ec.europa.eu/enlargement/enlargement_process/accession_process/criteria/index_en.htm.
8. Eurobarometer: Public opinion in the candidate countries. 2004. July.
9. *Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* Governance Matters IV: Updated Governance Indicators 1996–2004 // www.worldbank.org/wbi/governance/pubs/govmatters4.html.
10. WBI Governance and Anti-Corruption Data // www.worldbank.org/wbi/governance/data.

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ: ДВА БИОГРАФИЧЕСКИХ ПРИМЕРА

Л. П. Ипатова*

Конфессиональная идентичность основана на принятии единого для всех адептов вероучения. Так, каждый, желающий быть православным, должен сверять свои поступки и суждения (в том числе относящиеся к его гражданской позиции) с текстами Священного Писания и традициями Священного Предания [1], иначе говоря, идентифицироваться с заложенными в них ценностями. Однако даже при сохранении верности Истине Православия во всех словах и делах (признак святости) индивидуальный характер жизненного пути неизбежно приводит верующего к «специализации» внутри единой православной «науки» и тем самым создает различные по своим социальным характеристикам варианты воплощения православной идентичности.

Современные теории идентичности признают, что «нормально» функционирующая идентичность всегда проблемна и представляет собой направленный идентификационный процесс, имеющий как свои цели, так и предпосылки, где одни образы Я поддерживаются, другие достигаются, а третьи отвергаются. Поэтому объяснить актуальную форму идентичности можно лишь при условии проведения «археологических раскопок» ее первоисточников-референтов. Задачу «раскопок» подобного рода можно было бы считать совершенно неподъемной, если бы не открытие принципа голографической организации памяти, сделанное Д. Норманом. Согласно этому принципу «в каждом фрагменте автобиографической памяти представлен „слепок“ всей жизни человека и он сам как целостная личность» [4, с. 38–39].

В статье рассматривается процесс прихода к вере и воцерковления двух молодых женщин. Описание значимых событий и связанных с ними переживаний каждой из них выстроено в хронологическом порядке, начиная с самых ранних воспоминаний и заканчивая настоящим моментом. Все имена и названия организаций в тексте изменены.

---

* Ипатова Лиана Петровна — младший научный сотрудник Института социологии РАН. Электронная почта: Liana@socforum.ru.

Пример первый: следовать за Ним — безволие или личностный выбор?

Будем любить Его, потому
что Он прежде возлюбил нас.

(1Ин. 4:19)

Галина родилась и выросла в Москве, в семье советских инженеров. Когда ей было около шести лет, у нее появился младший брат, переключивший на себя внимание родителей. Где-то в 12 лет девочка попала в отряд скаутов, где ребят учили основам православной веры. Повзрослев, часть из них стала ходить на специальные лекции для молодежи при одном из московских храмов. На этих занятиях в 19 лет Галя познакомилась со своим будущим мужем. Вскоре у молодой пары родилось двое детей. После примерно двухлетнего периода домашней жизни Галина поступила в институт по одной из гуманитарных специальностей и в тот же год пошла на курсы православной катехизации (просвещения). После их окончания из Галиной группы образовалась небольшая, но самостоятельная община. Жизнь в ней предполагает регулярные встречи для обмена духовным опытом и знаниями, совместного проведения досуга. Сейчас Гале 21 год. И жизнь в общине, и учеба в институте, наравне с воспитанием детей представляются ей важными способами самореализации. Внешний вид девушки ближе к светской, чем к «традиционной» православной норме. Она носит средней длины стрижку, чуть-чуть подкрашивается, любит неброские украшения. Первое воспоминание Гали, связанное с верой и церковью, относится, скорее всего, к раннему детству (до рождения брата):

...Мы как-то были в храме. Я была совсем маленькая. И такое было очень странное чувство... Я чувствовала, что какое-то необычное место... вот... такой лес ног, такая толпа, при этом пение... А потом меня подняли наверх, вынесли, я вот увидела алтарь... Ну, так, мне понравилось... Я, я не могу сказать, что я что-то там пережила. Это такие детские воспоминания очень смутные. Помню только, что меня пряниками угостили. У меня пряники вот такое вот яркое! впечатление оставили.

Церковь в детском восприятии информантки — это прежде всего место торжественного поклонения взрослых чему-то (именно родители, т.е. значимые для нее взрослые, привели ее сюда). А еще это место знакомства с добрыми другими, которые просто так дают вкусные пряники. Первая информация, полученная девочкой о Боге, — информация о Его социальной значимости и о том, что там, где Ему поклоняются, можно встретить «нечаянную радость».

Первым значимым другим, встречающимся в нарративе, является мама. Хотя сюжет начинается с упоминания обоих родителей, только тема матери получает развитие. Она характеризуется как «достаточно сильный человек», сыгравший «важную очень роль в моем духовном становлении». Однако попытка объяснить, в чем же ее заслуга, сводится к причислению мамы к поколению шестидесятников, которые «чувствуют, что что-то есть кроме этого» и

«слепо тычутся носами». В годы студенчества родители открывают для себя мир бардовской песни, комсомольских путевок. По меткому замечанию рассказчицы, «они в это вцепляются». Это слово выдает отношение к ценностям шестидесятников как к спасательному кругу, брошенному тем не менее кем-то другим.

На следующем жизненном этапе поиск духовных альтернатив не прекращается, но приобретает другую мотивацию. Ради больного сына мама активно ищет семейные клубы «здорового» образа жизни, где ей могли бы оказать помощь в лечении и воспитании детей. Однако в этих группах она скорее ведомая, а не лидер, и принадлежит к ним так же, как и к шестидесятникам в догоняющем режиме освоения их ценностей: «У нее были свои друзья, которые постепенно привели ее на оглашение»¹.

Вероятно, именно перечисленные черты личности матери были унаследованы в наибольшей степени и, возможно, легли в основу социальной идентичности респондентки. На первой же странице текста интервью она дважды замечает совпадения в своей судьбе с судьбой матери: 1) «Преемственность такая: все женщины рано замуж выходят, рано детей рожают»; 2) «Вот как-то странно получилось, что мы с ней в принципе именно к вере пришли разными путями, но через один как бы корень».

В силу «слабости» папиного характера основные черты мужского референтного образа первоначально складывались под влиянием бабушки Галины.

Дедушка... всегда был таким, знаешь, воинствующим атеистом. Но при этом он был (радостно) совершенно светлым человеком, совершенно таким... обожаящим своих всех близких и вот как бы... хороших моральных качеств. ... Ну, вот так вот тоже бывает, что человек, вроде, и неверующий, а при этом он, может быть, даже и на порядок (усмехаясь) лучше, чем мы, вот, христиане.

Позже на формирование Галиного идеала и системы ценностей влияли и другие мужские фигуры. Путь воцерковления рассказчицы начинается в отряде скаутов, куда она попадает с помощью мамы в 11–12 лет. Интерес девочки, по-видимому, как и у мамы, изначально лежит в области выявления иерархии в группе и сближения с ее лидерами. Она подчеркивает, что в отряде ее друзья — это «основной костяк», самые яркие ребята. Они и руководитель отряда всегда были для нее примером, а она тянулась за ними и, таким образом, попала туда, куда ее вели.

Просто мне вот так повезло, что у нас начальником отряда был верующий человек, он, естественно, нас приводил к такой вере, к своей.

¹ Оглашение (катехизация) — как правило, устное, последовательное и целостное наставление в основах христианской (православной) веры и жизни [2].

Меня очень сильно вынесло именно то, что со мной были Ваня и Леша, мои друзья с детства. С Ванькой мы вообще спаялись еще с 12 лет... У него еще помимо всего прочего, что он там печатается в (...) и там со священниками водит дружбу, у него еще и скаутский отряд свой (смеется). <...> Они пошли, попали вот в эту общину... и стали ходить на вот эти вот лекции, встречи. И мне сказали: «Давай...». Я, вот, уже не помню, как так получилось, в общем, я стала ходить туда.

Руководитель отряда скаутов и друг тех же времен, играя роль неформальных, но очень принципиальных лидеров, дополнили заданный дедушкой образец мужественности. Социализация в отряде скаутов сформировала представление о том, что истинная иерархия этого мира строится на духовных основаниях, а постепенность перехода с одной ее ступеньки на другую — непереносимое условие личностного роста.

И чтобы стать скаутом, нужно сдать какой-то разряд. Ну, естественно, для начала третий. Чтобы сдать третий разряд, нужно определенными знаниями обладать, в том числе и по религии... И там все законы «разведчиков», они построены на том, что «Разведчик верен Богу, предан Родине, родителям и начальнику. Разведчик честен и правдив. Разведчик помогает...» Вот. Мы учили эти законы и как бы волей-неволей там... Я еще естественно, ну, мне просто хотелось быть скаутом, и поэтому я учила молитвы, я их сдавала...

В данной секвенции встречаем уже знакомые нам по предшествующему анализу ценностные ориентации и паттерны поведения респондентки: а) морально нагруженный идеал («мужская» цель, изначально заданная дедушкой), предполагающий преданное служение своим ценностям, любовь к ближним, честность перед собой и другими; б) пассивное (т.е. без критической рефлексии) усвоение практик («женский» путь, воспринятый от матери); в) движущий мотив деятельности — желание быть в коллективе — «*быть скаутом*» и соответствующее ему следование правилам игры без их глубокого усвоения — «*волей-неволей*»; г) единомыслие внутри системы, объединяющее всех ее членов. На самом деле глубокой общности могло и не быть, но таков был идеал.

Приведенные отрывки четко дают понять, что *женские и мужские образцы соотносятся в идентификационном пространстве рассказчицы примерно как путь и цель*. Иными словами, в своем достижении идеала, задаваемого значимыми мужчинами, она копирует поведение значимых женщин.

В ходе дальнейшего анализа высказанная гипотеза получает свое подтверждение. В интервью возникает образ тети, который наряду с материнским, а может еще в большей степени, является референтом для построения жизненной стратегии героини и ее гендерной идентичности: «*Знаешь, я, конечно, не могу назвать ее святой, но... Это было настолько ярко! Видно, как человек изменяется, как он просто своей жизнью являет подвиг!*». Упоминание возможной святости близкой родственницы указывает на наиболее сильную, по крайней

мере, сознательную идентификацию именно с ней. На протяжении всего интервью из всех персоналий ей уделяется самое объемное и эмоциональное повествование. Помимо прочего, информант и тетя являются тезками. Со святой ее можно сравнить, очевидно, потому, что после оглашения она сильно изменилась, явила подвиг преобразования своей жизни. Идентификация с тетей прослеживается также в сходном определении ее и собственного жизненного пути: *«Она была очень такой интересной женщиной, очень яркой! Со сложной судьбой, сложной жизнью»* и о себе: *«Ну, такой достаточно сложный у меня был путь духовный»*. Вряд ли такое совпадение может быть случайным, скорее, речь идет о воспроизводстве семейной микрокультуры в рамках ГПС информантки. Как и ее мама, Галя рано начала половую жизнь; как тетя, начала ее с «незаконных», в понимании ее окружения и ее самой, отношений.

Мне было 15 лет. Это было лето, весна, я перестала причащаться. И летом со мной произошел такой... Ну, я не знаю, это уже... такой интимный опыт. Мне встретился молодой человек, причем абсолютно из нецерковной среды, вот. И как бы там такая любовь страшная, морковь. Вот. Короче... я нарушила обет, который дала Богу.

Обет был дан ради спасения жизни новорожденного сына одного из родственников. Девушка пообещала Богу не целоваться ни с кем до 16 лет. Вполне вероятно, что мотив самопожертвования ради ребенка также заимствован у матери. Последней в свое время *«пришлось повозиться»* с младшим братом рассказчицы, здоровье которого было настолько неважным, что он не мог ходить в обычную школу.

Завязавшийся роман был очень коротким, — всего две недели, — и по иронии судьбы закончился в день шестнадцатилетия. Через какое-то время она исповедуется и снова начинает причащаться. В «молодежке» — клубе приходской молодежи, куда она ходила раньше, героиня почти сразу встречает своего будущего мужа. Хотя с момента первой трагической любви прошло совсем немного времени (роман случился летом, а знакомство с мужем осенью), история повторяется заново.

Он ходил на оглашение... Там тоже у нас с ним была куча всяких проблем. Также была епитимья. В конце концов я забеременела. Мы еще не были женаты. (Пауза) Ну, была епитимья дальше. Вот. У меня был выкидыш один. Потом я опять забеременела...

В биографии тети обнаружение рака становится поворотным пунктом. После операции *«она себя плохо постоянно чувствует, но она проходит оглашение»*. У рассказчицы сознательное обращение происходит после длительного периода вынашивания и выкармливания двух детей подряд: *«Беременность, она все-таки мозги на место ставит»*.

Основные черты тетиного характера дополняют сформированный матерью женский архетип. И в том, и в другом случае сфера наибольшей активности женщин лежит за пределами семьи. Мама, как уже упоминалось, с юности состояла в каких-то неформальных кружках и организациях, где искала чего-то иного и, нашедши, «вцеплялась» в него. Также и тетя: обратившись к Богу, она не просто возвращается к мужу, но меняет референтную группу с любовников на христианскую общину. Создается впечатление, что семья для нее так и остается на втором плане. По большому счету, такое же отношение к семейной жизни находим и у рассказчицы. Период выкармливания двоих детей (родившихся с разницей в 1,5 года), когда ей приходилось жить только домом, она постоянно сравнивает со сном, а его окончание и возвращение к активной общественной жизни — с пробуждением, «возвращением к себе самой».

То, как тетя окончила свой земной путь, становится для девушки идеалом, к которому можно только стремиться. Биография «совершенно разносной» женщины освещается светом торжества христианской веры над всеми жизненными трудностями и испытаниями.

...Во все тяжкие пускалась в свое время, и она своего мужа... для него стала настоящей христианской женой. Последние три года они жили нормально, полноценно.

И знаешь, такое было ощущение, что... литургия была, потому что у нее постоянно дома была толпа народу, постоянно кто-то молился, там, читал какие-то акафисты, там что-то, постоянно кто-то рядом с ней сидел... Вот. (Пауза) Когда она умерла, — это уже ночью произошло, — там практически вся община ее, с которой она оглашалась, она при этом присутствовала. (Пауза) Для меня это тоже было таким важным в жизни свидетельством.

Этот сюжет возвращает нас к первому посещению церкви. В обоих случаях присутствует множество народа, поклоняющегося Богу, звучит молебное пение. По сути своей и пряники, и акафисты являются различными проявлениями одной и той же христианской любви. И если принять гипотезу о подсознательной идентификации информантки со своей тетей, с путем ее жизни, то здесь она воочию видит, что этот путь является успешным и через единение с другими людьми ведет к достижению главной ценности референтной для нее социально-культурной среды — к Богу.

Многократно описываемое рассказчицей *ощущение значимости происходящего в моменты всеобщей обращенности к единой цели* во время богослужения в храме (детское воспоминание), при сдаче экзаменов в скаутском отряде, у постели умирающей тети и позже на встречах группы оглашаемых (в которую наконец записалась и сама Галина) кажется неслучайным. Подобная повторяемость одного и того же *лейтмотива* в различных отрывках автобиографического повествования свидетельствует о голографичности отдельных воспоми-

наний, а также об устойчивости личностной системы, определяющей смысл и формы повседневной деятельности индивида.

Складывается впечатление, что бессознательно девушка постоянно ищет и находит источник блага в среде не самых близких для себя людей. Поскольку они не являются ни родственниками, ни близкими друзьями, формально они ничем не обязаны друг другу. Их взаимопомощь освобождается, таким образом, от ролевого долженствования и предстает как проявление бескорыстной и свободной любви. Состояние неформальности и неформальности отношений кажется для героини наиболее комфортным. Описывая впечатления от встреч православного молодежного кружка («молодежки»), она в первую очередь высоко оценивает появившуюся здесь возможность новых знакомств.

Сознательное обращение рассказчицы (как и ее тети) представляет собой поворотный момент всей жизненной истории. Отказ от опыта «вольной» жизни с целью воссоединения со «своими» — церковной общиной является тем личностно значимым ядром, вокруг которого кристаллизуется вся православная идентичность: *«Вот это как бы был мой грех... но я же вылезла! В конце концов! Это был мой вот опыт, которым я теперь могу со всеми делиться».*

Портрет второй: мир иной — смерть или жизнь?

И отрет Бог всякую слезу с очей их,
и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля,
ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.

(Откр. 21:4)

Татьяне 31 год, родилась и выросла в мегаполисе. Родители разошлись, когда ей было около 6 лет. До этого времени подолгу жила на даче у папиных бабушки и дедушки. После разрыва между родителями воспитывалась в основном бабушкой по маминой линии. Где-то с середины младших классов мама вернулась в дом и привела с собой отчима. В 14 лет Таня ушла из дома в дворовую компанию. После восьмого класса пошла в кулинарный техникум. В результате подъема больших тяжестей в кондитерском производстве у нее на несколько лет частично отнялась рука. Примерно с 16 лет вместе с бабушкой стали жить отдельно.

В 19 лет вступила в гражданский брак. Муж, художник, был старше ее на 10 лет. *«И началась ночная жизнь. Помню, приходили эти художники, этот художник... и там, стихи, и цветы, ну, вот, и песни, и свечи у камина».* Кроме того, он был верующим (хотя и не воцерковленным) человеком, ездил с Таней по святым местам, рассказывал о церковных традициях и привил первые навыки молитвы. Когда ей было 25, они расстались.

В 26 лет Татьяна переехала в один из пригородов, где при местном храме создавалась обитель сестер милосердия. Этому делу теперь посвящена вся ее жизнь. Прихожанами храма являются как местные жители, так и горожане.

Кроме посещения богослужений многие приезжающие принимают посильное участие в ведении церковного хозяйства. Дел *на приходе* много: всевозможные ремонтно-строительные работы, сад, кухня, уборка помещений и прилегающих территорий и пр. С этого начинала свое воцерковление и Татьяна.

В настоящее время она является одной из сестер обители. Основное призвание сестер — ухаживать за безнадежно больными в расположенной неподалеку больнице, готовить и провожать их в последний путь. Чтобы выполнять свою миссию, Татьяна окончила трехгодичные медсестринские курсы. Сестер в обители немного, вместе с необетными и приходящими человек 11–15. Информантка среди них, судя по всему, занимает достаточно важное положение. Она вторая по счету *обетная сестра*² после старшей и самой первой из них. Она имеет право благословлять старших по возрасту людей, а также давать другим сестрам распоряжения и наставления. В целом создается впечатление, что человек она весьма занятой и во многом незаменимый. Ее все время куда-то зовут, что-то ей надо сделать, со всеми поговорить, того встретить, этого проводить. Только на третий раз мне удалось взять у нее интервью. Кроме того, она обладает редкой и весьма завидной жизнерадостностью: часто смеется, имеет быструю и эмоциональную речь, здоровое, крепкое тело, одним словом, пышет жизнью.

Ее первые воспоминания, связанные с церковным миром, относятся к периоду 6–12-летнего возраста.

И вот самое яркое впечатление с детства, конечно, это Пасха. Вот, бабушка берет меня, значит, за руку и мы едем к бабушке на кладбище. ...и вот там такая аллея у нас, идешь по ней, и там все в разноцветных яйцах! Вот, все, все, все. Яйца лежат слева, справа на могилках, пока идешь там, народ там идет... И маленький такой красивый, подходишь, деревянный храм. Деревянный храм, там три ступенечки... и... вот запах, — все... И... тополь! же всегда, очень часто... Пасха, весной, да, там — тополь! Красные сережки...

В приведенной наррации насыщенное деталями описание живо передает ощущение разлитой в воздухе благодати. Эта живость старых впечатлений заставляет предположить их сопряженность с содержанием ГПС. Для его прояснения попробуем выявить основные смыслы приведенного воспоминания. Поездка на кладбище каждый год приурочена к Пасхе, или, переставив акценты, Пасху каждый год отмечают поездкой на кладбище. Одновременно бабушка с внучкой посещают и могилу бабушки, и храм, где, конечно же, ставят о его упокоении свечи, подают записки, оставляют *пóмин*³. В остальное время года, по всей вероятности, походов в церковь, равно как и на кладбище, не было. Таким образом, загробный мир для девочки становится тождественным сфере божественного.

² Принимая обеты послушания духовному отцу, нестяжательности и безбрачия, обетная сестра, как и монахиня, навсегда «уходит из мира» и посвящает себя Богу. Отличие обетных сестер от монахинь состоит преимущественно в характере их служения. Это не молитвенные и аскетические подвиги, а уход за больными и страждущими.

Положительное восприятие «загробного» Бога ребенком становится возможным благодаря тому, что потусторонний мир переживается как связанный узами любви и родства с миром живых. Регулярностью своих приездов бабушка хранит верность памяти рано ушедшего мужа. Точно так же и другие люди приезжают навестить своих почивших родственников. Умершим, как живым, стараются сделать приятное: расчищают и украшают цветами их могилы, оставляют на них съестные приношения. Победу над смертью исповедуют все здоровающиеся в этот день: «Христос воскрес! — Воистину воскрес!» Все эти действия означают соединение того и этого мира. Сама природа празднует победу над смертью: красные тополиные почки являют собой красоту воскресающей жизни.

Особое место в воспоминаниях занимает церковь. Для Тани она становится не только Божиим домом, но как бы и домом покойного любимого дедушки, где все дорого, все пахнет чем-то родным и желанным. Причем образы мамино (похороненного на этом кладбище) и папиного дедушек, судя по всему, сливаются. Подобное совмещение оказывается возможным, поскольку первого девочка никогда не видела, и его образ оказывается открытым для конструирования и заполнения любой информацией. А со вторым, горячо любимым в раннем детстве, из-за развода родителей пришлось расстаться навсегда. В каком-то смысле он также оказался в мире ином, недоступном для нее.

Особая привязанность к папиному дедушке объяснима еще одним обстоятельством. Как ни странно, ни разу на всем протяжении интервью героиня не упоминает своего отца. Этот необычный для автобиографического повествования факт наводит на мысль, что роль отца с самого начала взял на себя дедушка.

В детские годы, по крайней мере, летом она жила в его загородном доме: «Дом двухэтажный. Знаете, это очень много, наверно, откладывается, что, вот, деревянный дом, природа и вот веранда, крылечко... пруд, цветы, купавница... вот, дети!» Сравним это описание с описанием церкви. Поразительным образом наиболее важные моменты в обоих случаях совпадают. Обе постройки деревянные. У дедушкиного дома запомнилось крылечко, у церкви — три ступеньки. И там, и там — вокруг цветы, деревья, гуляющие люди. Воспоминания о церкви относятся к более позднему периоду, чем жизнь у дедушки с бабушкой, и восприятие храма похоже на узнавание чего-то забытого. Кладбищенская церковь могла быть столь трогательной, точно родной для Тани именно потому, что ее внешний вид, ее запахи и звуки неявно напоминали девочке самые лучшие и уже безвозвратно ушедшие дни из ее маленькой жизни, возвращали ей ощущение того времени, когда она жила в загородном доме у дедушки с бабушкой.

Степень привязанности к дедушке можно оценить, видя готовность ребенка идти на жертвы, ради участия в его делах: «То есть если сказал, что за грибами,

³ Здесь — съестные приношения (мука, растительное масло, пироги, конфеты и т.д.), оставляемые в храме и/или раздаваемые нищим и просто людям, чтобы они помянули души усопших близких и испросили для них у Бога блаженного упокоения.

то как бы от радости — «О! За грибами!», я без слов, там, в 4, в 5 утра, там, встаю, мы идем за грибами».

Несмотря на общую позитивно-радостную настроенность, ранняя встреча с миром мертвых накладывает свой отпечаток на детскую душу.

Вот это вот чувство тоже я помню в детстве очень хорошо. ... вот это вот знакомство первое, что вот смерть, да, и что меня не будет - вот все сжималось, от этого какой-то... холодно, и я вот начинала плакать, что не может быть, что вот, ну, что вот не будет — нет, не могу представить, нет... начинала плакать, но никто ничего...

Детское восприятие кладбища, несмотря на радость Пасхи, в то же время подспудно вызвало мысль о неотвратимости смерти. И не от кого было ждать утешения, ведь именно бабушка — единственный близкий человек — была причиной столь тяжкого открытия.

На основе изложенных фактов можно сделать предположение: описанная проблема преодоления страха смерти явилась основой идентичности героини. Заставить себя добровольно решиться перейти в *инобытие* стало центральной задачей ее неосознанной жизненной стратегии. Что вызвало в девочке такую противоестественную потребность? Главной причиной, на наш взгляд, является неоднократно повторяющийся в биографии сюжет потери любимого человека: сначала отца (в столь раннем возрасте, что память об этой травме оказывается вытесненной в бессознательное), затем заменявшего его папиного дедушки, потом (в плане примерки к себе истории значимого другого) мужа маминой бабушки. Однако и это еще не все — потусторонним в итоге оказался не только мужской, но и женский референтный образ.

Изначально тип идеального женского поведения, на который ориентировалась Таня, задавала мамина бабушка, но после того, как она попала в сумасшедший дом (тоже своего рода *инобытие*), пришлось искать дополнительное подкрепление. В силу ряда причин мама, как и отец, не стала положительным примером, идентифицируясь с которым, можно было бы выстраивать свою жизненную стратегию. В период воцерковления девушка узнает, что близкая родственница маминого дедушки, похороненная рядом с ним, была монахиней. Ее фигура становится вторым женским референтом, прекрасно дополняющим заданный бабушкой типаж. Расположение могил дедушки и родственницы-монахини рядом друг с другом говорит об их близости в загробной жизни. Наверное, подобного соединения «в вечности» ожидает бабушка в будущем и для себя. Скорей всего, ее похоронят рядом с любимым мужем, и они снова будут вместе. *Лейтмотив* готовности следовать за любимым человеком в пространство иного — неповседневного и асоциального, которому он причастен, на данном этапе получает дополнительное подкрепление и содержательную конкретизацию. Появление фигуры родственницы-монахини символизирует возможность соединения с ре-

ферентным образом «потерянного мужчины / отца» в чистой от эгоистических амбиций и плотских страстей христианской любви.

Имея «призвание» к преодолению смерти и в то же время естественным образом страшась ее, Татьяна оказывается не в силах психически отстраниться от смерти даже совершенно посторонних ей людей. Напротив, происходит идентификация с умирающим, вызывающая в ней желание что-нибудь предпринять для его спасения. Ощущая в этом свою беспомощность, героиня тяготится ею как беспомощностью перед своей собственной смертью. Только вера оказывается в состоянии примирить девушку со смертью, только она дает возможность принять ее как переход в иной, причем лучший мир.

И были, конечно, такие моменты, всегда вот, когда там, знаете, вот, какая-то (растяжно) авария... или где-то вот по мосту гуляли, там мальчика достали, вот, только что — утопленника. И я всегда переживала, что я не могу ничего сделать. (Короткая пауза) Ну, не... потому что не знаешь, чего тут будешь... А теперь! Знаете, так интересно, когда человек... сразу там — бежишь!!! ...вот на приходе тоже. Вот. Так что мои мечты, так сказать, стать... и, действительно, Господь дал талант.

После того как от Татьяны уходит гражданский муж (опять он уходит), она какое-то время еще пытается устроить свою личную жизнь, но после обращения окончательным образом уверяется в том, что ее любовь «не от мира сего».

Женская неудачливость матери сначала в отношениях с отцом, затем с отчимом служила девушке своеобразным свидетельством «принципиальной» невозможности счастья в этом мире и предопределила решающую роль в формировании ГПС героини старшего поколения взрослых (верных бабушек и «инобытийных» дедушек). Вполне вероятно, это тайное подозрение в априорном несовершенстве этого мира, сформировавшись в детстве, лишь ждало своего подтверждения. Во всяком случае, требования рассказчицы по отношению к потенциальному супругу вызывают подозрения в (пусть неосознанной, но) преднамеренной невыполнимости содержащихся в них задач. Героине нужен идеальный мужчина: «Идеал, вот, был такой, вот... какой должен! быть. А какой не должен — не надо!» Ее гражданский муж, раз упавши с пьедестала, не мог быть поставлен туда вновь (хотя позже он нашел ее в сестричестве и хотел возобновить отношения). Распад собственной семьи послужил Татьяне лишним доказательством известного ей по материнскому опыту «правила невозможности» женского счастья и способствовал переносу всей полноты ее душевных сил на заданную бабушкой стратегию общения с ушедшим из этого мира любимым. Любимый Татьяны, покинув ее, тоже как бы покинул этот мир. И обращение девушки к незримому первоначально оказывается попыткой психологически противостоять этому уходу. Услышав впервые об обители, девушка заинтересовалась ей во многом потому, что когда-то они с мужем снимали дачу в том же поселке. Так что уход из мира

в сестричество отчасти можно объяснить желанием навсегда остаться в местах своего невозвратно ушедшего счастья.

Вместе с обращением и воцерковлением Татьяна сознательно принимает свое предназначение — любить пространственно недоступного (Бога), думать о запредельном, стремиться туда и вести за собой других. Несмотря на кажущийся отказ героини от своих первоначальных устремлений к ведению домашнего хозяйства, между ее представлением об *«идеальной жене»* и той ролью, которую она играет на данный момент в общине, больше сходств, чем различий. В прошлом цель создания семьи преимущественно полагалась в детях: *«Мое... — воспитывать детей»*. Судьба сложилась так, что мечты девушки воплотились в жизнь не в замужестве, а в служении сестрой милосердия в детском отделении больницы. Как бабушка отказалась от повторного устройства своей личной жизни ради дочери и внучки, так и Татьяна отказывается от поисков земного счастья и посвящает себя помощи умирающим в страданиях детям. Как бабушка когда-то приводила ее в церковь за кладбищенской оградой, теперь она сама открывает детям божественность иного мира. Рассказывая о Боге, Татьяна вселяет в них упование на лучшую жизнь после смерти. Ее мечта — открыть при сестричестве свой хоспис. Чувство удовлетворения, обретенное на новом поприще, с одной стороны, и попытка примириться с неудачей в реализации своего проекта *«идеальной жены»* — с другой, способствуют рационализации прожитого опыта в терминах предопределенности: *«Значит, Господь не сподобил, и как бы не дано, ну, не надо было (выходить замуж)»*.

Здесь мы обнаруживаем тот же, что и у Галины, принцип построения биографии: женский референт задает паттерн поведения или «путь», а мужской — ценности или «цель». Удивление, как и в первом портрете, вызывает множественность совпадений начальной (детской) и нынешней ситуаций. Единство душевного состояния, фиксируемое в вербализованных маркерах, чувство удовлетворенности своей жизнью, радости объединяет исходный, промежуточный (период гражданского брака) и финальный пункты повествования. Наличие в них качественной разницы также не подлежит сомнению. Сформированным с детства общим установкам приобретенный опыт придал конкретную форму. Между двумя альтернативными жизненными стратегиями — поиск счастья в миру или вне мира — был сделан окончательный выбор (вполне в соответствии с исходными «данными»). В ситуации социальной дезадаптации после разрыва с мужем этот биографический поворот позволил Татьяне достичь значительной личностной целостности и перейти из фазы кризиса (выбора) идентичности в фазу творческой самореализации. С воцерковлением изменились сознательно формулируемые цели и средства их достижения.

Сравнительный анализ случаев

Выбор для анализа двух рассмотренных интервью был обусловлен их контрастностью. Периоды, выпавшие из рассказов о себе у Галины и Татьяны (неактуальные для выстраиваемой рассказчицами идентичности), по своим характеристикам полностью противоположны друг другу. У Гали это периоды замкнутой жизни в кругу семьи, у Тани — периоды наиболее активных контактов с чужими людьми. Здесь обнаруживается принципиальная разница в способах построения гендерной и более широко — социальной идентичности каждой из участниц исследования. В общих чертах эта разница состоит в следующем.

Галя находит себе референтов (их всегда несколько) вне семьи, среди дружественного окружения, т.е. среди людей более или менее дистанцированных, не связанных с ней слишком тесными эмоциональными узами и моральными обязательствами. В личной жизни она либо ведущий, либо, по крайней мере, равноправный, независимый партнер. Определить точнее трудно, поскольку муж упоминался в интервью всего два раза и весьма односложно. Данный факт и сам по себе является ценным, поскольку отражает значимость отношений с мужем для самосознания информантки. Лидирующее положение референтных женских фигур — тети и мамы — в их семьях с неизменным пребыванием мужа «в тени» супруги работает на нашу гипотезу.

Женская роль Татьяны — это, напротив, роль вedomой. Ее основной референт — тот «единственный» человек, в отношении с которым она стремится к постоянной душевной близости, воспринимая его в качестве безусловного авторитета и наставника во всех сферах жизни: *«Вы знаете, там было все: и папа там была, и, вот, которой ты можешь все сказать, все ответить. Вот. Молодая, юная, 19 лет мне было... Потом он купил (мне) велосипед. Потом он снял дачу, он сказал: „Все! Врачей (тебе) не надо, ничего не надо, все... (будем жить на природе у целебных источников, и ты поправишься)“»*.

Опека и протекторат со стороны мужчины как в духовном, так и в материальном плане приятны для Татьяны. Они создают атмосферу любовного ухода и составляют предмет ее женской гордости. Складывается впечатление, что девушка желает получить от мужа ту заботу и внимание, которые недополучила в детстве от родителей (судя по окончаниям женского рода: *«папа там была... которой...»* — героине интервью не доставало не только отцовской, но и материнской любви). Основной интерес Татьяны в отношении с этим человеком состоит в том, что она, наконец (в сравнении с родным отцом и отчимом), *может ему доверять*, а он *безусловно принимает ее личность*. Сексуальные влечения в своей грубой плотской форме отступают здесь на задний план. На настоящий момент роль *любимого человека* — *отца* играет священник, к которому Татьяна, как и к бывшему гражданскому мужу, сильно эмоционально привязана.

Приходская субкультура

Анализируя формы деятельности и модель социальных взаимодействий в приходах Галины и сестры Татьяны можно обнаружить, что культурная программа каждой из них удивительным образом соотносится с типичными установками и практиками их социальной среды.

Приход Галины можно отнести к так называемому демократическому движению внутри современного русского православия. Культурная программа этого направления предполагает максимально глубокое изучение религиозной традиции, при необходимости ее частичный пересмотр в свете требований современности, а также активную православно-просветительскую деятельность. Достаточно сказать, что при приходе существует православное высшее учебное заведение, девушки здесь (если еще «морально не готовы» к ношению платка и юбки) могут присутствовать на богослужении в брюках, с непокрытой головой и распущенными волосами, общины прихода регулярно выезжают в гости к дружественным общинам в другие города и страны, в том числе в Западную Европу, а рекрутирование новых прихожан является целенаправленной стратегией и в целом идет по принципу «пирамид»: пришел сам, приведи другого. Все перечисленные особенности, очевидно, сближают субкультуру этого прихода с установками протестантизма, т.е. соответствуют идеям проекта Просвещения и формируют гражданскую позицию, родственную европейскому либерализму. Естественно, что такой подход к вере в первую очередь отвечает ожиданиям городской интеллигенции, выходцы из которой и составляют основную массу прихожан.

Социальная идентичность российской и советской интеллигенции строилась на декларации (как минимум) и реализации своей способности суждения. Поэтому возникновение внутренних коммуникативных пространств в церковных общинах, где настоятель храма и большая часть прихожан относятся к данной социальной прослойке, выглядит вполне логично. В приходе, к которому принадлежит Галина, вопросы современного православия, с одной стороны, выносятся в сферу публичности: проведение конференций, развитие и поддержание своего web-сайта, катехизаторская, образовательная и издательская деятельность⁴. С другой стороны, поле публичности, что характерно для современной культуры вообще, стремится охватить область приватного и интимного. Своеобразной инициацией вступления в приход является написание текста и рассказ на общем собрании о своем пути к Богу. Эта же тенденция проявляется в организации в приходе множества мелких общин квазисемейного типа, где все участники в порядке общего правила регулярно делятся друг с другом своими «радостями и печальями». Данный обычай приближается к традиции публичной

⁴ «...Энтузиасты православного просвещения... — модернисты по своим убеждениям. Сама идея о катехизации (т.е. просвещении) основной массы населения интересна именно либералам» [З, с. 322].

исповеди, бытовавшей у первых христиан (наследие которых активно изучается и осваивается в приходе) и резко контрастирует с исторически сложившейся практикой конфиденциальной исповеди в РПЦ.

Таким образом, православная социальная идентичность в этом приходе имеет три основные социально-культурные особенности: 1) как основанная преимущественно на дискурсивных практиках она является инвариантом «классовой» идентичности интеллектуала; 2) как претендующая на выход в открытое, в том числе внецерковное, публичное пространство она приближается к идентичности члена гражданского общества — творца частного политического мнения; 3) как идентичность общинная, вписывающая себя не целиком, но все же в узкую рамку интимной локальности, она представляет собой попытку оживления архаических форм идентичности, в надежде преодоления разобщенности и аутизма современной культуры крепостью межличностных связей внутри своих общин⁵. По всем трем пунктам социальная идентичность, конструируемая в данном приходе, заметно отличается от традиционной модели православной социальной идентичности.

В основных чертах такую модель воспроизводит сестринская обитель, в которой подвизается сестра Татьяна. Пространство публичности, понимаемое как пространство публичной артикуляции частного мнения на равных правах для всех участников группы, в ней в принципе отсутствует. Таким правом обладает только священник, когда он произносит проповедь. Но и в более частном общении стороны, вступающие в коммуникацию, неравноправны. Предполагается, что мнению лица, занимающего более высокую ступень во внутренней иерархии, следует придавать большую значимость и, если ты находишься на более низкой ступени этой лестницы, то должен не спорить, а соглашаться. Это система традиционного патриархата, где равноправный диалог не только невозможен, но и не востребован. Здесь базовыми являются не взаимная открытость и раскрытие личности в групповом общении, а такие социальные ценности, как смирение и послушание. Основной посыл здесь не в совместной выработке стратегий оптимизации групповой деятельности, а в развитии способности с благодарностью принимать все обстоятельства своей жизни. Отказ от способности суждения и личной ответственности за свои жизненные выборы объясняет обращение к неинтеллектуальным видам трудовой занятости. Выполнение простых физических работ не дает возможности уму превозноситься, а телу пребывать в гедонисти-

⁵ Согласно Р. Сеннету, эта тенденция таит в себе большие «подводные камни»: «Сам страх безличности, управляющий современным обществом, побуждает людей представлять себе общество во все более ограниченном масштабе... Чем больше люди задумываются о политической сфере как о благоприятной возможности раскрыть себя друг для друга... тем больше они забывают о том, чтобы использовать эту общность ради изменения социальных условий... Отказ от политического диалога, непрекращающиеся чистки аутсайдеров происходят от псевдогуманистического желания исключить безличность в социальных отношениях... Поиски общей идентичности упраздняют поиски общих интересов (курсив наш. — Л.И.)» [5, с. 295–298].

ческой праздности. По-видимому, идея такого пути спасения легче принимается теми, кто воспитан в рабоче-крестьянской трудовой этике.

Обитель сестры Татьяны находится в сельском пригороде. Уже этот факт ограничивает в ее составе число горожан и увеличивает процент местного населения, среди которого доля работников умственного труда, очевидно, должна быть ниже, чем в городе. Все виды деятельности разбиваются в единой общине на два основных — физический труд (строительство и ремонт храма, прихрамовых построек, сестринского корпуса, работы по возделыванию прилегающих к храму территорий, кухня, стирка и т.д.) и молитву. Служение сестер милосердия предполагает получение ими медсестринского образования. И хотя на момент проведения интервью сестричество еще не было многочисленным, понятно, что в перспективе идти сюда будут в первую очередь либо девушки, еще не получившие никакого образования, которые, избирая данный жизненный путь, не претендуют на получение экспертного знания по какой-либо специальности, либо женщины, по тем или иным причинам не получавшие в миру удовлетворения, в том числе и от своей профессиональной занятости. Описанные обстоятельства делают эту общину более привлекательной и близкой душе «простой», «не мудрствующей лукаво» и не склонной к проблематизации своего понимания православной традиции. То есть каким бы на самом деле ни был здесь социальный состав прихожан, по своему культурному типу данную общину следует отнести к традиционной, пропатриархатной русской культуре, уходящей корнями в «здоровый крестьянский быт». Характерно то, что богослужение здесь сопровождается древнерусским знаменным распевом (очень красивым, но практически не используемым в современной церковной практике). Такое обращение к церковной старине предположительно должно работать на идентификацию с прошлым допетровской Святой Руси и таким образом приводить к сращиванию религиозной и этнической идентичностей.

Библиографический список

1. *Давыденков Олег, иерей.* Догматическое богословие. Введение. Часть I. Раздел II. Священное Предание // Седмица.Ru <<http://www.sedmitza.ru/index.html?did=3279>>
2. *Кочетков Георгий, священник.* Возможная система оглашения в РПЦ в современных условиях // <http://www.sfl.ru/rubrs.asp?rubr_id=174>
3. *Митрохин Н.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: НЛО, 2004.
4. *Нуркова В.В.* Сверхъестественное продолжается: Психология автобиографической памяти. М.: Изд-во УРАО, 2000.
5. *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.

НАРРАТИВЫ «МУСУЛЬМАНСКОСТИ» В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ПРИМЕР ЖЕНСКИХ АУДИТОРИЙ КОРАНИЧЕСКИХ КУРСОВ В МОСКВЕ

.....

Г. А. Сабирова*

Либерализация церковно-государственных отношений в конце 1980-х гг. повлекла за собой институционализацию новых субъектов репрезентации, актуализирующих исламскую тематику в постатеистических обществах. Учреждение исламизированных пространств (открытие мечетей, возникновение печатных и телевизионных проектов, общественных и досуговых центров), а также института презентации религиозного дискурса в политических кругах и этнических средах открыло новое поле для публичных нарративных практик, в которых предпринимались разнонаправленные усилия по социально-политическому позиционированию *исламского* качества.

В статье предполагается раскрыть некоторые аспекты возникновения и легитимизации среди женской (татарской) аудитории коранических курсов новых нарративов «мусульманскости»¹, которые строятся вокруг интерпретации индивидуальных смыслов новой активности в контексте биографической ситуации и позиционирования по отношению к более традиционным нарративам. Главный вывод: будучи первоначально объектами проповеднической активности, женщины становятся по мере вовлечения в учебный процесс активными участниками формирования нового образа женщины-мусульманки.

Структуры исламского обучения

Появление публичных (внесемейных) структур исламского обучения² на заре перестройки в пространстве мегаполиса открывает возможности реструктури-

* Сабирова Гюзель Ансаровна — ведущий сотрудник Научно-исследовательского центра «Регион» Ульяновского государственного университета. Электронная почта: sabirova_00@yahoo.com.

¹ «Мусульманскость» в данном исследовании обозначает совокупность качеств, через артикуляцию или проживание которых субъекты воспроизводят свою принадлежность к исламской дискурсивной традиции (термин Т. Асада). Соответственно, нарративы «мусульманскости» — это повествования, которые предполагают позиционирование «мусульманскости» в сюжетной и временной перспективе.

² В контексте данного исследования речь идет о начальной ступени религиозного образования, известной как медресе, мектабы, воскресные школы или курсы по изучению основ Корана.

рования устоявшихся в советский период схем трансляции исламского знания и воспроизводства мусульманской идентичности. Новые группы религиозных авторитетов — «мечетных» или «внемечетных» — предлагают «продукт, буквально обозначаемый как религиозный» [5, р. 281] и вступают в конкуренцию с субъективными переживаниями трансцендентного путем властного позиционирования своего ответа на вопрос: «Каким должен быть истинный мусульманин?» Предлагаемый спектр моделей настолько широк, что некоторые исследователи помещают их между неотрадиционализмом и реформаторством [3, с. 64].

Большинство аудитории коранических курсов составляют этнические мусульмане, со своими представлениями о мусульманскости, сформированными в этнородственном окружении. В разных исследованиях *конвенциональными, традиционными, секулярными, культурными* мусульманами называют разнородную группу людей, которые идентифицируют себя в социологических опросах как мусульмане, но не воспринимают ислам как тотальный императив организации повседневности. Их ритуальная практика синкретична, они не проявляют интереса к религиозному перфекционизму или к публичным формам выражения своей религиозности, разделяя время и пространство на религиозное и светское. В отличие от рефлексивного и рационального ислама активистов, в этой категории важны этнородственные (конвенциональные) образцы поддержания мусульманской идентичности [1]. Эта особенность принятия мусульманской идентификации в постсоветских обществах отражается в противоречивом понятии «светский ислам» [4].

Объектом нашего исследования является немногочисленная относительно всей совокупности этнических мусульман категория женщин, которая проявляет активность в исламском обучении. Женщины преобладают количественно среди тех, кто наиболее стабилен в своих образовательных интересах. Как в атеистический, так и в последующий период, женская исламизирующая активность играет решающую роль в воспроизводстве и трансляции символов исламской принадлежности. Женщины-мусульманки, отличительным маркером которых становится особым образом повязанный платок (хиджаб), оказываются в центре публичного внимания и дискуссий.

Женщины-татарки, приобретающие опыт обучения в мечетях и в частных школах, сталкиваются с новым представлением о «мусульманскости» и оказываются перед необходимостью проведения индивидуальной работы по переформлению своего образа женщины-мусульманки. При этом важную роль в данной трансформации играют нарративные практики, необходимые для структурирования и легитимизации опыта участия в исламском обучении.

Это курсы для людей всех возрастов, организуемые в выходные дни или в вечернее время. Здесь преподаются, как правило, базовые знания об исламе (прежде всего Коран, Сунна), а также арабская графика. В Москве такие курсы были открыты в конце 1980-х — середине 1990-х гг. при мечетях и исламских фондах, а также в частном порядке.

В исследовании применяется понятие *нарративной идентичности*. Центральными для концепции нарративной идентичности являются ее биографичность, конструктивность и укорененность в социальной интеракции. Нами нарративная идентичность понимается как конструируемое в рассказываемой истории самопонимание личности, переданное через повествование своего прошлого, настоящего и будущего, сформулированное в конкретный момент и в конкретной ситуации интеракции. Эта работа, творческая по своей природе, ограничивается набором доступных интерпретативных моделей (нарративов готовых форм), подразумевает структурирование материала [6] и обязательное позиционирование по отношению к одобряемым или неодобряемым в обществе моральным дискурсам [8, р. 25–52].

Этнорелигиозная активность татар в Москве в постсоветский период

Волна этнического самоопределения, охватившая российские регионы в первые годы социальных изменений, не обошла стороной и Москву [2].

Развитие собственно образовательной, прежде всего просветительской, активности официальных и полуофициальных исламских групп происходило на фоне этнического возрождения (которое не только актуализировало исламскую идентичность, но и провоцировало разобщение), властного позиционирования различных мусульманских авторитетов, продолжения процессов централизации и глобализации Москвы, роста исламофобии, а также на общем фоне идеологической и ценностной дезориентации людей в ситуации социально-экономического кризиса. Москва отличалась от других регионов России интенсивностью воспроизводства многополярного континуума культурных образцов, большим доступом к новейшим средствам массовой информации и т.д.

Сегодняшние лидеры религиозного обучения вышли из среды тех, кто активно участвовал в изучении татарской культуры и ислама в середине 1970-х гг. в Москве, когда отдельные разрозненные группы, несмотря на гонения, собирались в Соборной мечети или на квартирах. К началу 1990-х гг. число людей, вовлеченных в исламское инструктирование, достигало 200–300 человек³. В это же время происходила институционализация различных групп, презентующих как официальный ислам (который концентрировался прежде всего в Соборной мечети, а позже, к 1997 г., еще в двух мечетях Москвы), так и полуофициальный (представленный различными небольшими группами). Параллельно в начале 1990-х гг. россияне получили возможность обучаться в учебных заведениях стран исламского мира (Египте, Сирии, Саудовской Аравии, Катар, Марокко; девушки, как правило, учились в Турции).

Уровень первичного религиозного образования представлен в следующих структурах: медресе Исторической мечети (открыта вновь в 1993 г.); медресе и Университет мечети в Отрадном «Ярдам» (мечеть построена меценатом тата-

³ По экспертным данным, полученным в ходе исследования.

рином Ряшидом Баязитовым в 1997 г.); медресе мечети на Поклонной горе (открыта как часть мемориального комплекса, построена мэрией в 1997 г.); медресе и Московский высший духовный исламский колледж, Московский исламский университет; Высшие женские исламские курсы Московской Соборной мечети (мечеть построена в 1904 г., образовательная активность в постсоветский период с 1989 г.); медресе «Иман» при фонде «Ихляс» (активность с 1992 г.) и учебные группы «Исламского конгресса» (активность с конца 1980-х гг.).

Сегодня религиозные лидеры констатируют наличие значительных проблем, касающихся материально-технической базы обучения и рекрутинга учащихся на исламские курсы. Интерес к религиозному обучению, по сравнению с началом 1990-х гг., значительно снизился. По примерным оценкам экспертов, в настоящее время за год в Москве и Московской области различные исламские курсы посещают не более 1 500–2 500 человек.

Кто преподает на таких курсах? Можно выделить несколько категорий преподавателей: от профессоров различных наук, близких к исламу (исламское право, история ислама, арабский язык и т.д.), среди которых наиболее активны этнические мусульмане, до зарубежных преподавателей (чаще из Турции) и молодых имамов (возраст от 20 до 30 лет), которые получили образование за рубежом или в Высшем исламском духовном колледже при Соборной мечети). Большинство преподавателей — мужчины.

Женщины в различных учебных центрах представлены неравномерно. Так, в медресе Исторической мечети их около 90%, в медресе Мемориальной мечети примерно 50%, в медресе мечети в Отрадном около 70%. Значительная часть из них — татарки (мишаре, или казанские татары). Меньше представлены выходцы из Дагестана, ингушки, чеченки, русские и др.

Подавляющую часть посещающих курсы составляют женщины пенсионного возраста. Часть из них — это пожилые женщины из деревень, которых дети или внуки привозят на зимний период в город. Как правило, эти женщины плохо владеют русским и предпочитают обучаться на татарском языке. Такие группы есть почти в каждой мечети. Для остальных преподавание ведется на русском языке и сочетается с дополнительными курсами татарского языка. Татарский язык имеет особый статус в мечети, где нередко приходится слышать: «Говорите помусульмански», т.е. по-татарски, что вызывает недовольство у представителей других этнических групп. Сказанное в первую очередь относится к Соборной мечети, тогда как лидер Мемориальной мечети Имам Шамиль Аляутдинов свои проповеди читает на русском, а при чтении молитв учитывает ханафитские и шафиитские традиции; здесь же среди обучающихся чаще встречаются нетатары.

Три поколения женщин в мечети

1. *«Абыстайлар» (бабушки)*. Старшее поколение женщин адаптирует новое знание и опыт в уже сложившиеся конвенциональные представления об инди-

видуальной исламской религиозности, они более критично относятся к новым предписаниям. Как правило, их образовательные интересы ограничиваются изучением молитв и правил исполнения пятикратной молитвы, ритуальных предписаний, а также элементарных основ ислама, иногда включают графику арабского языка. Приобретение нового знания рассматривается как необходимое для укрепления своего авторитета в семье и в кругу родственников и друзей-татар. Их обращение к исламу соответствует общим ожиданиям вовлечения в религиозную активность с наступлением пенсионного возраста. Они воспроизводят категорию молящихся бабушек, одна из задач которых — артикулировать религиозные воспитательные образцы этнических мусульман, где важна прежде всего этика и символика ислама, а не догматическая сторона.

*Дамира*⁴ (65 лет) родилась в Москве и после четырех лет эвакуации в деревне Башкирии вернулась с мамой и сестрой в Москву, где и пошла в девять лет повторно в первый класс. Семья жила бедно, поэтому пришлось перейти в вечернюю школу; закончила торговый техникум («чтобы не голодать»). Из торговли ушла и 25 лет работала на микробиологическом предприятии. Была коммунисткой, десять лет стажа профсоюзной работы. Замужем не была, и детей нет. Впервые на курсы при мечети пришла вместе со знакомой после выхода на пенсию и смерти мамы.

Биографический рассказ Дамиры — это история о трудной голодной жизни и об активной, творческой жизненной позиции. Прошлое представляется через то, что было дома — это мама, устраивавшая литературные четверги и пятницы (один день посвящался татарской литературе, а второй — Корану), и вне дома — это общественное служение («все делала для людей»), интересная и творческая работа («все приходилось осваивать самой»), концерты и выставки («я не скучаю»), поддерживающаяся связь с татарстанской диаспорой.

Своя этническая принадлежность конструируется через родную деревню, в которую она раньше ездила, родителей в Татарстане, маму (которая «наизусть знала Г. Тукая»⁵), язык (она его слышит по радио или в мечети и изучает новые слова, такие, как «просвещение»), свою активность в посещении спектаклей, литературных вечеров в советское время (каждые 5–10 лет в театре им. Пушкина проводились национальные декады, а в Доме атеизма — встречи с татарстанскими известными людьми в программе «Хочу все знать») и информированность о политической ситуации в Татарстане (через татарское радио «Свобода»).

В повествовании Дамиры ислам помещается внутри татарской идентичности, и, соответственно, отношение к исламу конструируется через этничность. На маджлисы Дамира предпочитает приглашать тех, кто та владеет татарским, даже если у молодежи знания крепче и произношение лучше, чем у ее старшего

⁴ Здесь и далее используются псевдонимы в целях сохранения анонимности.

⁵ Известный татарский поэт.

поколения. В биографическом нарративе Дамиры ислам — это продолжение того, что делала мама. Перед смертью мама научила ее читать намаз: *«Вот я умру, кто будет дога читать? Никто не поможет»*. В месяц поста мама *«начала парами собирала, а потом только женщин, бабушек. ...Коран читали те, кто был знаком с религией. ... В основном — мужчины, были и бабушки. Вот у меня сейчас бабушка одна. Ей 92 года, в 6 лет она Коран от корки до корки умела читать. ...Я очень рада, что мы приняли исламскую религию. ... Вот если бы сейчас татары вернулись в исламскую религию, заинтересовались бы Кораном, какая была бы благодать»*.

2. *«Ханум» (женщины)*. Исследователи, да и сами религиозные деятели отмечают, что это поколение, рожденное в период атеистической пропаганды, практически выпадает из религиозной активности. Среднее поколение женщин демонстрирует континуум паттернов от очень близких к «девушкам» (включая установку на характер обучения и стиль одежды) или «бабушкам». Это наиболее социально ориентированная группа, готовая к различным видам активности — благотворительности, преподаванию и т.д. Им свойственна активная жизненная позиция: практически все из них сделали успешную карьеру. В этой категории женщин встречаются самые разные модели нарративов: от выстраивания своего авторитета как родителя и до пиетистского служения. Их рассказы звучат как инструкция-поучение к решению жизненных проблем, воспитанию детей и т.д.

Зайнап (41 год) в Москве живет с девяти лет, с мужем развелась по собственной инициативе, сын (около 22 лет) — верующий человек, исполняет пятикратную молитву. После того как сын стал хорошо зарабатывать, Зайнап оставила работу (бухгалтер в турецкой фирме). Впервые на курсы пришла в 1996 г. после смерти матери и уже через несколько месяцев начала делать намаз и носить платок; возглавляет проект заочного мусульманского образования, участвует в преподавании.

Зайнап, которая с раннего детства чувствовала себя взрослой и «внутри было все мобилизовано на решение проблем», описывает свою историю жизни как поиск смысла: *«какая-то такая проблема мне не давала покоя»*. Ее биография делится на период подготовки к погружению в ислам и непосредственно мусульманской активности. Успешная работа (карьера и деньги), «жизнь эмансипированной женщины» не приносили удовлетворения, курсы по астрологии тоже не дали «ответа на вопрос». Тяжелая смерть матери и образ девушек в платках (которые пришли на поминки), от которых она и узнала о существовании курсов, представляются в нарративе как главный толчок «вхождения» в ислам. На курсах все *«впитывала, это как раз было то, чего мне не хватало всю жизнь. ... Все, что беспокоило, находило абсолютно точно и логично место в исламе. ...Как только я стала изучать ислам, я поняла, что очень много таких же, как я. Признают себя мусульманами, но ничего не знают»*. Через два месяца

ца обучения она «встала на намаз» и «сразу пришло понимание необходимости ношения платка». И хотя «не было внутреннего сопротивления», Зайнап приводит легитимизированный среди женщин в платке нарратив трудностей, связанных с повязыванием платка. Если не носишь платок постоянно, «внутри жуткий дискомфорт ощущаешь», когда повязываешь страх посторонних взглядов. А платок для женщины — «это молчаливый дават — каждый видевший на секунду думает о Боге». «Создатель создал нас всех, и он дал руководство по эксплуатации. Как нужно использовать свое тело, чтобы была польза... Как нужно обращаться с душой со своей, чтобы была польза... Поэтому следование этому закону — это разумный выбор человека, когда он понимает это. А наследование — либо происходит от незнания, либо от упрямства».

В нарративе Зайнап нет морализаторства по отношению к «этническим» мусульманам, а также абстрактных высказываний о восприятии ислама в современном обществе. Ее повествование имеет характер убеждающего примера своего жизненного опыта в «полезности» и ценности ислама, в том числе и для воспитания детей.

«...Проблема на самом деле сейчас не феминистская, а на самом деле проблема, можно так приблизительно озвучить: „верните женщине ее права“, причем права те, которые ей дал Всевышний. ...это воспитание подрастающего поколения. ...И специально вытащили ее из дома, чтобы можно было детишек забрать в детский сад, оболванить их там всех, одну и ту же идеологию насадить. ...Так вот говорю, давайте, повернемся лицом к женщине и вернем ей исконное право, чтобы она не чувствовала себя ущемленной от того, что она сидит дома и занимается детьми. ...По религии никто не запрещает социализацию в социуме... есть в религии и общественные фонды и благотворительность... Было бы лучше, если бы женщина воспитала такого благочестивого, такого нравственного мудрого ребенка, который стал бы потом президентом страны. ...Это тоже было бы реализацией собственной, почему нет?..»

Когда ее сыну было 16 лет, она превратилась из эмансипированной, занятой карьерой женщины в следующую всем предписаниям мусульманку. «Влияя собственным примером и читая дуа (молитва. — С.Г.)», она заинтересовала сына исламом. Позиционируя себя как кого-то, кто «жизнь прожил», Зайнап акцентирует внимание на том, как надо вести себя и что делать, чтобы не отпугивать от себя «немусульманское» окружение. «Что людей пугает на первых порах, это множество запретов. ... Потому что люди привыкли жить вольготно, не отказывая себе ни в чем. ... Но вот объяснить, что запрет есть в шариате, только потому, что это вредно самому человеку».

3. «Кызлар» (девушки). Так их называют в мечети и так они обозначают себя сами. Эта тоже очень разнообразная категория, в которой, например, есть те, для кого обучение в медресе или на курсах является единственной формой об-

разовательной активности (а иногда и занятости) на данный момент. Другая категория — успешные студентки московских вузов, москвички во втором или третьем поколении, с многосторонними интересами и широкими образовательными планами на будущее. Последняя группа презентует современную интерпретацию ислама, в которой важно следование всем предписаниям ислама с юного возраста, рефлексивное отношение к национальной традиции ислама.

В этой категории незамужних девушек конструируется манифестирующий нарратив, в котором провозглашается возможность альтернативного ислама — современного, молодежного, или ислама интеллектуальной женщины-татарки, не следующей за толпой (или мужчиной). Они склонны отличать себя через повязывание платка и иной стиль одежды. Оправдание своего выбора происходит со ссылкой на сложившиеся непропорциональные гендерные режимы. Манифестирующие повествования не исключают элемент сомнения в планировании своего будущего. Тема укрепления «имана» оказывается значимой для девушек не только в силу сложности сделанного ими выбора, но и потому, что они находятся на таком этапе жизненного цикла, когда семья, карьера — все впереди.

Гульсум (21 год) родилась в Москве, родители родом из Нижегородской области. Учится на 4-м курсе университета, в мечети 3 года, платок носит 1 год. Имеет годичный опыт преподавания в мечети. Биографический нарратив Гульсум разделяется на две части: та и эта жизнь. Среди ее ближайших родственников не было людей молящихся, и одна из центральных имплицитных нарративных тем — это противопоставление «соблюдающих мусульман» и этнических мусульман.

«Те мусульмане, которые не соблюдают, меня слегка напрягают. ...Еще до того, как я стала соблюдающей, я считала себя абсолютно праведной мусульманкой, потому что я верила в Аллаха и как бы Аллаха татар, которые как бы не верили. ...Татары обычно очень редко, когда как бы с радостью это воспринимают. ...Вообще меня особенно очень удивляло, когда вот русские девушки принимают ислам. ...У них вера намного крепче, чем у тех, которые как бы изначально были мусульманами. ...Они (татары) боятся общественного мнения. А что скажут другие? Я считаю, что это именно есть проявление их слабости... Они не могут пойти против всех. ...Это (посещение свадьбы родственников) был такой мой выход в общество, называю это общество родственников. ...Ну, они, конечно, учились так вот не смотреть, совсем как бы дикую. ...Там (в деревне) как бы говорят, ты как доярка ходишь. Конечно, ты там доказываешь, но они же старые, они еще такие настырные могут быть. ...Конечно, поддержку самую первую там я услышала от своих русских только».

Гульсум, окончившая специализированную «английскую» школу, где в основном учились дети московской интеллигенции, не скрывает свое негативное восприятие «деревенских, подчиненных общественному мнению татар». Но в то же время «национальность смешивать нельзя (в семье)... потому что это потеря своей культуры. ...с бабушкой я говорю по-татарски, с друзьями тоже стараюсь по-татарски говорить, чтобы не потерялся язык. У нас как бы в семье это (смешанные браки) не принято». И хотя вначале мама была против, она настояла на своем. Появились новые подруги из мечетной среды — женщины старше ее (что конструируется как ценность), ставшие ее учителями, среди которых не только (или даже не столько) татарки.

«Папа у меня деревенский, и он привык, что дети растут на улице, как бы сами по себе. А на мужчинах там колхоз-малхоз, козы, коровы... У моей подруги дагестанки трое детей по-другому... Наверное, это у нас просто так не принято в татарских семьях, чтобы муж нянькался и... проблема алкоголизма».

Позиционируя себя как человека, который имеет представление о жизни там и о жизни здесь, Гульсум говорит: *«...это абсолютно разные миры и люди, которые там, они практически не понимают людей, которые здесь. ...Мусульмане, в отличие от этнических мусульман, должны быть сильной личностью, чтобы противостоять всему... окружению. Потому что, в самом деле, тяжело не пойти за толпой».* Эта тема развивается в историю о платке, о психологических проблемах выхода в публичное пространство: «вообще все на меня смотрят и всем до меня есть дело». Если раньше металась, то теперь нашла свое. *«Я считаю, что моя жизнь нормально началась, когда я пришла нормально к исламу, когда стала соблюдающей мусульманкой. ...Мусульмане намного легче воспринимают всякие беды, горести, то есть они с терпимостью».* Реализация желания и дальше учиться представляется в интервью как еще нерешенный вопрос. Муж может потребовать сидеть дома, что для нее «будет тяжело». Помимо получения второго экономического образования, Гульсум представляет себя как возможно будущая активистка, преподавательница, которых пока не так много в мечети и им не хватает знаний, касающихся специфически женских исламских практик. *«Когда преподают мужчины, у них некоторые вопросы спросить чисто женские не можешь. Ну и в принципе он может и не знать. ...Когда девушкам рассказываешь чисто женские моменты, они даже стесняются. ...Сюда приезжают египтянки различные, они очень плохо русский знают, они тебе не помогут».*

«Я недавно слышала, что соблюдающие мусульманки современные — они слишком высокомерные. Может быть. Может быть... потому что нужно достаточно много преодолеть, чтобы стать такой, какой ты стал. Побороть все это окружение вокруг себя, потому что мужчинам не так сложно. То есть, как бы полностью ты меняешь свой внешний вид, полностью абсолютно ты меняешь свою жизнь. ...Образ такой соблюдающей, образованной, затем как

бы хорошей домохозяйки, чтобы она все успевала... То есть как бы баланс между такой верующей, соблюдающей полностью, и как бы такой светской женщиной. По крайней мере, в нашей стране. Я говорю о России, о Москве. ...Не быть такой затюканной, а показать себя, что ты абсолютно не хуже других, а даже лучше».

«Мусульманскость» в биографических историях

Биографическая нарративная идентичность женщин является работой по самопозиционированию между индивидуальным и социальным, ожидаемым образом и реальным, между онтологическим Я и интервьюером. В биографической нарративной идентичности проводится работа по творческой адаптации «готовых форм» публичных религиозных нарративов, в которой также имеют значение секулярные нарративы — гендерные, этнические, поколенческие и т.д. Открывая для себя новое знание, женщины разных возрастов опираются на мусульманскую эпистемологию для самоутверждения себя как *моральных* субъектов с «аргументированной» позицией, самосовершенствующихся и осуществляющих исламский призыв.

Межпоколенные различия в стратегии принятия исламской идентификации внутри двух основных категорий — женщин пенсионного возраста и молодых девушек — обуславливают *множественность «повествовательных» сообществ*, которые характеризуются общностью нарративных стратегий, элементов нарративной композиции, а также реализуемых нарративных ресурсов. Повествовательные сообщества образуют сообщества «разделяемых историй». Например, среди старших женщин, это могут быть истории об индивидуальной ответственности за сохранение семейной традиции; о снах, которые подтверждают правильность выбранного пути; среди девушек — истории преодоления негативного отношения родителей к практике повязывания платка; истории о выборе брачного партнера и т.д. Межпоколенные «разделяемые» истории — это истории о невежественном отношении татар к исламу, о ложном образе ислама в средствах массовой информации, об активности современной женщины-мусульманки, об индивидуальном опыте изменения образа жизни через исполнение пятикратной молитвы, повязывание платка, обретение смысла жизни.

Другой способ установления поколенчески специфических идентификационных маркеров — это используемый язык. У девушек язык нагружен исламской терминологией, а повествование насыщено выдержками из Корана или пересказами хадисов. Помимо этого значимым оказывается также и внешний вид. Девушки повязывают платок отличным образом, именно по нему они определяют своих.

Драматически выстроенная трехчленная структура нарративов (до «вхождения в ислам», процесс вхождения и после) аналогична нарративной компо-

зиции историй новообращенцев [9]. И хотя женщины изначально в силу этнической принадлежности знакомы с исламом и всегда считали себя мусульманками, в повествованиях фиксируется процесс «вхождения в ислам» (т. е. если это и не обращение в ислам, то обращение к исламу). Особенно актуально это для девушек. Если для старшего поколения, посещение мечети — это закономерный этап жизненного цикла и непротиворечивая реализация программы этнорелигиозной принадлежности, то для девушек новая практика означает переворот, изменение собственного представления об исламе и о мусульманской религиозности. Значимые отличительные практики девушек — это преодоление запрета на публичное выражение своей религиозности (через, например, ношение платка), автономность в исполнении религиозных обрядов и императивность практического религиозного знания.

Значимые события, которые присутствуют с необходимостью в повествованиях — это изучение текстов пятикратной молитвы, начало практики пятикратной молитвы и повязывание платка (девушки называют это «я закрылась»). В повествованиях женщин старшего поколения акцент делается на первом, девушки более подробно останавливаются на втором. Но и те, и другие представляют эти события как своего рода испытания. Не всегда все получается с первого раза. Повязывание платка, как правило, ведет к конфликтам с родителями, проблемам на месте учебы или работы. Поэтому разрабатываются техники преодоления страха перед выходом в платке в публичные места, привлечения на свою сторону родителей и т. п.

Предпосылки сегодняшней активности прослеживаются в биографической истории с детских воспоминаний, в которых непременно присутствует образ религиозных (пра)родителей, а также мифологизированные сюжеты противостояния репрессиям революционного и советского времени. Девушки 17–22 лет пересказывают истории, циркулирующие в семейном кругу. Они ссылаются на авторитет религиозных людей дореволюционного времени, считая себя, молодежь, их продолжателями, а поколение родителей — «надломившимся».

В повествованиях отсутствует персонаж, который служил бы абсолютным авторитетом в решении многочисленных вопросов, связанных с мусульманской практикой. Среди женщин старшего возраста (прежде всего среди казанских татарок) уважением пользуется муфтий шейх Равиль Гайнутдин. Девушки ссылаются на своих преподавателей, молодых имамов или своих ближайших родственников (дяди, братья). (Для тех, кто посещает мечеть на Поклонной горе, безусловным авторитетом является имам Шамиль Аляутдинов.) Референтная группа включает подруг, точнее, близких подруг — «сестер» (сестер по вере). И если для старших женщин значимыми при выборе авторитета оказывается уровень владения татарским языком, навыки чтения Корана, умение цитировать Коран наизусть, тактичность в использовании своих знаний; то для девушек — образ жизни, ориентация в практическом религиозном знании и т.д.

В риторике женщин прослеживается разделение на «татар вообще» (этнические мусульмане) и на «татар, посещающих мечеть» («соблюдающие», «практикующие мусульмане»). Этническое окружение, воплощенное в образе «родственников» и «татар вообще», — значимая среда, по отношению к которой происходит самопозиционирование в нарративах. Как правило, это дистанцирование или даже критика, непонимание и неприятие.

Один из аргументов, в противовес которому девушки в нарративах конструируют свой позитивный образ, касается восприятия татар как неинтеллектуальных, ограниченных, завистливых, материально ориентированных и зависимых от общественного мнения («А что скажут другие?»). Абсолютной противоположностью образу татарского большинства соблюдающие мусульманки презентуют имидж интеллектуально развитых, с широким кругозором и интересами, выстраивающих отношения с другими людьми на принципах любви, сочувствия и поддержки, одухотворенных и не подчиняющихся общественному мнению. В то же время этническая принадлежность остается значимой и не нивелируется, например, в вопросах выбора супруга — желательно, чтобы он был татарин.

Новый стиль жизни и новая внешность представляется в нарративах как способ презентации иного имиджа ислама и женщины нерусской национальности. Стереотипизированное восприятие двух последних образов имеет в актуальном окружении большого города, с точки зрения девушек, отрицательный знак — «татар и мусульман не любят».

В позиционировании себя как религиозного субъекта важным оказывается самоопределение себя как женщины (матери, дочери) и как татарки. Конфронтируя с существующими стереотипами о женщине-мусульманке и с распространенными среди этнических мусульман образцами религиозности, активные мусульманки конструируют новый привлекательный образ религиозной женщины-татарки, преодолевающей патриархализацию и негативный имидж татар в московском контексте в целом.

Вместо заключения

Попадая в мечеть, женщины оказываются в новой среде публичной презентации и обсуждения «мусульманскости». Следование коммуникативным правилам (не только вербальным, но и телесным) и наличие соответствующей коммуникативной компетентности играют большую роль в презентации себя как мусульманок не только во внесетевых пространствах, но и внутри них. Пересказываемые истории о «вхождении в ислам», о преодолении существующих проблем, о получаемом новом знании помещаются в существующий контекст дискурсов вокруг ислама и особым образом нарративизируют биографический проект. Нарративизация биографии и возрождение традиционных

культурных форм, главными из которых являются этнические и религиозные, характерны для трансформирующихся постсоциалистических обществ.

В нарративном самопонимании себя как мусульманки женщины располагают двумя основными «готовыми формами», которые предлагаются в нарративах (1) этнических мусульман и (2) действующих публично исламских институтов (легальных или нелегальных). В этническом окружении воспроизводятся ценности и образцы конвенционально одобряемой и допускаемой формы религиозной социализации. Новые религиозные авторитеты создают публичные пространства, воспроизводят свой язык и конструируют свой исламский публичный нарратив, который транслируется через проповеди, лекции, прессу, литературу или религиозные занятия.

В фокусе нашего исследования была определенная категория женщин, а именно тех, кто и раньше имел мусульманскую идентичность, базирующуюся на этнокультурной принадлежности («belonging»), а теперь переформулирует свою Я-концепцию на основе самоутверждения как «практикующих мусульманок» («believing»). Процесс перехода от «быть мусульманкой» (being) к «стать мусульманкой» (becoming) так или иначе (вследствие или по причине) связан с участием в образовательных программах обучения основам ислама. Женщины, которые «ходят в мечеть», составляют меньшинство среди этнических мусульман, которые сдержанно относятся к официальным религиозным структурам. Для них характерна негативная стереотипизация служащих и отсутствие ярко выраженного интереса к самоисламизации.

Приходя на занятия в учебные классы мечетей, женщины-татарки переживают очень индивидуальный опыт и по-разному вписывают его в свою биографию. В каждом индивидуальном случае это отдельный проект образования. Позиционирование своего образа мусульманки происходит во временной перспективе биографии и определяется логикой выражения своего отношения к трем нарративам.

1. «Внешний» нарратив об исламе как угрозе терроризма. Можно выделить две основные нарративные стратегии опровержения этого стереотипа — это нормализация исламского активизма через формирование позитивного индивидуального образа; дистанцирование через фундаментализацию индивидуальных практик.

2. «Мечетные» (внутригрупповые) нарративы. Несмотря на индивидуализированность практик, можно проследить наличие коллективных схем аргументации, которые могут различаться не только в разных возрастных группах, но и варьироваться внутри сообществ сверстников. Таким образом, схемы солидарности приобретают сложную форму, которая актуализируется в вопросах конструирования образа мусульман вовне.

3. «Этнические» нарративы. Девушки через самовыделение формируют установку на изменение мусульманской практики татар, старшие женщины — на укрепление авторитета ислама в рамках модели, существовавшей в советский период.

Последовательное отстаивание и настаивание на мусульманской идентификации является частью стратегии демонстрации своего частного права на определение своей идентичности и на возможность ее публичного выражения. Это укрепление индивидуальной позиции в обществе, особенно в московской высококонкурентной среде, требование признания своего права на публичность и на частную жизнь.

Библиографический список

1. *Мусина Р.Н.* Мусульманская идентичность как форма «религиозного национализма» татар в контексте этносоциальных процессов и этнополитической ситуации в Татарстане // *Ислам в Евразии: современные этнические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России* / Под ред. М.В. Иордан и др. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. *Мухамедьяров Ш.Ф., Логашева Б.-Р.* Мусульманская община Москвы // *Ислам в Евразии: современные этнические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России* / Под ред. М.В. Иордан и др. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. *Мухаметшин Р.М.* Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). Казань: Фэн, 2003.
4. *Khalid A.* A Secular Islam: Nation, State and Religion in Uzbekistan // *Journal of Middle East Studies*. 2003. Vol. 35. № 4.
5. *Luckmann Th.* Transformations of Religion and Morality in Modern // *Europe Social compass*. 2003. Vol. 50. № 3.
6. *Ricoeur P.* Figuring the sacred: religion, narrative, and imagination Minneapolis: Fortress, 1995.
7. *Ro'i Y.* Islam in the Soviet Union: from World War II to Perestroika. L.: Hurst, 2000.
8. *Taylor Ch.* Sources of the Self. Cambridge: Cambridge UP, 1989.
9. *Wohlrab-Sahr M.* Konversion zum Islam in Deutschland und den USA. Frankfurt/Main; N. Y.: Campus Verlag, 1999.

УСПЕШНОСТЬ В СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

.....

С. Ю. Флоровский*

Поиск валидных и надежных критериев эффективности руководства — одна из «вечных тем» социальной психологии управления. Несмотря на чрезвычайную популярность этой тематики и обилие публикаций, данная проблемная область по-прежнему остается открытой для дальнейших исследований, что обусловлено реальной сложностью, многоплановостью и динамичностью изучаемого объекта. В этой связи представляется закономерным обращение многих авторов к парциальным показателям эффективности работы управленцев, отражающим успешность руководителей в реализации определенных коммуникативно-деятельностных модулей их профессиональной активности [1; 4; 10; 11; 24; 30].

Подобный подход оказывается продуктивным, поскольку в теоретическом плане он способствует преодолению упрощенных синкретических представлений о психологической сущности управленческого труда, а в практике создает операциональные возможности для более качественного оценивания, прогнозирования и оптимизации деятельности и общения руководителей.

Данная статья представляет собой попытку обосновать включение в интегральную оценку эффективности руководства менеджеров высшего и среднего ранга нового параметра — успешности в совместной управленческой деятельности.

Совместная управленческая деятельность: социально-психологическая характеристика

В настоящее время деятельность руководителей организаций характеризуется значительной частотой и интенсивностью выходящих за пределы подве-

---

* Флоровский Сергей Юрьевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: psychodep@manag.kubsu.ru.

домственных подразделений внешних контактов, необходимостью постоянного взаимодействия с другими управленцами различного ранга [1, с. 93–113; 4, с. 122–141; 13; 27; 28; 31]. Данная тенденция характерна прежде всего для руководителей высшего и среднего звена (или топ-менеджеров и мидл-менеджеров соответственно), составляющих наиболее активную и влиятельную в организации группу — «ядро» совокупного субъекта управления и социально-экономической деятельности.

Это обусловлено высокой специализацией профессиональной деятельности структурных подразделений и функций возглавляющих их руководителей [3, с. 97–106; 4, с. 117–121; 10, с. 66–74; 11, с. 181–187, 231–235; 12, с. 54–59; 25; 30]. Обратной стороной этого является интенсификация процессов межгруппового взаимодействия в организации, поскольку для решения даже локальных задач оказывается необходимым сопряжение деятельности значительного числа структурных подразделений и организационных подсистем [7; 11; 14, с. 88–98; 24; 30]. В сложных реалиях переживаемого нашей страной периода истории процессы внутриорганизационной дифференциации и интеграции приобретают дополнительный (и во многом драматичный!) смысловой оттенок в связи с тем, что многие организации самого разнообразного профиля и формы собственности оказываются перед необходимостью перманентного решения задач выживания и самосохранения в качестве целостных субъектов социально-экономической деятельности. При этом одной из распространенных причин прекращения деятельности фирм и компаний является неспособность наладить должным образом внутриорганизационное сотрудничество между структурными подразделениями, их руководителями и персоналом [5; 7; 17, с. 83–101; 22, с. 99–124; 26, с. 119–133].

Важнейшим средством проектирования, планирования, структурирования, контроля, оптимизации и оперативной коррекции этих процессов и выступают интеракции руководителей. Содержание управленческого взаимодействия (в его горизонтальной, вертикальной и диагональной составляющих) задается объективной необходимостью совместного осуществления руководителями управленческих функций равного или различного ранга: выработки и принятия решений, планирования, распределения ресурсов, разграничения полей деятельности и областей компетенции, анализа ситуаций, обмена информацией, разработки стратегий мотивации и стимулирования сотрудников, регуляции социально-психологического климата и взаимоотношений в организации и т.д. При этом названные интеракционные процессы соответствуют всем основным отличительным признакам совместной деятельности (пространственное и временное сопричастие участников; общность, взаимосвязанность их целей и мотивов; функциональная специализация и обусловленное ею существование некоторой «сетки обязанностей» партнеров; наличие организующе-координирующей инстанции; единый конечный результат (совокупный продукт); воз-

никновение между осуществляющими совместную деятельность индивидами определенных межличностных отношений [8, с. 24–25; 14, с. 19–23]). Поэтому представляется правомерным рассматривать описанные процессы взаимодействия между руководителями как ситуационно-обусловленную форму реализации и центральный психологический процесс *совместной управленческой деятельности* (СоУД).

Как социально-психологическая реальность СоУД представляет собой выполнение несколькими руководителями в процессе непосредственного или опосредованного общения системно связанных управленческих функций, ориентированных на регуляцию межгруппового взаимодействия возглавляемых ими структурных подразделений и/или организационных подсистем [16, с. 40–41].

Предметом СоУД (как и управленческой деятельности вообще) является обеспечение упорядоченности и согласованности в действиях людей, групп и организаций с целью осуществления намеченных социально значимых целей и задач, а её продуктом — выстраивание социальных и межличностных взаимосвязей и взаимоотношений.

Важнейшим условием адекватного понимания социально-психологической природы СоУД выступает учет того факта, что управление представляет собой метадеятельность, т.е. «деятельность второго порядка» [19] и носит в этой связи двойственный характер. Очень точно пишут об этом А.В. Филиппов и Г.А. Ильин, отмечая, что деятельность руководителя есть «и деятельность индивида, конкретной личности, действующей в конкретной обстановке, и в то же время — это персонифицированная совместная деятельность, ибо то, что совершается отдельными исполнителями, объединяется, анализируется и согласуется ни в каком другом месте, как в голове руководителя. Совместная деятельность... в лице руководителя обретает плоть и кровь» [15, с. 12]. При этом индивидуальная деятельность руководителя и организуемая им совместная деятельность подчиненных образуют нерасторжимое функциональное единство, так как последняя, будучи объектом воздействия со стороны руководителя, «является проекцией его собственной деятельности, как бы вынесенной вовне и распределенной между людьми, а каждый акт и момент совместной деятельности является в то же время актом и моментом деятельности руководителя» [15, с. 14].

Таким образом, социально-психологическая сущность СоУД, индивидуальными субъектами которой выступают руководители, может быть определена как «совместная деятельность над совместными деятельностями», а одной из её важнейших характеристик может быть названа *двойственность* в описанном смысле этого слова. Феноменологически протекающая как *межличностное* общение конкретных индивидов в конкретных обстоятельствах, с содержательной точки зрения СоУД является не чем иным, как персонификацией (в

лице группы осуществляющих её руководителей) *межгруппового* взаимодействия возглавляемых этими руководителями структурных подразделений.

СоУД руководителей высшего и среднего статусно-должностных рангов — это интегральный социально-психологический феномен организационной жизнедеятельности, выполняющий роль «связующего звена» между двумя уровнями функционирования и развития организации — межличностным и межгрупповым. СоУД индуцирует возникновение и поддержание постоянных двусторонних связей между названными уровнями организационной активности. Решения, принимаемые руководителями в совместной деятельности, возникающие в процессе межличностного взаимодействия отношения и другие интерперсональные феномены закономерно проецируются на сферу межгруппового взаимодействия и межгрупповых отношений в организации. Содержание и динамика взаимодействия и отношения социально-профессиональных групп в организации в свою очередь становятся предметом СоУД и межличностного общения руководителей ведущих уровней управленческой иерархии [1, с. 78–84; 7; 8, с. 112–119; 11, с. 178–201, 233–251; 12, с. 143–151; 15; 18, с. 102–129; 23; 24, с. 411–428].

Нормообразующая функция СоУД является одной из важнейших: образцы (эталоны, модели) поведения, демонстрируемые руководителями высшего и среднего статусно-должностных рангов при взаимодействии друг с другом, активно «иррадиируют» на более низкие уровни организационной иерархии, воспроизводясь в процессах общения и совместной деятельности менеджеров первичного звена и рядовых сотрудников [11, с. 78–87, 93–113; 12, с. 144–162; 16, с. 65–74; 18; 20; 21; 24, с. 403–427; 30, с. 157–177].

Участие в повседневном деловом взаимодействии с другими членами менеджерского сообщества организации несет для каждого руководителя широкую и разнообразную функциональную нагрузку, интегрируемую *особой ролевой позицией менеджера* — «*партнер по СоУД*». Можно выделить как минимум три аспекта субъектной активности реализующего эту ролевую позицию руководителя: предметный, личностный (интраперсональный) и коммуникативный.

В рамках *предметно-прагматической функции* деловых интеракций в системе связей «руководитель–руководитель» включение во взаимодействие с другими управленцами дает менеджеру возможность решить какую-либо актуальную управленческую задачу, требующую сопряжения деятельности нескольких структурных подразделений и/или организационных подсистем.

На *интраперсональном* уровне приоритетной оказывается проблема актуализации личностных ресурсов руководителей, содействующих успешному деловому взаимодействию, закономерной перестройке (большей или меньшей) системы интеллектуальных, коммуникативных, эмоционально-волевых качеств в связи с освоением и реализацией роли партнера по СоУД. Одним из

центральных при изучении этого аспекта является вопрос о «психологической цене», которую приходится платить за достижение лично и прагматически приемлемых отношений с менеджерским сообществом организации, которое может иметь примитивную или деформированную (криминализованную, корыстную, манипулятивную и т.д.) управленческую культуру [7; 13; 16; 17; 23; 26].

В *коммуникативном* аспекте участие в повседневном деловом взаимодействии представляет собой действующий социально-психологический механизм интеграции отдельного руководителя в систему разноуровневых связей и отношений на ведущих уровнях управленческой иерархии, его включение в специфическую социальную группу — «управленческий коллектив», «управленческую команду», «управленческое сообщество организации» и т. п. Степень и характер включенности руководителя в систему организационно-управленческих связей и отношений, объединяющих менеджеров высшего и среднего ранга, определяет объем возможностей продуктивного решения им проблем взаимодействия возглавляемого подразделения с другими группами в организации [1; 4; 12; 13; 24; 25; 27; 28], успешного профессионального становления, служебного роста [6; 10; 11; 29], сохранения работоспособности и здоровья [27; 30; 31], т. е. интегральную эффективность работы руководителя в долговременном аспекте.

Теоретически принятие и оценка менеджера своими коллегами как «приемлемого–неприемлемого», «желаемого–избегаемого», «хорошего–плохого» и т.д. партнера по деловому взаимодействию и члена управленческой команды оказывается важным компонентом общей эффективности профессиональной деятельности руководителя. Однако возникает вопрос, является ли выделенная переменная — уровень и качество функционально-ролевого принятия–отвержения — самостоятельной результативной характеристикой эффективности управленческой деятельности или она связана с другими параметрами оценки эффективности руководства. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы дать эмпирическое обоснование самостоятельности теоретически выделенной переменной.

Методы исследования. В исследовательской и консультационной практике в качестве параметров оценки эффективности руководства наиболее часто используются две категории: 1) экономические результаты деятельности структурных подразделений (организационных подсистем); 2) экспертные оценки общей эффективности труда руководителей другими членами организации (равными по должностному положению, а также выше- и нижестоящими).

Оценка успешности руководителей в качестве субъектов СоУД проводилась по авторской *методике диагностики эффективности общения в совместной управленческой деятельности* [16, с. 134–140], которая соответствует

всем требованиям, предъявляемым к инструментальным средствам групповой оценки личности [9].

Процедура опроса представляла собой перекрестное оценивание руководителями качества управленческого взаимодействия друг с другом. Каждому респонденту предлагалось оценить взаимодействие со своими коллегами по трем параметрам с помощью соответствующих полярных понятий:

- продуктивность — непродуктивность (ПВ);
- легкость — затрудненность (ЛВ);
- общая эффективность — неэффективность (ЭВ).

Каждый респондент, используя одно из альтернативных суждений, обобщенно описывающих его собственный опыт взаимодействия с оцениваемым руководителем, последовательно характеризует своих партнеров по СоУД. Список оценочных суждений представляет собой результат попарной комбинации полюсов двух составляющих оценки: продуктивности–непродуктивности (содержательная составляющая) легкости–затрудненности (формальная составляющая) взаимодействия с данным лицом. Во избежание возможных искажений в оценках было предусмотрено два способа ухода от ответа: «С этим человеком не связан по работе» и «Затрудняюсь ответить».

При обработке результатов для каждого руководителя подсчитывается общее количество экспертов, выбравших ту или иную категорию оценки. С помощью несложных формул вычисляются персональные индексы продуктивности — непродуктивности, легкости — трудности и общей эффективности — неэффективности взаимодействия.

Данные показатели рассматривались нами в качестве характеристик социально-психологического статуса руководителя в системе интерперсональных связей и отношений в аппарате управления организацией, отражающих уровень функционально-ролевой приемлемости конкретного руководителя в качестве партнера по повседневному деловому взаимодействию со стороны других управленцев.

Экономические результаты деятельности (ЭРД) возглавляемых руководителями структурных подразделений и организационных подсистем выявлялись при помощи *метода анализа документации*. Анализировались показатели деятельности организационных субъединиц за двенадцать месяцев, предшествующих проведению исследования. Используемые в рассматриваемых нами организациях системы комплексной оценки результатов деятельности подразделений позволяли получать сопоставимые показатели работы различных организационных субъединиц, дифференцируемые к тому же по пятибалльной шкале с дробностью до одной десятой условной оценочной единицы. Сопоставимость результатов работы подразделений, реализующих заведомо разнородную с содержательной точки зрения деятельность, достигалась сле-

дующим образом. Для каждой организационной субъединицы выделялись три интегральных показателя результативности деятельности, успешность реализации которых — в соответствии с четкой критериальной шкалой — могла быть оценена значением от 1 до 5 баллов (на практике преобладали оценки «3» и «4»); итоговой являлась средняя оценка.

Экспертное оценивание общей эффективности управленческой деятельности руководителей проводилось по разработанной А.А. Журавлевым *методике экспертной оценки личности руководителя* [1, с. 169–190; 2]. Эксперты по 7-балльной шкале оценивали 25 личностных характеристик руководителей, объединяемых в пять смысловых блоков: организаторские, профессиональные, коммуникативные, педагогические и нравственные качества. Средние оценки по блокам организаторских и профессиональных качеств отражают характер сложившегося в организации мнения о производственной эффективности деятельности ($\text{ЭО}_{\text{пр}}$), а оценки по блокам коммуникативных, педагогических и нравственных качеств — мнение о социально-психологической эффективности ($\text{ЭО}_{\text{сп}}$). При объединении всех показателей получалась оценка интегральной (суммарной) эффективности управленческой деятельности ($\text{ЭО}_{\text{общ}}$) конкретного топ- или мидл-менеджера.

Основную выборку исследования составили 85 руководителей высшего и среднего управленческого ранга двух производственно-коммерческих организаций: они давали перекрестную оценку друг другу. Также в роли экспертов (осуществляющих восходящее оценивание мидл-менеджеров для получения полного спектра оценочных суждений об их деятельности со стороны вышестоящих, равных по статусу и нижестоящих лиц) выступали 193 руководителя первичного звена.

Трёхмерная модель эффективности деятельности руководителя и её эмпирическая валидизация

Трёхмерная модель эффективности деятельности руководителя включает следующие переменные:

- полученные в результате перекрестного взаимооценивания персональные индексы общей эффективности (ЭВ), продуктивности (ПВ) и легкости (ЛВ) взаимодействия;
- полученные по итогам экспертного оценивания персональные индексы производственной ($\text{ЭО}_{\text{пр}}$), социально-психологической ($\text{ЭО}_{\text{сп}}$) и интегральной (суммарной) ($\text{ЭО}_{\text{общ}}$) эффективности управленческой деятельности,
- экономические результаты деятельности возглавляемых руководителями структурных подразделений или организационных подсистем (ЭРД).

Результаты корреляционного анализа взаимосвязей между переменными представлены в табл. 1. Между показателями успешности руководителей как

Таблица 1

Корреляционные связи между показателями успешности руководителей,
r Спирмена (n = 85 чел.)

Показатель	ЭВ	ПВ	ЛВ	ЭО _{ОБЩ}	ЭО _{ПР}	ЭО _{СП}
ПВ	56**	X				
ЛВ	61**	30*	X			
ЭО _{ОБЩ}	14	17	21	X		
ЭО _{ПР}	04	13	07	49**	X	
ЭО _{СП}	21	26*	23*	24*	-08	X
ЭРА	11	19	-06	21	26*	18

Примечание: нули и запятые опущены; звездочками отмечены статистически значимые корреляционные связи, достоверные на уровне $p < 0,05$ (*) и $p < 0,01$ (**).

субъектов СоУД (ЭВ, ПВ, ЛВ) и объективными критериями эффективности их управленческой деятельности (ЭРА) значимых связей обнаружено не было. Таким образом, успешность—неуспешность руководителей в совместной управленческой деятельности варьирует вне какой бы то ни было связи с экономической результативностью возглавляемых менеджерами структурных подразделений и организационных подсистем. Иначе говоря, экономически эффективными или неэффективными с равной вероятностью могут быть руководители как успешные, так и неуспешные в СоУД. Это свидетельствует о содержательной разнородности сопоставляемых критериев оценки эффективности управленческого труда и их автономном функционировании в сознании руководителей. Как следствие, оказываются возможными самые парадоксальные на первый взгляд сочетания. Например, руководитель высокоэффективного подразделения может иметь весьма посредственный «репутационный капитал» в качестве партнера по СоУД и, напротив, неспособный обеспечить сколь либо нормальную работу возглавляемой им структуры менеджер может восприниматься управленческим сообществом организации как «вполне нормальный» партнер по повседневным деловым контактам.

Две положительные связи, значимые на уровне $p < 0,05$, обнаружили между ПВ и ЛВ, с одной стороны, и ЭО_{СП} — с другой. По-видимому, это обусловлено высоким уровнем общей коммуникативной компетентности руководителей, успешность которых в решении социально-психологических проблем внутри возглавляемого подразделения отмечается экспертами. Полученные корреляции могут рассматриваться как функции успешного «переноса» продуктивных коммуникативных умений и навыков, реализуемых в контексте отношений руководства—подчинения в сферу контактов «руководитель—руководитель», связанную с осуществлением СоУД.

Возможно и ещё одно объяснение полученных связей. Благодаря благоприятному социально-психологическому климату в возглавляемом подразделении руководитель располагает широким диапазоном возможностей влиять и на коллектив в целом, и на отдельных сотрудников. Для СоУД этот момент чрезвычайно важен, так как принятые группой руководителей совместные решения реализуются каждым из них не непосредственно в индивидуальном поведении, а опосредованно, через организацию деятельности своих подчиненных. Поэтому влиятельные в своих подразделениях руководители оказываются и более надежными субъектами СоУД, взаимодействие с которыми партнеры закономерно оценивают как относительно легкое и продуктивное.

Что касается связей между объективными (ЭРД) и субъективными, экспертно-оценочными ($\text{ЭО}_{\text{общ}}$, $\text{ЭО}_{\text{пр}}$, $\text{ЭО}_{\text{сп}}$) показателями общей эффективности деятельности руководителей, то три полученных коэффициента корреляции указывают в целом на положительный характер взаимозависимостей между этими системами оценки результатов управленческого труда, однако уровня статистической достоверности ($p < 0,05$) достигает лишь один из них ($\text{ЭРД}/\text{ЭО}_{\text{пр}}$).

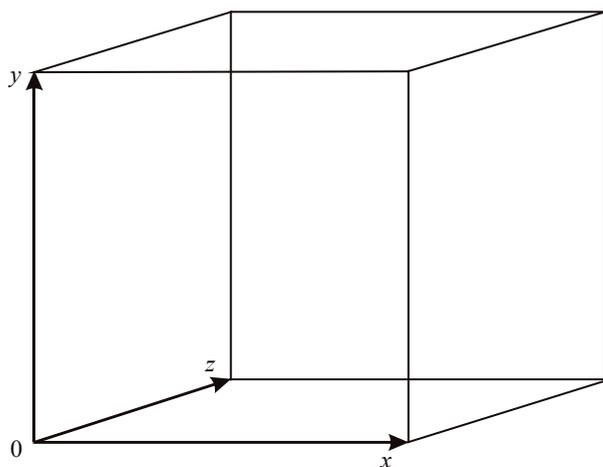
Таким образом, имеются основания утверждать, что рассмотренные дескриптивно-индикаторные системы, характеризующие деятельность руководителя, независимы по отношению друг к другу: каждая из них описывает определенную грань профессиональной деятельности руководителя, связанную с конкретным аспектом управленческого труда, имеющим свои специфические результативные характеристики.

Совместное использование этих оценочных систем позволяет получать содержательно информативные и дифференцированные характеристики каждого управленца:

- 1) как руководителя, структурное подразделение которого реально достигает в своей работе определенных (высоких–низких, стабильных–нестабильных и т.п.) экономических результатов;
- 2) как руководителя, оцениваемого (признаваемого) окружающими людьми в качестве высоко-, средне- или низкоэффективного;
- 3) как партнера по СоУД, осуществляющего свое взаимодействие с другими членами управленческого коллектива на определенном уровне эффективности.

Перечисленные критерии оценки и описательные «измерения» могут быть объединены в трёхмерную модель результативных характеристик управленческой деятельности, изображённую на рисунке.

Уровневые значения оценок деятельности конкретного руководителя в каждой из трёх осей могут значительно варьировать, а связи между разнокоординатными оценками иметь нелинейный характер, отражая индивидуальность управленческого опыта. Если на каждой оси определить область низких, сред-

Условные обозначения:

ось O_x — эффективность деятельности руководителя, определяемая на основании экономических показателей работы возглавляемого им структурного подразделения (организационной подсистемы); ось O_y — эффективность деятельности руководителя по результатам экспертного оценивания; ось O_z — эффективность руководителя как субъекта СоУД

Трёхмерная модель результативных характеристик управленческой деятельности

них и высоких оценок, то каждого конкретного руководителя, в зависимости от сочетания всех трех характеристик его управленческой деятельности, можно отнести к одному из 27 возможных типов ($3 \times 3 \times 3$). Их эмпирическое распределение в обследованной нами выборке представлено в табл. 2:

– руководители, стоящие во главе имеющих высокие производственно-экономические показатели структурных подразделений (организационных подсистем), оцениваемые при этом экспертами как среднеэффективные управленцы и партнеры по СоУД (ВСС);

– руководители, значения «разнокоординатных» результативных характеристик деятельности которых находятся на одинаково среднем уровне (ССС);

– руководители, оцениваемые экспертами как малоуспешные, однако реально являющиеся начальниками среднеэффективных подразделений и, кроме того, обладающие в управленческом коллективе репутацией высокоэффективных партнеров по СоУД (СНВ).

В проведенном нами эмпирическом исследовании не были выявлены 4 из 27 гипотетически выделенных управленческих типов. В их числе: ВВН, ВНН, НВВ, ННН. По-видимому, сколь-либо стабильное существование на ведущих уровнях управленческой иерархии руководителей с подобными сочетаниями результативных характеристик их профессиональной деятельности (контрастными в первых трех случаях и тотально низкими в последнем) маловероятно в условиях реальной организации.

Что же касается соотношения степени успешности в СоУД с другими результативными характеристиками деятельности руководителя, то оно вариативно и неоднозначно.

Таблица 2

Распределение сочетаний оценок профессиональной деятельности руководителей по трем параметрам, абс. знач. / %

Управленческий тип	Количество	Управленческий тип	Количество	Управленческий тип	Количество
ВВВ ⁻	3/3,5	СВВ ⁻	4/4,7	НВВ ^{>}	–
ВВС ^{<}	4/4,7	СВС ⁼	5/5,9	НВС ⁼	3/3,5
ВВН ^{<}	–	СВН ^{<}	2/2,4	НВН ^{<}	1/1,2
ВСВ ⁼	2/2,4	ССВ ^{>}	5/5,9	НСВ ^{>}	5/5,9
ВСС ⁼	7/8,2	ССС ⁼	6/7,1	НСС ⁼	5/5,9
ВСН ^{<}	4/4,7	ССН ^{<}	5/5,9	НСН ⁼	2/2,4
ВНВ ^{>}	2/2,4	СНВ ^{>}	6/7,1	ННВ ^{>}	3/3,5
ВНС ⁼	2/2,4	СНС ⁼	4/4,7	ННС ^{>}	3/3,5
ВНН ^{<}	–	СНН ⁼	2/2,4	ННН ⁼	–

Примечания. 1. Буквы «В», «С» и «Н» обозначают соответственно высокий, средний и низкий уровни результативных характеристик управленческой деятельности.

2. В трехбуквенном коде, описывающем управленческий тип (рассматриваемый с точки зрения итоговых характеристик деятельности руководителя), первая позиция отражает «объективное» состояние экономических показателей работы возглавляемых руководителями структурных подразделений (организационных подсистем); вторая — уровень эффективности управленческого труда, определяемый на основании экспертных оценок; третья — степень функционально-ролевой приемлемости руководителей другими членами управленческого коллектива в качестве партнеров по СоУД (говорят иначе, эффективность руководителей как субъектов СоУД).

3. Стоящие рядом с кодами управленческих типов знаки «=», «>», «<» указывают на характер соотношения успешности руководителей в качестве субъектов СоУД с другими результативными характеристиками их управленческой деятельности. В первом случае показатели эффективности взаимодействия руководителей с другими управленцами соответствуют уровневому значению ЭРД и ЭО, во втором — превосходят, а в третьем — оказываются меньше их.

В 50,5% случаев тип такого соотношения может быть определен как консонантный: индивидуальные показатели успешности руководителя в качестве субъекта СоУД в целом соответствуют уровневому значению других результативных характеристик профессиональной деятельности управленца, находясь с ними «на равных». Примерами подобных сочетаний могут служить: ВВВ, ССС, ВСВ, ВСС, СВС и т.п.

У 30,6% обследованных руководителей уровневые значения степени их функционально-ролевой приемлемости в качестве партнеров по СоУД со стороны

других управленцев попадают в более высокий диапазон, нежели производственно-экономические и экспертно-оценочные показатели их деятельности. Это имеет место в следующих случаях: ССВ, ННВ, ННС, СНВ и др. При таком варианте на первый план выступает компенсаторная функция связанного с участием в СоУД общения руководителей, успешность которого может служить целям маскировки реально невысокого профессионального потенциала управленца.

Практически каждый пятый из числа вошедших в нашу выборку управленцев (18,9%) имеет более низкий уровень эффективности в СоУД по сравнению с другими итоговыми показателями профессиональной активности (например, ВВС, ВВН, ВСН, ССН и т.п.). Возможности таких руководителей реализовать свой относительно высокий деловой потенциал в значительной мере ограничиваются из-за различных нарушений их делового взаимодействия и совместной деятельности с другими членами управленческого коллектива.

Резюмируя все сказанное, можно сделать следующие выводы.

Успешность руководителя в качестве субъекта СоУД, выражающаяся в его более или менее прочной интеграции в систему связей и отношений с другими управленцами организации, представляет собой самостоятельную результативную характеристику управленческой деятельности, являющуюся автономной и независимой от других систем оценки труда руководителя (экономические показатели, экспертные рейтинги).

Успешность—неуспешность в совместной управленческой деятельности является значимым фактором, опосредующим связь между личностными и профессионально-деловыми потенциалами руководителя и действительной реализацией этих потенциалов.

Включение успешности в СоУД в число критериев оценки эффективности менеджерского труда позволяет существенно повысить точность и обоснованность оценки общей профессиональной и коммуникативной компетентности управленцев, прогнозирования их состоятельности в качестве руководителей структурных подразделений и членов управленческого коллектива (команды) организации, а также степени индивидуализации работы в сфере управленческого консультирования и коучинга.

Считаем целесообразным ввести в программы социально-психологического обучения руководителей тематические разделы (целевые модули), ориентированные на совершенствование компетентности менеджеров в качестве субъектов совместной управленческой деятельности.

Библиографический список

1. *Журавлев А.А.* Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2004.

2. Журавлев А.А. Методика экспертной оценки личностных качеств руководителя производственного коллектива // Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие. М.: Ин-т психологии АН СССР, 1990.
3. Занковский А.Н. Организационная психология. М.: Флинта; МПСИ, 2000.
4. Кабаченко Т.С. Психология управления. М.: Пед. об-во России, 2000.
5. Криндач В.П., Соловьева Е.А. Гуманистическая психология, бизнес и проблемы управления. Два мифа о природе человеческих взаимоотношений // Прикладная психология. 1998. № 2.
6. Молл Е.Г. Планирование своей карьеры руководителем // Вопросы психологии. 1998. № 3.
7. Новиков В.В. Современная социальная психология и развитие организаций // Социальная психология — XXI век. Ярославль: Междунар. акад. психол. наук, 1999. Т. 2.
8. Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: МГУ, 1987.
9. Панферов В.Н., Чугунова Э.С. Групповая оценка личности // Методы социальной психологии. Л.: ЛГУ, 1977.
10. Почебут А.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. СПб.: Речь, 2000.
11. Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А.А. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2001.
12. Свенцицкий А.А. Психология управления организациями. СПб.: Речь, 1999.
13. Синягин Ю.В. Психологические закономерности формирования руководителем своего окружения в организации. М.: РАГС, 1996.
14. Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А.А. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
15. Филиппов А.В., Ильин Г.А. Проблемы совместной деятельности в психологии управления // Вопросы психологии. 1984. №6.
16. Флоровский С.Ю. Совместная управленческая деятельность и общение руководителей: Личностные факторы и механизмы регуляции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Ярославль: Междунар. акад. психол. наук, 2000.
17. Хэнди Ч. По ту сторону уверенности: О новом мире внутри и вокруг организаций. СПб.: Питер, 2002.
18. Шейн Э. Организационная культура и лидерство: Построение. Эволюция. Совершенствование. СПб.: Питер, 2002.
19. Щедровицкий Г.П., Надежина Р.Г. О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей // Вопросы психологии. 1973. №5.
20. Deal T.E., Kennedy A.A. Corporate Cultures: The Rights and Rituals of Corporate Life. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1982.
21. Hatch M.J. The Dynamics of Organizational Cultures as Complex Wholes // Academy of Management Review. 1993. October.
22. Hoge E.C., Anderson A.D. The Spirit of Manufacturing Excellence. An Executive's Guide to the New Mind Set. N.Y.: The Dow Jones-Irwin, 1988.

23. *Kets de Vries M.F.R., Miller D.* Personality, Culture, and Organization // Academy of Management Review. 1986. Vol. 11.
24. *Leavitt H. J., Bahrani H.* Managerial Psychology: Managing Behavior in Organizations. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1988.
25. *Likert R.* The Human Organization. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1967.
26. Managerial and Organizational Cognition / Ed. by C. Eden. N.Y.: Free Press, 1998.
27. *McCall M.W.* Leadership Research: Choosing Gods and Devils on the Run // Journal of Occupational Psychology. 1976. Vol. 49.
28. *Mintzberg H.* The Nature of Managerial Work. N.Y.: Harper & Row, 1973.
29. *Schein E.H.* Career Anchors. San Diego, Calif.: University Associates, 1990.
30. *Weick K.* The Social Psychology of Organizing. Reading Addison-Wesley, 1979.
31. *Yukl G.A.* Leadership in Organizations. 3rd ed. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1994.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

.....

И. Г. Юркова*

Термин «самореализация» (self-realization) нами используется как синоним реализации своих возможностей (self-fulfillment) и самоактуализации (self-actualization), хотя некоторые авторы предпочитают различать эти понятия. Феномен самореализации изучался психологами в разных аспектах: как полная реализация подлинных возможностей (К. Хорни), как стремление человека к наиболее полному выявлению и развитию своих возможностей и способностей (К. Роджерс), как активная внутренняя тенденция развития себя, истинное самовыражение (Ф. Перлз), как стремление человека стать тем, чем он может стать (А. Маслоу).

Чаще всего проблему самореализации взрослого человека рассматривают в контексте профессиональной деятельности. Так, например, С. Адлер утверждает, что трудовая деятельность — идеальный полигон для проверки моделей личности [17, р. 24]. У разных авторов, анализирующих взрослые периоды жизни человека, нередко в качестве главного критерия перехода от одной стадии к другой выступает готовность реинтерпретировать смыслы своей жизни и профессиональной деятельности и перестраивать свою систему ценностей.

Среди зависящих от самого субъекта факторов успешности профессиональной самореализации принято выделять наличие профессионально важных знаний, умений и навыков, а также таких личностных характеристик, как коммуникабельность, организаторские способности, инициативность, ответственность и т.д. Именно знания, навыки, интеллект и поведенческие черты (наблюдаемые или декларируемые) чаще всего являются предметом интереса исследователей при изучении личностных факторов профессиональной самореализации. На наш взгляд, этих характеристик недостаточно, чтобы прогнозировать успеш-

---

* Юркова Ирина Геннадьевна — преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Электронная почта: shelig@rambler.ru.

ность профессиональной самореализации личности в конкретной профессии, и тем более в конкретной организации. Собственно личностные факторы, определяющие трудовое поведение человека на конкретном рабочем месте (его картина мира, ценности, убеждения), часто остаются вне поля зрения. Без учета субъективных представлений личности и их динамики трудно понять, как формируется субъект труда и какую роль играет профессия в жизни человека, в развитии его личности.

Один из аспектов профессиональной самореализации связан с известными социально-психологическими феноменами группового давления, конформизма, групповых норм и ценностей. Работник обычно вынужден приспосабливаться не только к доминирующим в рабочей группе или профессиональном сообществе нормам поведения, но и к принятым там социальным представлениям даже тогда, когда они противоречат его собственным. От того, согласуются ли его субъективные представления с теми, что доминируют в рабочем окружении, во многом зависят его психологическое принятие группой, статус, карьерный рост и, следовательно, возможности для успешной профессиональной самореализации. Это еще один аргумент в пользу актуальности изучения субъективных представлений личности в контексте профессиональной самореализации личности. Под субъективными представлениями личности мы понимаем широкий спектр элементов индивидуальной картины мира, которые пока трудно поддаются надежному операциональному различению: мнения, убеждения, ценностные ориентации, социальные установки, касающиеся природы человека, причин его активности, трудовых отношений, отношений власти-подчинения, баланса интересов личности и организации и т.п.

Ряд авторов указывали на различия индивидуально-психологических характеристик людей с высоким и низким уровнем самореализации или самоактуализации. Многие из таких различий обусловлены спецификой субъективной картины мира или проявляют себя именно как особенности мировоззрения. Так, А. Маслоу дает следующие характеристики самоактуализирующихся людей: более эффективное восприятие реальности; принятие себя и других; спонтанность, простота, естественность; центрированность на задаче; потребность в уединении; независимость от культуры и среды; чувства сопричастности, единения с другими; более глубокие межличностные отношения; демократическая структура характера; различение средств и целей добра и зла; самоактуализирующееся творчество. «Все они без исключения вовлечены в какое-то дело, оно является чем-то очень ценным для них, своего рода призванием. Все они тем или иным образом посвящают свою жизнь поиску подлинных, предельных ценностей бытия-истины, красоты, добра, совершенства. В основе данного феномена лежит потребность роста, развития и самосовершенствования» [10, с. 153–172].

На основе анализа философской, психологической и педагогической литературы по проблеме самореализации Н.В. Борисова трактует функцию самореали-

зации личности как универсальную личностную способности к выявлению, раскрытию и опредмечиванию своих сущностных сил [2, с. 2]. Она выделяет четыре уровня развития функции самореализации личности (низкий, средний, высокий, высший) и дает им следующие характеристики.

Низкий уровень развития функции самореализации личности характеризуется слабыми предметными знаниями и умениями, отсутствием стремления к выявлению и раскрытию своих возможностей, безразличным отношением к себе; склонностью действовать только под чьим-либо руководством.

На среднем уровне мотивы выявления и раскрытия способностей носят ситуативный характер и зависят от положительной (отрицательной) оценки возможностей и реализовать ярко выраженные личностные качества без волевых усилий.

Высокий уровень характеризуется осознанным стремлением к выявлению и раскрытию своих возможностей; самостоятельностью в действиях и поступках; способностью ставить перед собой цели и волевым усилием добиваться их достижения; сознательно проявлять способность к рефлексии.

Высший уровень характеризуется проявлением воли и настойчивости в достижении поставленных целей и задач; устойчивым стремлением к раскрытию возможностей; активностью, реализацией своих способностей в нестандартных ситуациях; способностью адекватно рефлексировать себя и других, достигая уровня саморегуляции; свободой и самостоятельностью в выборе деятельности для реализации своих возможностей. Результаты личностных изменений в деятельности отличаются оригинальностью и неповторимостью [2, с. 2].

Р.А. Зобов и В.Н. Келасьев выделяют две группы факторов, влияющих на самореализацию: 1) зависящие от человека (ценностные ориентиры, готовность к самостроительству, гибкость мышления, воля и др.); 2) не зависящие от человека (социальная ситуация, уровень жизни, материальная обеспеченность, влияние на человека средств массовой информации, состояние экологической среды) [4, с. 244]. Для нас интерес представляет первая группа факторов, а именно ценностные ориентиры, которые мы относим к системе субъективных представлений.

Многие авторы связывают самореализацию (самоактуализацию) личности с трудовой деятельностью, с работой. Например, по А. Маслоу, самоактуализация проявляет себя «через увлеченность значимой работой». К. Ясперс связывал самореализацию с делом, которое делает человек. И.С. Кон говорит, что самореализация проявляется через труд и общение [14, с. 78–79].

Самореализация личности в труде может осуществляться по разным направлениям, и одним из них может быть построение успешной карьеры. Профессиональная самореализация в широком смысле — это поиск себя в профессии, собственной профессиональной роли, образа Я, профессионального имиджа, индивидуального стиля профессиональной деятельности, определение

для себя профессиональных перспектив, достижение их, установление новых профессиональных целей, стремление к гармоничному раскрытию и утверждению своего природного творческого потенциала. По мнению Н.В. Самоукиной, профессиональная самореализация может быть описана в виде длительного процесса развития отношений человека к своей профессии и к самому себе как субъекту профессиональной деятельности или профессионалу [15, с. 51–52]. Н.В. Самоукина указывает: «На всех этапах развития человека как профессионала он действует в условиях двух групп факторов: объективных и субъективных. Объективные факторы — это требования, нормы и ограничения, выдвигаемые со стороны профессии к его труду и наличию у него определённых свойств и особенностей (профессиональных знаний, умений, навыков, профессионально значимых качеств). Субъективные факторы — это имеющиеся у данного работника задатки и способности, индивидуально-психологические свойства и особенности, его мотивация и уровень притязаний, а также самооценка. Теоретически необходимо, чтобы система объективных профессиональных требований находилась в соответствии, взаимной сообразности с субъективными особенностями и возможностями человека-профессионала» [15, с. 44].

Соглашаясь в целом с таким разделением, подчеркнем, что в числе объективных факторов заслуживают внимания исследователей также социальные представления¹, доминирующие в данной профессиональной среде или даже в конкретной организации. К субъективным факторам, которые необходимо рассматривать в числе индивидуально-психологических особенностей, мы относим и систему субъективных представлений личности, включая в это понятие не только трудовые диспозиции и ценности, но и более широкие представления субъекта о человеке и мире. В реальной жизни проявляются различные варианты взаимодействия социальных представлений группы и субъективных представлений личности, например, представлений о природе человека, времени и ценностях. Так, часто в ходе профессионализации человек как бы подстраивается к представлениям, доминирующим в профессиональном сообществе, изменяет, преобразует и развивает свой образ мира, свою систему представлений. Возможен и другой вариант, когда человек сначала никак не вписывается в принятую систему социальных/групповых представлений и долго не воспринимается профессиональным сообществом как «свой». Однако через какое-то время он, демонстрируя результаты своего труда, создает новые профессиональные эталоны, становится признанным и зачастую трансформирует систему групповых представлений.

О психологических феноменах, близких к понятию «субъективные представления личности», в контексте профессиональной самореализации писал Э.Ф. Зеер. По его мнению, в качестве важнейшей характеристики личности профессионала выступает направленность личности. Ученый выделяет следующие

¹ Этот термин можно использовать не только в связи с большими социальными группами.

ее компоненты: «мотивы (намерения, интересы, склонности, идеалы), ценностные ориентации (смысл труда, заработную плату, благосостояние, карьеру, социальное положение и др.), профессиональную позицию (отношение к профессии, установки, ожидания и готовность к профессиональному развитию), социально-профессиональный статус» [3, с. 52–53]. При этом «на разных этапах становления эти компоненты имеют различное психологическое содержание, обусловленное характером ведущей деятельности и уровнем профессионального развития личности» [3, с. 53].

Е.А. Климов отмечал, что важнейшей составляющей и важнейшим регулятором трудовой деятельности является «образ мира» профессионалов, который у представителей разных профессий складывается по-разному и по-разному влияет на их мироощущение [6, с. 15].

Профессиональную самореализацию можно понимать и как процесс перехода потенциальных характеристик человека в актуальные в ходе профессиональной деятельности. К таким характеристикам, на наш взгляд, помимо профессионально важных качеств, направленности и т.д., необходимо отнести субъективные представления личности. Эти представления динамичны. Действия, поступки стремящегося к самоактуализации человека сопровождаются осмыслением полученных результатов и их последствий. Анализ, осознание, которое само по себе нередко является актом самореализации, приводят к корректировке представлений личности о себе, представлений о мире, т. е. к изменениям в системе субъективных представлений.

Ранее нами отмечалось, что термин «субъективные представления» можно использовать по аналогии с термином «социальные представления», который применяется в более широком контексте для описания психологической специфики больших групп [16, с. 114–115]. Это направление в социальной психологии разрабатывает С. Московичи с коллегами, и оно имеет очевидные параллели с проблематикой, разрабатываемой в психологии личности и других областях гуманитарного знания, где все чаще используется понятие «образ (картина) мира». Отметим, что имеющиеся в литературе различия в трактовках похожих по содержанию терминов — картина мира, модель мира, когнитивная схема и т. п. — больше связаны с терминологической традицией, сложившейся в той или иной научной дисциплине (в психологии и в разных ее школах, в истории, семиотике, лингвистике), чем с содержательными различиями понятий. Эти теоретические понятия пока недостаточно операционализированы. Большинство из предложенных методов и эмпирических индикаторов позволяют судить лишь о фрагментах индивидуального образа мира, но пока не дают целостного видения постулируемого феномена, хотя сам термин к этому обязывает. Это одна из причин, почему понятие «субъективные представления», затрагивающее отдельные аспекты индивидуальной картины мира, кажется нам предпочтительным.

В.В. Петухов определял образ мира как представление реальности, необходимое человеку для полноценной сознательной жизни, осмысленного решения возникающих перед ним проблем [13, с. 28]. На наш взгляд, из данного утверждения следует, что образ мира личности — важный фактор успешной самореализации.

Картина мира, по мнению С.Н. Ениколопова, представляет собой систему образов (представлений о мире и о месте человека в нем), ценностные ориентации людей и принципы различных сфер деятельности. Она определяет своеобразие восприятия и интерпретации любых событий и явлений. Субъектом картины мира может быть как отдельный человек, так и разнообразные социальные общности (этнические, религиозные, профессиональные) [13, с. 35–36]. В своей жизнедеятельности человек, как и социум, одновременно пользуется и научной, и «наивной» картиной мира. Если научная картина мира представляет собой свод утвердившихся в науке знаний о человеке, природе и обществе, то предметом «наивной» картины мира является подвижная система связанных между собой образов и представлений о мире и человеке, различных субкультур и стран, определяющая поведение. Как правило, картина мира существует в сознании в неоформленном и неотрефлексированном виде. Многие неявные черты картины мира выявляются в экстремальных состояниях, в ситуациях экзистенциального выбора или в психопатологии.

Д.А. Поспелов отмечает, что под моделью мира следует понимать всю сумму знаний об окружающей субъекта среде, организованную так, чтобы субъект мог бы использовать эти знания в процессе своей жизнедеятельности в среде. Аспект моделирования мира возникает, лишь преломившись через отношение субъекта к миру, через его деятельность (неважно ментальную или реальную) в этом мире. Автор отмечает важную роль в структуре картины мира таких категорий, как время, пространство, обоснование, оправдание, судьба. Базовые категории в структуре модели мира могут быть спроецированы на систему обобщенных шкал, задающих отношения строгого или нестрогого порядка, частичного порядка, толерантности и доминирования [13, с. 69–70].

Субъективные представления личности, опосредуя ее восприятие и осознание мира, приобретают самостоятельный онтологический статус, поскольку влияют на реальный выбор поступков, на все поведение в целом. С этим, конечно, связана индивидуальная система ценностей и аттитюдов, которые также надо рассматривать в связи с данным понятием.

Основаниями (категориями) построения «своего», индивидуального образа мира выступают личностные ценности, которые определяют главные и относительно постоянные отношения человека к другим людям и к самому себе [1, с. 174]. Д.А. Леонтьев признает ценности реально действующими имманентными регуляторами деятельности индивидов, оказывающими влияние на поведение вне зависимости от их отражения в сознании. Автор не отрицает, разуме-

ется, существования сознательных убеждений или представлений субъекта о ценном для него, что адекватно выражается понятием ценностных ориентаций. Расхождение между декларируемыми ценностными ориентациями сознания и реально побуждающими деятельность человека ценностями могут объясняться рядом факторов. Во-первых, в силу недостаточно устоявшейся и структурированной системы личностных ценностей или недостаточно развитой рефлексии человек может плохо отдавать отчет в реальной роли и значимости тех или иных ценностей в его жизни. Во-вторых, значимость тех или иных ценностей может субъективно преувеличиваться или преуменьшаться благодаря действию механизмов стабилизации самооценки и психологической защиты. В-третьих, источником расхождений может выступать то, что в сознании любого человека присутствуют ценностные представления самого разного рода. Наряду с ценностными ориентациями, более или менее адекватно отражающими собственные личностные ценности субъекта, в его сознании отражаются ценности других людей, ценности разных больших и малых социальных групп, а также ценностные стереотипы и ценностные идеалы, отражающие ценность для человека самих ценностей в отвлечении от образа своего Я. Разнородные ценностные представления в индивидуальном сознании смешиваются, что затрудняет адекватную рефлексию собственных ценностей [8, с. 15–25].

Продолжаются дискуссии о соотношении понятий ценностных ориентаций и социальных установок. Например, И.Н. Истомин рассматривает ценностные ориентации как определенную категорию установок. По его мнению, при одновременном наличии потребности и соответствующей среды для ее удовлетворения, у индивида формируется определенная установка на конкретный предмет или явление, существенно определяющая его дальнейшее поведение. Ценностные ориентации, являясь элементом мотивационной структуры личности, состоят из комплекса различных социальных установок. На основе ценностных ориентаций, в зависимости от конкретной ситуации, осуществляется выбор тех или иных актуальных социальных установок в качестве целей и мотивов деятельности. «Состояние нужды в тех или иных предметах предстает как результат сопоставления всех ценностных критериев выбора поведения с наличной ситуацией» [5, с. 252]. Общим результатом функционирования актуальной установки является то, что под ее воздействием в сознании и поведении личности формируется определенная позиция по отношению к действительности. В русле наших рассуждений мы бы сказали, что формируется система субъективных представлений личности, определяющая отношения и поведение человека в определенном спектре ситуаций, сфере жизни и, в частности, обуславливает вероятность успешной профессиональной самореализации в определенном профессиональном сообществе или конкретном трудовом коллективе.

Субъективные представления продуктивно рассматривать как минимум на двух уровнях. Первый — это так называемые базовые представления (термин

Э. Шейна), основные допущения об устройстве мира, которые в большинстве случаев слабо осознаны, поскольку у человека обычно редко возникает необходимость подвергать их рефлексии. Именно поэтому они достаточно устойчивы, сравнительно медленно изменяются. Очевидно, об их динамике можно говорить, имея в виду достаточно долгие периоды профессионального становления и профессиональной самореализации, а не короткие периоды работы субъекта в той или иной организации. К ним, в частности, можно отнести представления о природе человека. Второй уровень — ценностные ориентации и установки личности, которые легче изменяются в процессе взаимоотношений и трудовой деятельности. В контексте профессиональной самореализации личности, в том ее аспекте, где рассматривается адаптация к социальным/групповым представлениям и активная трансляция субъектом своих позиций в профессиональную среду, особый интерес вызывают представления о природе человека, причинах его активности, свободы, изменчивости, а также общие ориентации (на труд, деньги, свободу, процесс, результат и т.п.).

Если одним из показателей успешности профессиональной самореализации является достигнутый должностной статус, карьерный рост, тогда можно сравнить субъективные представления и некоторые личностные диспозиции у работников разных должностных категорий. Если указанные психологические характеристики будут различаться в сравниваемых группах, это станет аргументом в пользу того, что субъективные представления являются важным фактором профессиональной самореализации.

Исследование проводилось в одном из крупных торговых комплексов г. Краснодара. В данной организации изменение должностного статуса от продавца-консультанта до менеджера среднего звена до последнего времени было довольно типичным, однако далеко не для всех продавцов. Предполагается, что к ключевым факторам продвижения относятся некоторые особенности личностных диспозиций и субъективных представлений, которые могут в большей или меньшей степени соответствовать требованиям организационной среды, представлениям руководства фирмы. Поэтому нами сравнивались группы менеджеров среднего звена и рядовые сотрудники (продавцы). Изучались возможные различия в уровне самоактуализации, в представлениях о природе человека и трудовых установках. Для диагностики уровня самоактуализации использовался тест-опросник «САМОАА», разработанный Н.Ф. Калиной (версия самоактуализационного теста Э. Шострем с основными шкалами «ориентация во времени» и «ценности») [11]. Представления о природе человека диагностировались по методике «Природа человека», разработанной А.А. Лузаковым [9] (применялся предоставленный разработчиком модифицированный вариант методики, включающий 17 шкал). Также использовались методики О.Ф. Потемкиной [12], диагностирующие некоторые социально-психологические установки личности (на труд, власть, свободу, процесс, результат и пр.). В исследовании приняли участие

33 менеджера среднего звена в возрасте от 26 до 35 лет и 135 продавцов-консультантов в возрасте от 18 до 23 лет. Известно, что должностной статус, как правило, коррелирует с возрастом, поэтому мы не ставили задачу изолировать эти переменные и изучать их отдельно друг от друга. Полученные в обеих группах данные сравнивались по средним показателям и подвергались корреляционному анализу.

При анализе уровня самоактуализации были получены достоверные различия ($p < 0,01$) между менеджерами и рядовыми сотрудниками по шкалам «ориентация во времени» и «ценности» (методика «САМОАЛ»). Менеджеры оказались больше склонны жить настоящим (не пытаются найти убежище в прошлом), больше разделяют ценности самоактуализирующейся личности, такие, как истина, добро, целостность, совершенство, справедливость, порядок, простота, самодостаточность, т. е. стремятся к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми. Рядовые сотрудники менее ориентированы на настоящее, более погружены в прошлые переживания, более мнительны и менее уверены в себе, в меньшей степени разделяют ценности самоактуализирующейся личности и более склонны к манипулированию людьми в своих интересах.

При анализе достоверных различий ($p < 0,01$) в представлениях о природе человека было обнаружено следующее. Менеджерам свойственно в целом более оптимистическое отношение к людям. Так, они считают, что типичному представителю рода человеческого больше присущ альтруизм, чем эгоизм, что человек чаще бывает агрессивен по обстоятельствам, а не потому, что агрессия заложена в его природе. По их мнению, мировоззрение и характер людей можно существенно изменить с помощью целенаправленных ненасильственных воздействий (обучения, воспитания, пропаганды, психотерапии); человек является скорее «продуктом» норм культуры, а не инстинктов и, принимая решения, чаще руководствуется рациональными рассуждениями. Представления рядовых сотрудников несколько иные. Они склонны думать, что агрессивность больше заложена в самой человеческой природе, чем зависит от обстоятельств; человек является в основном «продуктом» биологических инстинктов, ему больше присущ эгоизм, а его решения чаще основаны на чувствах или вере, т. е. иррациональны. Эти респонденты склонны считать, что мировоззрение и характер взрослого человека более устойчивы к воздействиям извне (возможно, имеет место недооценка реальной силы социализирующих влияний).

При сравнении трудовых установок также были получены статистически значимые различия. Менеджеры больше ориентированы на труд (стараются почти все свое время использовать для того, чтобы что-то сделать, труд приносит им удовольствие). У данной группы респондентов преобладает установка на власть, на получение должностных полномочий, при этом они меньше ориентированы на свободу. Продавцы-консультанты больше ориентированы на ценность свободы и по сравнению с менеджерами в меньшей степени ориентированы на труд и

власть. Странный на первый взгляд факт большей ценности свободы для рядовых сотрудников можно объяснить с двух позиций. Наиболее актуальной часто становится та ценность, которую хочешь, но не можешь реализовать на данном этапе жизни. Однако организационная реальность в бизнесе такова, что повышение должностного статуса и получение определенных властных полномочий более вероятно для того работника, который привык ограничивать свое стремление к свободе и подчиняться требованиям организации. Второе объяснение представляется нам более вероятным.

Таким образом, субъекты с более высоким должностным статусом продемонстрировали в целом более высокий уровень личностной самоактуализации, что свидетельствует о необходимости одновременного рассмотрения этих двух показателей профессиональной самореализации. Обнаружены отличия в системе базовых представлений, в частности, представлений о природе человека, а также в социально-психологических установках.

Различия субъективных представлений можно рассматривать не только по содержанию (средние оценки по шкалам), но и по структуре (корреляции разных шкал между собой). Это, в частности, позволяет судить о степени согласованности или, наоборот, мозаичности, противоречивости представлений, а также обнаружить специфику смыслового содержания некоторых конструктов в каждой группе респондентов.

В группе менеджеров выявлены следующие значимые корреляционные связи ($p < 0,05$). Ориентация на настоящее (шкала «ориентации во времени») связана со стремлением использовать все свое время для того, чтобы что-то сделать, чтобы трудиться. Ориентация на труд в свою очередь коррелирует с большей нацеленностью на процесс, а не на результат. Ценности самоактуализирующейся личности (целостность, совершенство, справедливость, самодостаточность) в сознании этой группы респондентов связаны с представлениями о позитивном индивидуализме в природе человека и о том, что, принимая решения, человек чаще руководствуется рациональными рассуждениям и знаниями. Конструкт «человек агрессивен больше по обстоятельствам» связан с конструктом «характер человека определяется воспитанием (влиянием среды)». Последнее утверждение коррелирует с утверждением, что мировоззрение и характер взрослого человека можно изменить с помощью обучения, воспитания, пропаганды, психотерапии. Конструкты «человеку больше присуще трудолюбие» и «поведение личности определяется ее сознанием» связаны с конструктом «человек склонен сам управлять собой» (самостоятельно принимать решения, определять способы действия и брать на себя ответственность). Отмеченные корреляционные связи позволяют говорить о достаточно целостной и непротиворечивой системе субъективных представлений.

В группе продавцов-консультантов обнаружены несколько иные корреляции признаков, описывающих представления, многие из которых можно назвать

ожидаемыми на уровне здравого смысла. Конструкты «поведение человека больше определяется бессознательными импульсами», и «человек, принимая решения, чаще руководствуется чувствами и верой, т.е. иррациональными побуждениями» сочетаются с конструктом «человеку больше присуща любовь к праздности и лень». Представление о том, что агрессивность заложена в самой природе человека, связано с утверждением, что поведение человека определяется бессознательными импульсами. Утверждение, что человеку больше присуща лень и праздность, сочетается с утверждением, что человек обычно склонен к тому, чтобы им управляли, чтобы кто-то за него принимал решения, определяя способы действия, брал на себя ответственность. Ориентация на эгоизм сочетается с ориентацией на деньги, с низкой ориентацией на труд, а также с утверждением, что среднему человеку больше присуща лень и праздность, чем трудолюбие. Отмеченные социально-нормативные, стереотипные «склейки» признаков здесь соседствуют с такими, которые заставляют задуматься о специфике понимания этой группой таких, например, конструктов, как свобода, духовное самосовершенствование, ориентация на жизнь в настоящем. Так, утверждение «человек склонен к духовному самосовершенствованию» связано у них с низкой ориентацией на ценности самоактуализирующейся личности (добро, истина, целостность, справедливость, совершенство, самодостаточность). Ценность свободы связана с ориентацией на достижение результата, а не на процесс самой деятельности (обычно свобода трактуется помимо прочего как возможность заниматься тем, что интересно само по себе, а не ради достижения какой-то цели, результата). Стремление человека жить настоящим связано здесь с такими ценностными ориентациями, как «эгоизм» и «деньги».

Таким образом, в группах менеджеров и продавцов-консультантов были обнаружены статистически значимые различия в уровне самоактуализации, субъективных представлениях о природе человека и трудовых установках. Различия проявились как в содержательных, так и в структурных аспектах. Это свидетельствует, о том, что система субъективных представлений личности должна более интенсивно изучаться как один из факторов профессиональной самореализации, в частности, факторов профессионального продвижения работника в организации.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. *Борисова Н.В.* Развитие функции самореализации личности // http://borytko.nm.ru/papers/subject5_1/borisova.htm.
3. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий. Екатеринбург: УГППУ, 1997.
4. *Зобов Р.А., Келасьева В.Н.* Самореализация человека: введение в человековедение. СПб.: СПбГУ, 2001.

5. *Истомин И.Н.* Ценностные ориентации в системе регуляции поведения // Психологические механизмы регулирования социального поведения. М.: Наука, 1979.
6. *Климов Е.А.* Образ мира в разнотипных профессиях. М.: МГУ, 1995.
7. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т.2.
8. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. №4.
9. *Лузаков А.А.* Обыденные представления о природе человека и научные теории личности // Ежегодник Российского психологического общества. Психология и практика. Ярославль: ЯрГУ, 1998. Т. 4. Вып. 5.
10. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
11. *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.
12. Методы психодиагностики / Отв. ред. В.Н. Дружинин, Т.В. Галкина. М.: б.и., 1993. Вып. 1.
13. Модели мира. М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1997.
14. *Пряжников Н.С.* Психологический смысл труда. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997.
15. *Самоукина Н.В.* Психология и педагогика профессиональной деятельности. М.: Экмос, 1999.
16. *Юркова И.Г.* Субъективные представления личности как элемент организационной культуры компании // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 2.
17. *Adler S.* Personality and work behavior: exploring the linkages // Applied Psychology: An International Review. 1996. Vol. 45. № 3.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ PROVINCIALЬНОГО ГИМНАЗИСТА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

.....

А.В. Бушмаков*

Начатая реформами 1860–1870-х гг. модернизация социально-экономического уклада Российской империи запустила процессы социальной трансформации. Их усилил промышленный переворот последних десятилетий XIX в., и уже к началу XX в. все основные социальные институты претерпели существенные трансформации. Дисциплинирующие образовательные институты, являясь составной частью общественной системы, не могли избежать влияний общественного транзита [6, с. 143–145]. Консервация ролевых предписаний, выражавшаяся даже во внешних проявлениях (мундиры учителей и учеников, рутинность и иерархичность взаимоотношений), способствовала усилению внутриинституционального напряжения.

В данной работе на основе архивных материалов и литературных источников реконструируются некоторые формы, в которых это напряжение проявлялось в повседневной жизни учащихся средних учебных заведений г. Перми. Наиболее рельефно внутренние коллизии, испытываемые в годы транзита системой образования царской России, прослеживаются в классической гимназии — учебном заведении, предназначенном для воспроизводства бюрократической элиты. Организация гимназии представляла собой слепок с казенного бюрократического учреждения, ее учащиеся должны были не столько получить определенные знания, сколько усвоить определенные моральные установки и особый стиль поведения, характерный для чиновника, дисциплинированного и послушного воле начальства, верного слуги «Бога, Царя и Отечества».

В рассматриваемый период гимназия как социальный институт внешне продолжает выполнять свою функцию, однако все более явными становятся признаки того, что призванная транслировать заданные сверху ценности односторонняя иерархическая коммуникация не достигает поставленной цели. Особенно

---

* Бушмаков Андрей Валентинович — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета. Электронная почта: culture@pstu.ru.

ярко неспособность гимназий и других средних учебных заведений решать поставленные перед ними задачи проявилась в ходе событий осени 1905 г.: во многих провинциальных городах наиболее заметными и радикально настроенными участниками революционных выступлений оказались именно школьники старших классов [8, с. 110–116].

Попытаемся детально рассмотреть причины подобного явления. Вопреки распространенным представлениям о строго сословном характере системы образования в царской России, в начале XX в. средние учебные заведения г. Перми, включая классическую гимназию, не были элитарными учебными заведениями, не доступными для большинства горожан. Наоборот, значительную часть учащихся составляли дети учителей, врачей, служащих, мелких торговцев, ремесленников и даже крестьян. Из 43 выпускников Пермской гимназии 1908 г. только трое детей принадлежали к дворянскому сословию [3, с. 182–183].

Нравы пермских гимназистов, не говоря об учащихся других средних учебных заведений, не всегда соответствовали устоявшимся представлениям о «благородном» обществе или рафинированной интеллигенции дореволюционного времени. Дети мещан и купцов, чиновников и сельских обывателей воспроизводили существовавшие в то время в провинции стили поведения.

Скандал, вызванный газетными публикациями о пермском обществе «огарков», привлек внимание к моральному облику учащихся пермских гимназий и широкой публики, и официальных властей. Пьянство и «разврат» были признаны в официальных докладах охраны явлениями нередкими в жизни учащейся молодежи Перми. Причиной был назван низкий культурный уровень учащихся, обусловленный их социальным происхождением: «...контингент учащихся представляют дети крестьян, мещан, купцов и мелких ремесленников, близко соприкасающихся с развращенным заводским населением <...> естественным следствием является, что формы развлечения у молодежи грубы и вращаются около пьянства и половых потребностей» [2. Ф. 160. Оп. 1. Д. 113. Л. 60б.].

Несмотря на сгущение красок, подобные явления были распространены в среде пермской молодежи начала XX столетия. Не следует забывать, что возраст гимназистов выпускного класса колебался между 16 и 23 годами, а пьянство в провинциальной жизни того времени было явлением обычным, характерным для всех сословий городского общества, включая и представителей местной элиты. Например, судя по сохранившимся свидетельствам, часть гимназистов употребляла спиртное и курила. Юный пермяк, поступивший в гимназию в Петербурге, сообщал в письме другу о своих новых товарищах: «...насчет выпивки и курения нашим не уступят» [2. Ф. 128. Оп. 1. Д. 24. Л. 4].

Попробуем набросать портрет провинциального школьника начала XX в. Как правило, это был сын небогатых родителей, приехавший в Пермь учиться из уездного города или заводского поселка и проживающий у родственников, на частной квартире или в общежитии при учебном заведении. Во многом он напоми-

нал современного школьника старших классов или студента: круг его интересов далеко не ограничивался только учебной и подготовкой к поступлению в высшее учебное заведение.

Учащуюся молодежь интересовали литература, театр и музыка. Ученики Пермской мужской Александровской гимназии, равно как и других учебных заведений, издавали рукописные художественные журналы, принимали участие в музыкально-литературных вечерах. В 1908–1910 гг. гимназисты выпускали «Периодический сборник литературных произведений» объемом от 40 до 80 страниц, печатавшийся в типографии губернского правления по разрешению пермского губернатора.

Важным элементом новой городской культуры, появившимся в начале XX столетия, стал спорт: среди школьников Перми были распространены французская борьба, тяжелая атлетика, коньки, велосипед и лыжи. Катание на коньках было не только любимым развлечением, но и средством общения.

Индустрия массовых развлечений в начале XX в. включала как традиционные ярмарочные балаганы, цирк, театр (в провинции театр следует рассматривать скорее как элемент массовой культуры, в лучшем случае о нем можно говорить как о проводнике «высокой» культуры в массы), так и новые виды, характерные для индустриальной эпохи: кинематограф, спортивные состязания.

Типичный гимназист, семинарист или учащийся реального училища, выросший в сельской местности или почти не отличавшемся от нее по типу культуры уездном городке с населением в 5–10 тыс., должен был вести городскую жизнь: рано утром — на занятия, потом уроки, оставшееся свободное время — театр, кино, библиотека и другие развлечения, спорт и т.д. Так продолжалось в течение всего учебного года. В целом повседневная жизнь гимназиста начала XX в. не отличалась от жизни современных нам школьников или студентов.

В летний период большинство школьников покидали город, одни отправлялись на каникулы к родителям, другие проводили лето на даче. Так или иначе, они возвращались к сельской жизни с ее традиционным укладом и культурными практиками. В начале XX в. город считался местом нездоровым, и в общественном сознании твердо укоренилась мысль о том, что для восстановления здоровья и нервов школьникам необходимо общение с природой, которое и для родителей, и для самих учеников имело большую ценность.

Школьники начала XX в. заметно отличались от типичных гимназистов века девятнадцатого, мальчиков из дворянских семей, известных нам по мемуарам М.А. Осоргина или С.П. Дягилева. И тот и другой, хотя и учились в Пермской классической гимназии уже в пореформенное время сформировались как личности под влиянием дворянской, традиционно-патриархальной семьи. У большинства гимназистов и реалистов нового столетия семьи были мещанскими, да и находились они зачастую далеко от губернского города, где учились дети.

В опубликованной в «Вехах» статье А.С. Изгоева «Об интеллигентной молодежи» говорится, что русская интеллигенция бессильна создать свою семейную традицию, она не в состоянии построить свою семью. Родители-интеллигенты не имеют влияния на своих детей. Заботятся ли они о «развитии» своих детей или нет, предоставляя их прислуге и школе, знакомят ли они детей со своим мировоззрением или скрывают его, обращаются ли с детьми начальственно или «по-товарищески», прибегают ли к авторитету и окрику или изводят детишек длинными, нудными научными объяснениями, — результат получается один и тот же. Еще хуже, по мнению этого автора, справлялась с задачей воспитания школа: «Утверждение, что средняя школа не имеет влияния на выработку мирозерцания, пожалуй, не совсем верно. Такое влияние существует, но чисто отрицательное. Если уже в родной семье русский интеллигентный ребенок воспитывается „от противного“, отвращается и от поступков и от идей своих родителей, то в школе такой метод воспитания становится преобладающим... В школе ребенок себя чувствует, как во вражеском лагере, где против него строят ковы, подсиживают его и готовят ему гибель. В представлении ребенка школа — это большое зло, но, к несчастью, неизбежное. Его нужно претерпеть с возможно меньшим для себя ущербом: надо получить наилучшие отметки, но отдать школе возможно меньше труда и глубоко спрятать от нее свою душу» [5, с. 190–191].

Где же формировалась личность нового человека образованного класса в условиях царской России? По мнению А.С. Изгоева, таким источником становится школьное товарищество, та среда, в которой ученик средней школы проводит большую часть своего времени: «И все-таки свое воспитание интеллигентный русский юноша получает в средней школе, не у педагогов, конечно, а в своей новой товарищеской среде... Оно дает юноше известные традиции, прочные, определенные взгляды, приучает его к общественности, заставляет считаться с мнениями и волей других, упражняет его собственную волю. Товарищество дает юноше, выходящему из семьи и официальной школы нигилистом, исключительно отрицателем, известные положительные умственные интересы. Начинаясь с боевого союза для борьбы с учителями, обманывания их, для школьнических бесчинств, товарищество продолжается не только в виде союза для попок, посещения публичных домов и рассказывания неприличных анекдотов, но и в виде союза для совместного чтения, кружков саморазвития, а впоследствии и кружков совместной политической деятельности. В конце концов, это товарищество — единственное культурное влияние, которому подвергаются наши дети. Не будь его, количество детей, погрязающих в пьянстве, в разврате, нравственно и умственно отупелых было бы гораздо больше, чем теперь» [5, с. 191–192].

О том же пишет в своих воспоминаниях Михаил Осоргин: «Если бы не здоровая и естественная ненависть к учителям и всей преподаваемой ими чепухе и если бы мы не толковали для себя многого наоборот, — мы все выросли бы идиотами или большими негодяями» [7, с. 149].

Замечательным источником сведений о неформальной жизни пермских школьников начала XX в. служат журналы, издававшиеся самими учащимися средних учебных заведений города. Несмотря на то что большинство из них были рукописными, выходили короткое время и передавались из рук в руки среди небольших групп, эти журналы дают некоторое представление об интересах, повседневных занятиях и идеалах учащихся.

Из всех хранящихся в областном архиве журналов учащихся наиболее информативен журнал «Наши думы», вышедший в 1908 году и, как заявлялось в обращении его редакции, призванный «освещать ученическую жизнь, указывать, что в ней... доброго и что худого», поднимать «самые животрепещущие вопросы школьной жизни» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 3об.–4].

В отличие от других подобных изданий, в журнале практически нет чисто художественных материалов: все статьи и заметки посвящены проблемам, казавшимся наиболее актуальным его редакции из трех человек: гимназиста, семинариста и гимназистки. Несмотря на то что ни в одном из четырех номеров «Наших дум» не встречается открытой революционной пропаганды, авторы достаточно ясно обозначают свою либеральную позицию, демонстрируя характерные для российской интеллигенции стереотипы и установки поведения [4, с. 93–96].

Сразу отметим, что отношение к школе как таковой у всех авторов журнала резко негативное. Их недовольство школьным начальством, строгостью дисциплины, суровыми требованиями преподавателей, их презрительно-высокомерным отношением к учащимся, равно как и другие подобного рода претензии, характерные для любых школьников вне зависимости от места и времени, в данном случае перекликаются с требованиями либерально и революционно настроенной общественности, воспринимавшей существующую систему образования как анахронизм, требующий кардинальной реформации. Критикуя школьную систему, редакция отмечает, что большинство учителей, по сути, являются чиновниками, озабоченными размером своего жалования и продвижением по службе больше, чем «воспитанием души» и «обогащением ума» своих учеников [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 6].

Мнение о чиновниках характеризует оценка ревизора духовной семинарии Савицкого, данная в заметке «Ревизор»: «обычный чиновник, навряд ли что-либо выдающий далее 20-го числа и поверстных» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 12–13].

Пример такого педагога, отличавшегося к тому же грубостью и формальным отношением к преподаванию, приведен в статье «Наши педагоги. Химера». Преподаватель В.А. Фаминский, по прозвищу «Химера», пользовался настолько большой непопулярностью среди учеников, ругавших его за глаза «трехэтажной бранью», что во время волнений в семинарии в 1905 г. был публично освистан. Вот как описывает автор статьи это значимое для него событие: «Семинаристы наполняют коридор, по которому движется фигура Химеры, а в воздухе ви-

сит страшный свист 200–300 семинаристов». После окончания забастовки Фаминский активно принимал участие в изгнании из семинарии «крамольного элемента», в результате чего «наиболее сознательный элемент среди семинаристов был вынужден покинуть семинарию», которая «подпала под самодержавное владычество хулиганов-семинаристов, поддерживаемых начальством» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 29–33об.].

Как же должен был выглядеть настоящий учитель в представлении школьников начала XX в.? В третьем номере журнала опубликована статья об умершем учителе женской гимназии С.И. Банеле, охарактеризованном не просто как прекрасный педагог, но и как «сеятель разумного, доброго, вечного», человек «с бескорыстными и благородными взглядами», всегда готовый выслушать любые просьбы учащихся, отстаивавший их интересы перед начальством, [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 25–26]. С.И. Банель олицетворяет идеал учителя в представлениях авторов журнала: это не просто хороший педагог и знаток своего предмета, но просветитель, друг детей, относящийся к своей работе не как к профессии, дающей средства на жизнь, а как к священному долгу, ради которого необходимо жертвовать и личными интересами.

Характеризуя основную массу учащихся средних учебных заведений города Перми, авторы статей в «Наших думах» отмечают, что их основная масса «еще не вошла во вкус самообразования и нуждается в разработке самых общих вопросов». Издание журнала должно было помочь «товарищам из среднего круга». Важную роль автор редакционной статьи, печатающийся под псевдонимом Ярослав, отводит кружкам самообразования.

По его классификации всех учащихся можно разделить на три типа. Первый — «сознательные товарищи», со сложившимся мировоззрением. Второй тип — те, кто живет под девизом «Пиво и Воля», став жертвой окружающей брутальной действительности и «ненормальностей в учебной и воспитательной части» «теперешней школы». Третий тип — промежуточный, часть его представителей в 1905–1906 гг. активно интересовалась политическими и общественными вопросами, участвовала в создании касс взаимопомощи, библиотек и пр. и даже «примыкала к определенной группе людей, преследующих политические цели» и «активно уже участвовала в работе в известном направлении». Ныне же, т. е. 1908 г., они «погрузились в апатию» и потеряли интерес к общественной деятельности. Таких товарищей Ярослав призывает активно заняться работой в кружках самообразования, помогать новичкам, тем, кто недоволен школой, ищет новых знаний вне ее стен, но тратят время на изучение «бестолковых, пустых, совершенно не нужных авторов» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 11–13].

Большое количество материалов журнал посвящает активно обсуждавшемуся в печати того времени половому вопросу и якобы существовавшему в Перми тайному обществу «огарков». «Наши думы» с негодованием отрицают существование в Перми общества «огарков». В статье «Правда об „огарках“» приводят

ся обстоятельства возникновения воззвания о создании лиги свободной любви, так напугавшего общественность и родителей, ставшие известными редакции «из достоверных источников»:

«Выбывшему из семинарии воспитаннику N пришла блестящая идея воспользоваться теперешним общественным настроением и перевести его на звонкую монету... Для этой цели он пишет воззвание и распространяет в средних учебных заведениях. В нем он адреса точного не сказал, а просил желающих записаться в эту фракцию, пославши членские взносы по почте на предъявителя в Пермском почтамте известной квитанции. Ну, конечно, нашлись простодушные юноши, пославшие членские взносы; но два каких-то дельных парня вместо взносов послали письма, полные выражений самой горькой правды по адресу инициатора.

Итак, цель этим господином была достигнута. Он получил деньги и вскоре все их пропил, хвастаясь тем, что в Англии общественным мнением двигают миллионы, а у нас можно простым выпуском воззвания к „огаркам“. Пославшие же членские взносы (их немного — 3 человека) стали себя именовать „огарками“, дожидаясь первого собрания и совсем не подозревая, что сделались жертвой ловкого афериста» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 21–22].

Само воззвание и степень его влияния на учащуюся молодежь еще ранее сознательные авторы журнала оценили как не имеющие сколько-нибудь значительного эффекта. Написанное «завсегдатаями пивных, которым понадобилась частная квартира для периодических попок и громкий ярлык, прикрывающий их умственную и нравственную убогость», оно, по их мнению, никак не могло увлечь молодежь, и, следовательно «папашам и мамашам нечего бояться этой заразы» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 19].

В то же время в ряде материалов, посвященных быту учащихся, отмечаются такие явления, как разочарованность в жизни, пьянство, распущенность. В художественных зарисовках «с натуры» показаны гимназисты, проводящие ночи за карточной игрой, пьянствующие и посещающие проститутку [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 3–4, 14–15об., 48–49].

Подобное поведение, очевидно, было характерно для той части учащихся, которая воспринимала «развратную пьяную жизнь» как нечто вполне нормальное, свидетельствующее об их статусе взрослого и самостоятельного человека. Однако идейные и сознательные авторы «Наших дум», ощущающие свою ответственность за учащуюся молодежь в целом, озабочены тем, что и представители третьего типа школьников (по приведенной классификации), кто ранее был не чужд общественной работы в кружках, кассах взаимопомощи, даже принимал участие в революционных событиях 1905 г., т. е. вполне «развитые» товарищи, стали засасываться «липкой черной грязью» и тонуть.

Пример такого гимназиста подробно описан в рассказе «Сережа», помещенном в разделе «Очерки действительности». Его герой — гимназист VI класса, сын мелкого чиновника из «уездного городишка», живущий на квартире тетки — «капризной бабы, надоедающей ему третий год своим придирчивым характером и скрипучим голосом». Сережа должен помогать ей колоть дрова, чистить скотный двор и выполнять другую домашнюю работу, в промежутках между которой он занимается самообразованием — читает «Политическую экономию», книжки по социологии и биологии — все то, чего ему не дают в гимназии. Карманные деньги он зарабатывает уроками, сам же учится хорошо, выполняя условия договора с отцом. Сережа одинок в Перми, кроме тетки у него есть только школьные товарищи, с которыми он не слишком дружен. На масленичные дни, когда одноклассники собираются весело отдыхать — кататься на тройке, гулять с барышнями, посещать вечеринки, герой рассказа особенно остро чувствует свое одиночество. Политэкономия не лезет ему в голову, и Сережа решает отправиться в центр города, где на ярко освещенном проспекте гуляет праздничная, веселая толпа. Однако и здесь он одинок и никому не нужен, даже школьные товарищи, заметив Сережу, удивляются и не спешат вовлечь его в свою компанию. Юноша чувствует, как все заняты собой и как все чужды ему, его охватывает страх перед толпой, и он устремляется прочь с людного проспекта, в ближайшем проулке натывается на ресторан, перед которым он «как-то неожиданно останавливается». Выпив графин водки, купленный на последние деньги, Сережа пьянеет и оказывается выброшенным на улицу, городской забирает его в участок.

Таким образом, отрицая обвинения в моральном падении, звучащие со страниц газет и журналов, успокаивая родителей словами, о том, что учащаяся молодежь совсем не так глупа и беспринципна, как говорят в городе, издатели «Наших дум» в известной степени сами разделяют представление о небывалой распущенности школьной молодежи.

Архивные документы зафиксировали неоднократные случаи грубых нарушений гимназистами общественных норм, являющиеся, по сути, обычным хулиганством, повлекшим исключение из гимназии. Только в декабре 1910 г. местная полиция разбирала произошедшие на улицах Перми два инцидента с участием учащихся гимназии.

В первом случае гимназист 4-го класса Пермской мужской гимназии 15-летний Давид Кан подговорил учащегося 5-го класса той же гимназии 15-летнего Бориса Кутузова, 16-летнего Максима Русских и 14-летнего Александра Расцветаева напасть на 17-летнего Леонида Прокопчика. Причиной нападения послужила ревность. Вооружившись парой пневматических пистолетов «Монтекристо», ножом и поленом, гимназисты подкараулили Прокопчика, когда он, провожая знакомую барышню, возвращался с катка вместе со своим приятелем 18-летним Николаем Нориным. Напав на Прокопчика и Норина, гимназисты избили их,

отобрали принадлежащие барышне коньки, а Прокопчику вдобавок разрезали ножом пальто [2. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1063. Л. 3–9].

Второй инцидент произошел с двумя гимназистами, 17-летним Владимиром Циглером и 18-летним Григорием Колоколовым, которые были задержаны полицией в первом часу ночи в связи с их буйством. Согласно показаниям квартального, гимназисты в пьяном виде приставали к прохожим, а затем, будучи вооруженными ножом и накулачником (кастетом), напали на него самого. Караульному удалось отбиться при помощи палки и вызвать на помощь полицейского. Нож в снегу не нашли, а накулачник был приобщен к делу. Гимназисты утверждали в своих показаниях, что к прохожим они не приставали, а защищали честь барышни, которую провожали домой из кино [2. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1063. Л. 13–26]. Интересно, что и Циглер, и Колоколов, ранее уже отмеченный гимназическим начальством за дурное поведение, по происхождению были потомственными дворянами.

Важным моментом является видимое несоответствие возросших материальных и культурных запросов многих учащихся их скромному материальному положению. Чтобы вписаться в новую культурную среду, нужны были не только интеллектуальные и моральные усилия; для посещения театров, кино, покупки книг и журналов, спортивного инвентаря требовались были материальные средства, в которых основная масса учащихся была весьма ограничена.

Отсюда, видимо, во многом идут корни политизации учащейся молодежи, ее увлечения радикальными идеями и симпатии к представителям революционного движения, что подтверждается как документами охранки и Пермского губернского жандармского управления, так и другими источниками.

Об увлечении учащихся пермских гимназий радикальными идеями и симпатии их к представителям революционного движения свидетельствуют документы охранки, Пермского губернского жандармского управления и другие источники. Судя по имеющимся свидетельствам, в сознании юных гимназистов революционеры были окружены своего рода романтическим ореолом. Причем такое отношение было слабо связано с их социальным происхождением и материальным положением родителей. Например, вполне благополучный Евгений Насонов из состоятельной купеческой семьи в кругу друзей и подруг приписывал себе участие в нашумевшем в Перми в 1904 г. убийстве офицера и «прятался» от полиции [2. Ф.128. Оп.1. Д.24. Л.10].

Учащиеся средних учебных заведений Перми активно участвовали в общественно-политической борьбе 1905 г. 14 мая 1905 г. на улицах Перми произошли беспорядки, связанные с попыткой провести собрание для учреждения неразрешенного властями Пермского отделения Всероссийского союза учителей, активную роль в которых сыграли учащиеся средних учебных заведений города. Осенью обстановка в стране продолжала накаляться; в октябре 1905 г. в большинстве средних учебных заведений Перми прошли забастовки и волнения уча-

щихся, приведшие к нарушению нормальной жизни школ и к остановке учебного процесса.

Забастовки отличались организованностью. Бастующие требовали проведения демократических реформ системы образования, улучшения материального положения учащихся, отмены надзора над их частной жизнью, ее регламентации. Так, учащиеся реального училища предъявили администрации петицию из 23 пунктов, начиная от объединения реальных училищ и гимназий в одну единую среднюю школу и свободного доступа реалистов в университет и заканчивая свободой ученических сходок, выделением комнаты для курения и увеличением ватерклозета. Под петицией подписались 168 учеников старших классов училища (с IV по VII), объявивших себя «примкнувшими к общему освободительному движению» [2. Ф. 185. Оп. 1. Д. 243. Л. 74–76].

Активнейшее участие школьников в бурных событиях 1905 г., их радикализм, готовность идти на нарушения закона всерьез обеспокоили как местную, так и центральную власть. Свободы, полученные от властей в результате революции 1905 г., затронули и сферу среднего образования. Одним из важных моментов стало образование родительских комитетов, разрешенных циркуляром от 25 ноября. К этому времени увлеченность гимназистов старших классов политикой уже привела к нарушению учебного процесса, поэтому одной из основных забот только что образованного родительского комитета в Пермской гимназии стало «возобновление дисциплины среди учащихся, расшатанной вообще в период общественного возбуждения после манифеста 17 октября 1905 года» [3, с. 104].

В циркуляре Самарского губернского жандармского управления, полученном в мае 1907 г. начальником Пермского охранного отделения в связи с поступившими агентурными данными о создании всероссийского «Союза учащихся социалистов-революционеров» с центром в Москве, говорилось, что Департамент полиции предлагает не затягивать наблюдения за существующими ученическими организациями средних учебных заведений «ввиду того, что пропаганда в этой среде всегда имеет успех и заражает на долгие годы», а немедленно приступить к их ликвидации [2. Ф.160. Оп.3. Д.103. Л.1-6].

Документы канцелярии губернатора и охраны, хранящиеся в областном архиве, показывают, что некоторые гимназисты не просто увлекались радикальными идеями, но и всерьез принимали участие в деятельности нелегальных обществ. Благо в Перми уже существовала некоторая традиция: еще в 1860-е гг. в духовной семинарии существовал революционный кружок, имевший даже подпольную типографию. В большинстве случаев участие в революционных организациях было характерно для молодых людей уже далеко не детского возраста, и, очевидно, такая деятельность происходила в скрытых формах. Тем не менее имелись случаи, когда гимназисты — члены революционных организаций вели пропаганду в стенах гимназии, организовывали там акции против начальства.

Примером может служить конфликт между учениками 6-х классов Пермской мужской классической гимназии и преподавателем русского языка и словесности А.А. Навашиним в декабре 1908 г. 13 декабря ученик гимназии, сын статского советника Лев Королев передал Навашину письмо, в котором от имени учеников 6-х классов были изложены претензии к нему как педагогу и ему рекомендовалось оставить службу в гимназии. Навашин отказался принять письмо, в результате чего оно оказалось у директора гимназии, поспешившего известить о нем полицию.

В письме говорилось, что за время преподавания Навашина «не только не приобрели новых знаний, но стали забывать пройденное», что он «изводит учеников своей мелочной придирчивостью, не интересуясь их духовным развитием», не может заинтересовать предметом и внушить к себе уважение. Педагогу предлагалось «уступить место другому человеку, который бы действительно мог бы дать знания». Ровно через месяц на уроке Навашина в 6-м классе все ученики молча встали, поклонились и вышли из аудитории.

Организатор акции Лев Королев в период революции 1905 г. успел принять участие в нападении на Азовский банк в Харькове, но по малолетству был освобожден от уголовной ответственности. В Перми Королев, по сведениям жандармского управления, примкнул к анархистам-коммунистам. В гимназии им была организована «Активная группа для борьбы с начальством». Деятельность Льва Королева и его группы «волновала окружающую его молодежь» [2. Ф. 65. Оп. 5. Д. 218. Л. 1–4].

В конце января 1909 г. в коридорах гимназии были разбросаны листки с гектографически размноженным текстом обращения «активной группы» под девизом «Цель оправдывает средства». В обращении говорилось: «Положение, создавшееся благодаря последним циркулярам министерства и приказам нашего ближайшего начальства, заставило нас организовать активную борьбу с ним. Последние события в стенах гимназии доказали необходимость тесного единения. Организация масс как таковых, на основании опыта прошлого 1907/08 учебного года („Союз учащихся“) является невозможной. Приходится обратиться к другим средствам — таковым является „Группа активной борьбы с репрессиями начальств“. Организованная по программе анархических, группа настоящим объявляет начало своей деятельности: непримиримую борьбу с формализмом, ставит девизом своим школу избавление ее от вредных элементов. Террор — за террор; насилие за насилие» [2. Ф. 65. Оп. 5. Д. 218. Л. 1–2].

Многочисленные случаи участия школьников в терактах в период революции 1905 г. говорят о том, что слова листовки не были пустой угрозой. В Пермской губернии по делу Александра Лбова, совершившего вместе со своими боевиками ряд на шумевших экспроприаций, проходили в числе прочих и учащиеся гимназий, обвинявшиеся в оказании помощи знаменитому террористу. Характерный для подросткового возраста бунт против авторитета взрослых в годы револю-

ционного брожения получил прекрасную возможность реализоваться в форме радикальной политической активности.

Дело гимназиста Льва Королева, которым непосредственно занимался губернатор, закончилось тем, что учитель Навашин был заменен другим преподавателем, а на квартире Королева жандармы провели обыск. Несмотря на то что тайники, обнаруженные в его комнате, оказались пустыми, он был арестован и заключен под стражу [2. Ф. 65. Оп. 5. Д. 218. Л. 3–4].

Обеспокоенные ситуацией с учащимися города, жандармы в феврале 1909 г. проверили и духовную семинарию, где в 1907 г. были «довольно сильные волнения». Однако, как сообщалось в рапорте начальника охранного отделения ротмистра Сизых, «в настоящее время в Пермской духовной семинарии среди педагогического и административного персонала лиц, которые бы проводили среди семинаристов убеждения, идущие против существующего строя, не имеется... лица, возбуждавшие... волнение уже исключены, и несколько из неблагонадежных преподавателей уволены» [2. Ф. 160. Оп. 1. Д. 385. Л. 12–13].

Последняя группа активных семинаристов во главе с Ламзиным и Марченко, примкнувшая к «Уральскому боевому союзу», по мнению ротмистра Сизых, «почти совсем уничтожена ликвидациями весны и лета 1908 года». Примечательна оговорка, сделанная им сразу после этого заявления: «Сочувствующие задачам группы находятся еще среди учащихся в семинарии, но ничем активным с самого начала года себя не зарекомендовали, вплоть до взрыва петарды около кабинета ректора».

В революционном движении участвовали и девушки-гимназистки. Вот характерная цитата из письма юной революционерки: «Гимназию мне вряд ли придется кончить, почему кассацию подавать нет смысла, приговор войдет в силу еще далеко до конца учебного года... Скорей бы кончился пролог к моей жизни и началась бы сама жизнь. Мать едет с Анютой в ссылку, я в половине мая сажусь в тюрьму, а потом спустя полгода начнется жизнь; скорей бы только матери со мной не было. Она хорошая у меня, но все же меня шибко она связывает. Тяжело видеть ее постоянные тревоги» [2. Ф. 160. Оп. 2. Д. 124. Л. 15–15об.].

Больше всего претензий у пермской охранки и жандармов имелось к частной женской гимназии Барбатенко, ученицы и выпускницы которой проходили почти по всем делам о преступных сообществах, возникших в течение 1907 г. в Перми. Они же в этот период являлись главными руководителями Пермской военной организации Российской социал-демократической рабочей партии — при ликвидации типографии Пермского комитета РСДРП были задержаны на собрании, руководимом одним из представителей комитета, 11 гимназисток гимназии Барбатенко. В полицейской переписке констатировалась и «крайняя нравственная распущенность» учениц этой гимназии [2. Ф. 160. Оп. 3. Д. 239. Л. 13–13об.].

Можно вполне определенно говорить о разрушении системы традиционных ценностей и норм у значительного количества школьников, несмотря на все старания официальных властей, инспекторов и педагогов. Характерным примером является заметка «Как я сделался атеистом» с подзаголовком «Рассказ семинариста», опубликованная в упоминавшемся рукописном ученическом журнале «Наши думы». Ее автор рассказывает о своей эволюции — от наивного набожного ученика духовного училища до семинариста, прочитавшего брошюры «Христианство и социализм» и «Моисей или Дарвин» и осознавшего, что «современная религия — это шарлатанство, которым пользуется духовенство, мороча темный люд» [2. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 491. Л. 52об.–53об.].

Следует отметить и особую специфику рассматриваемой исторической эпохи — времени коренного перелома во всех сферах жизни российского общества. Период взросления со всеми сопутствующими ему личными кризисами совпал у школьников начала XX в. со временем глобального общественного кризиса, эпохой отторжения традиционных норм и ценностей. Бунт против взрослых (учителей и родителей) органично переходил в бунт против общественных устоев в участие в подпольной революционной деятельности. Сошлемся на мнение исследовательницы революционного террора в России Анны Гейфман: «При изучении причин участия несовершеннолетних в экстремистской деятельности нужно принимать во внимание и естественное для этого возраста стремление определить себя как личность, непохожую на других, со своими собственными ценностями и мировоззрением. Этот процесс обычно включает в себя принятие чужой системы ценностей. В 1905 г. атмосфера хаоса и нестабильности как в политике, так и в других областях человеческой жизни благоприятствовала бунтарству подростков: традиционные ценности подвергались переоценке и их легко можно было заменить радикальными идеями, распространенными среди взрослых. Стремление подростков найти себе место в быстро меняющемся мире путем участия в революции усиливалось путем прославления в левой прессе наиболее крайних форм борьбы, таких как террор и экспроприации. Романтизированный образ героического борца за свободу, представляемый в этих газетах, особенно нравился молодежи» [1, с. 243].

Можно только добавить, что атмосфера нестабильности была характерна для России не только в 1905 г., но и в течение последующих лет: шел процесс разложения традиционного общества со всеми его институтами — патриархальной семьей, сословиями, церковью и др. Старые нормы и ценности еще формально существовали, но уже воспринимались как анахронизм, новые были расплывчаты и не закреплены, а зачастую и просто отторгались.

Заметную роль в становлении личности большинства пермских гимназистов и учащихся других средних учебных заведений играла и окружавшая их достаточно брутальная среда, где пьяная драка, ругань и поножовщина были заурядными явлениями. Повседневная жизнь провинциального города, ценности и

нормы поведения, принятые окружающими — родителями, родственниками, соседями — все это зачастую формировало личности гимназистов далеко не такими возвышенными и высококультурными представителями интеллектуальной элиты, как это часто принято судить о воспитанниках царских гимназий.

В заключение отметим, что система образования как социальный институт, являющийся составной частью большой общественной системы, не могла не отразить в себе переживаемый этой системой кризис. В начале XX в. царские гимназии формально продолжают выполнять свои функции. Однако при более близком знакомстве с повседневностью провинциальных школьников этого времени становится очевидным несоблюдение предписанных соответствий между структурными элементами и выполнением функций. Транслирующая официально одобренные (но явно устаревшие) ценности односторонняя иерархическая коммуникация не достигает цели, ее место занимают внутренние формально горизонтальные коммуникации. Часть гимназистов, усвоившая от своих более продвинутых одноклассников и старших товарищей интеллигентские ценности и стереотипы поведения, оказывается вовлеченной в революционное движение, другая часть попадает под влияние улицы, воспроизводя стили поведения, характерные для мещанско-обывательской среды провинциального города.

Библиографический список

1. *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. М.: Крон-пресс, 1998.
2. Государственный архив Пермской области (ГАПО).
3. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение г. Перми. Пермь: Электротипограф. В.А. Чердынцева, 1908.
4. *Змеев М.В.* Жизненный мир русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. Пермь: Перм. гос. тех. ун-т, 2006.
5. *Изгоев А.С.* Об интеллигентной молодежи // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Репринт. изд. 1909 г. М.: Новости (АПН), 1990.
6. *Лейбович О.А., Шушкова Н.В.* На семи ветрах: институт высшего образования в постсоветскую эпоху. Новые явления в российском высшем образовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1.
7. *Осоргин М.А.* Мемуарная проза. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1992.
8. Хроника событий и общественной жизни Перми и Пермской губ. за 1905 г. // Адрес-Календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 год. Пермь: Типо-Литография Губернского правления, 1907.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА УЧИТЕЛЯ В СТАЛИНСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1945–1953 ГГ.

.....

А.В. Чашухин*

В оценках советского государства периода позднего сталинизма (1945–1953 гг.) принято отмечать иррациональность презентации официальной идеологии. Можно говорить о сложившейся традиции рассмотрения сталинской идеологии и культуры в таких категориях как миф и моностилизм [5; 6]. Важное место в сталинской пропаганде занимали образы профессий, транслируемых посредством художественных приемов. Понимание профессии как призвания и составной части аскезы было характерно не только для формирующегося буржуазного этоса [3], но и для советской идеологии периода «развитого сталинизма». Можно по-разному трактовать это сходство: как синкретизм, свойственный мифологическому мышлению [8, с. 164–168], или как следствие гибридности институтов и символов советской действительности [1]. Лётчик и военный, свинарка и пастух, шахтёр и сталевар, наконец, учитель (точнее, учительница) как герои художественных фильмов и литературных произведений стали выполнять функцию конструирования профессиональных образов. Соответствующие канонам соцреализма, эти образы, тем не менее, имели определенные отличия, связанные с профессией. Рассмотрим конструирование профессионального образа школьного учителя эпохи «развитого сталинизма».

Сталинская картина мира, представленная в пропагандистских образах имела ряд характеристик. Эту картину отличала иерархичность, проявлявшаяся как в способах презентации господствующего мировоззрения, так и в иерархии образов, транслируемых через официальные каналы информации [2]. Вертикаль сталинского мифа подчинялась одному критерию: степени приближенности к власти. Красная площадь и Спасская башня стояли выше Большого театра в иерархии образов, политический вес размещенных материалов в газетах четко соответствовал номеру полосы [5, с. 194–216; 7]. Иерархичность картины мира официальной

---

* Чашухин Александр Валерьевич — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета. Электронная почта: culture@pstu.ru

идеологии дополнялась неподвижностью. Если революционная утопия 1920 – начала 1930-х гг. была обращена в будущее, то сталинская идеология рубежа 1940-50-х гг. подчеркивала, что это будущее уже наступило. Циклически повторяемые официальные праздники, напоминая героические события прошлого не противоречили этому. Прошлое в период позднего сталинизма выполняло функцию легитимации настоящего и не имело самодостаточности. Символика плакатов, кинофильмов и радиотрансляций преследовали общую цель: демонстрацию завершенности времени. Единение вождя и народа – сила, которая преодолела тяготы войны, способна повернуть реки вспять и победить засуху. Ни одна напасть отныне не может быть непреодолимой. Способы трансляции сталинского мифа были различны: торжественный голос Левитана из репродуктора, передовицы советских газет, плакаты, кинофильмы. Художественный стиль, получивший обозначение соцреализм¹, не был принадлежностью только искусства. В известной мере он распространялся и на язык науки и журналистики. В этой связи распространенность художественного способа репрезентации идеологии ставила в исключительное положение представителей творческой интеллигенции, чьи функции были во многом тождественны функциям средневековых иконописцев, выражающих в рамках канона коллективное, санкционированное властью представление о действительности.

Советская система информационных коммуникаций оперировала при этом стандартными конструктами. А.Г. Ионин отмечает канонизацию форм культурных репрезентаций [5, с. 198]. В связи с этим изучение идеологического конструкта учителя того времени существенно упрощается, поскольку канон подразумевает ограниченную вариативность конструктов, и репрезентативным может оказаться ограниченный круг источников.

В качестве основного источника для изучения конструкта мы взяли кинофильм «Сельская учительница» 1948 г. режиссера М. Донского. Действие киноленты начинается при старом режиме. Молодая девушка, получившая образование попадает по доброй воле в далекую деревню. Ее стремление нести пользу народу наталкивается на сопротивление чуждых классов и темного необразованного крестьянства. Она не сдается, с достоинством преодолевает различные трудности: религиозность и мракобесие, хамство купечества и агрессию кулачества. Учительница воспитывает сельских детей, делает из них ученых, военных, стахановцев и литераторов. Одна из финальных сцен киноленты – школьный бал, на который приходят полные признательности по отношению к уже орденосной учительнице состоявшиеся, успешные взрослые выпускники. Какими чертами обладает этот профессиональный конструкт, выраженный художественными средствами? Начнем с того, что образ школьного педагога трансисторичен. Действие фильма начинается при старом режиме, а заканчивается послевоенным временем. Этапы

---

¹ Термин *соцреализм* здесь понимается в значении, которое придавал этому термину А. Сивянский [9, с. 101–139].

биографии учительницы синхронны и созвучны основным историческим событиям: революция, ликвидация безграмотности, коллективизация, война. Педагог не остается безучастным по отношению к ним. Ее муж – революционер, она осуществляет партийную политику в деревне – борется с неграмотностью, а потом – с кулаками. Примечательно, что основные черты характера персонажа – преданность делу, бескорыстие, самоотверженность не формируются в процессе, они уже заданы в начале киноленты. Внешние трудности не изменяют героиню, а помогают проявиться ее лучшим качествам. Она добровольно, получив образование, едет в глухую сибирскую деревню, добровольно преодолевает все тяготы чуждой социальной среды. Здесь мы имеем дело с образом, сформировавшимся еще до революции. Речь идет об образе русского интеллигента, наделенного народническими чертами. Напомним, что образ земского врача или учителя имел в основе просветительские черты, проявлявшиеся в идее служения народу. «Представления об интеллигенции как независимой социально-этической группе, возникшее в определенном историческом контексте как следствие конкретных субъективных нужд разночинской публики, постепенно сложились в некий канонический образ этой группы, который зажил своей жизнью, отрешенной от запросов и нужд повседневной реальности. Иными словами, образ интеллигенции стал ее мифом» [4, с. 3, 75]. Важной характеристикой мифологического сознания является синкретизм [8, с. 64–168]. Сталинский миф здесь не был исключением. Элементы патриотической традиции российской империи могли соседствовать с коммунистической идеологией. В этой картине могли уживаться вместе Петр Первый и Ленин, Иван Грозный и Сталин, А. Суворов и В. Чапаев. Подобный же синкретизм можно обнаружить в образе школьного учителя. В этом конструкте можно обнаружить гибрид двух традиций. Во-первых, учитель – это представитель советской интеллигенции, а значит – уполномоченное партией и правительством лицо, наделенное идеологической властью. Во-вторых, – это русский интеллигент, а значит, имеет право на старорежимное прошлое. Отношение к интеллигенции со стороны официальной идеологии было особым. В отличие от остальных социальных групп, интеллигенция была той средой, которая была непосредственно связана с революционным движением.

Важной составляющей конструирования педагога является гендер. В сталинском кинематографе сложилось несколько типажей женщин: ткачиха и колхозница, астроном и певица. Обратим внимание на то, что обычно героини М. Ладыниной и Л. Орловой конкурируют с мужчинами². В нашем случае этого не происходит. Профессия учительницы является в фильме абсолютно женской, точнее – материнской. Кратковременное появление ее супруга – революционера, позже убитого, преодолевает противоречие материнства и отсутствия семьи, избавляет конструкт от сексуальной привлекательности. Ее семья – учащиеся, ее дом – школа.

---

² Имеются ввиду такие кинофильмы, как «Светлый путь», «Волга-Волга», «Весна», «Кубанские казаки», «Веселые ребята».

Личная жизнь растворена в работе. Символическое материнство может оказаться сильнее реальных родственных связей. Сын кулака (очередная редакция Павлика Морозова), предупреждает учительницу о готовящемся на нее покушении. Можно предположить, что сочетание образа русского интеллигента и советского учителя было успешно совершено на основе изменения гендерности образа. Феминизация в большей степени насыщала конструкт чувственными характеристиками. За счет материнских черт снижалась критичность восприятия образа.

Таким образом, конструирование профессионального образа школьного учителя представляло синкретизм образов советского и русского интеллигентов. Старорежимный образ выполнял функцию легитимации по отношению к советскому на основании общего революционного прошлого. Основные черты дореволюционного интеллигентского мифа (мессианская идея, просвещение, аскетизм, бескорыстие) получили новую интерпретацию в сталинской картине мира. Указанные черты отныне теряли автономию от власти и встраивались в государственную идеологию. Представляется возможным допустить, что изменение гендерной составляющей конструкта способствовало лучшему синкретическому сочетанию двух обозначенных образов.

Библиографический список

1. Ахиезер А.С. Специфика исторического пути России // http://www.libertarium.ru/libertarium/l_lib_ahies3
2. Боронников А.Д., Лейбович О.Л. Голубой экран как могильщик социализма (к вопросу о деструктивном воздействии аудиовизуальных коммуникаций на социалистическое мироустройство) // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Материалы VI Всероссийской научной конф., посвященной 80-летию со дня рождения проф. З.И. Файнбурга. Пермь, 2002.
3. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
4. Змеев М.В. Самоидентификация русской интеллигенции конца XIX – начала XX веков: роль, образ, миф // Миф и рациональность в XX веке: Материалы XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов « Майские чтения» (15 мая 2002 г.) Пермь, 2002.
5. Ионин А.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
6. Лейбович О.Л. Кимерлинг А.С. Письмо товарищу Сталину. Политический мир Михаила Данилкина: исторический очерк. Пермь, 1998.
7. Лейбович О.Л. Магия слов в советской культуре // Русский язык в контексте современной культуры. Тезисы докладов международной конференции. Екатеринбург, 1998.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1995.
9. Синявский А. (Абрам Терц) Что такое социалистический реализм // Путешествие на Черную речку. М., 2002.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

.....

Н. М. Беляева*

31 декабря 2005 г. вступил в силу Федеральный закон № 199 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» [7, с. 24]. Благодаря этому закону впервые за последние десятилетия в рамках федерального законодательства определены важнейшие вопросы, касающиеся работы с молодежью не только в субъектах Российской Федерации, но и на муниципальном уровне.

Данный закон отвечает прежде всего интересам региональных органов по делам молодежи, молодежных и детских общественных объединений и, конечно, всей российской молодежи. Он создает нормативную правовую базу для реализации государственной молодежной политики на региональном и муниципальном уровне, для эффективного функционирования более 300 учреждений органов по делам молодежи субъектов Российской Федерации и более 4 тысяч муниципальных учреждений, клубов, восстанавливает утраченные законодательные основы отношения институтов власти к стратегически значимой части населения — молодежи. Региональная власть должна рассматривать механизм взаимодействия власти и молодежи в качестве инвестиционного проекта по развитию человеческого капитала в России.

В статье рассматриваются инструменты государственной политики в области интеграции молодежи в социально-экономические отношения, позволяющие сформировать действенный и эффективный механизм взаимодействия власти и

---

* Беляева Наталья Михайловна — аспирант кафедры политических наук Пермского государственного университета. Электронная почта: belnatalya@yandex.ru.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Молодежное движение и молодежная политика в России: современное состояние и перспективы развития (сравнительный региональный анализ). №06-03-00081а.

молодежи в регионах Российской Федерации, что в свою очередь способствует успешности процесса гражданской социализации молодого поколения россиян. Можно выделить три направления реализации государственной молодежной политики: государственное, общественное и политическое.

Государственное направление предполагает совершенствование законодательной и институциональной составляющих молодежной политики, т.е. системы органов государственной власти и местного самоуправления, ведущих работу с молодежью. Детальный анализ структуры администраций субъектов Российской Федерации показал, что в 64 регионах (72%) в структуре органов государственной власти существует самостоятельное подразделение (комитет, отдел), занимающееся решением проблем молодежи. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что на региональном уровне молодежная политика рассматривается как самостоятельное направление деятельности органов власти. Кроме того, в регионах ведется целенаправленная работа по развитию кадрового потенциала молодежной политики.

На сегодняшний день законодательство по молодежной политике разработано в 74 субъектах Федерации. Кроме того, в 34 регионах приняты и действуют отдельные законодательные акты, направленные на оказание государственной поддержки деятельности молодежных объединений. И это достаточно отрадная тенденция, поскольку по состоянию на начало 2004 г. насчитывался 61 регион с разработанной законодательной базой по молодежной политике.

Общественное направление реализации молодежной политики связано с деятельностью общественных организаций и объединений, которые создаются представителями молодого поколения для реализации своих интересов и развития гражданской и творческой инициативы.

Политическое направление молодежной политики пока еще находится в стадии становления. Оно представлено молодежными отделениями политических партий, часть из которых только формируется или начинает свою активную деятельность. Несмотря на провозглашение в программах многих политических партий раздела о работе с молодежью, сегодня большая часть из них (за редкими исключениями) продолжает рассматривать и использовать молодежь как электоральный ресурс, предпочитая не разрабатывать сколько-нибудь серьезные программы по работе с молодежью.

Как показывает анализ проекта Федеральной целевой программы «Молодежь России» на 2006–2010 гг. и законодательных актов по молодежной политике в регионах РФ, конкретные мероприятия молодежной политики направлены на интеграцию молодежи в социально-экономические, общественно-политические и социокультурные отношения.

Интеграция молодежи в социально-экономические отношения предполагает решение вопросов профессиональной ориентации молодежи, формирования

эффективных мер содействия трудоустройству, повышения благосостояния, поддержки молодой семьи, в том числе в вопросах приобретения жилья.

Интеграция молодежи в общественно-политические отношения предусматривает участие молодежи в деятельности общественных организаций, органов управления, в электоральных процессах.

Интеграция молодежи в социокультурные отношения связана с вопросами воспитания молодежи, ее информированности, развития духовного и нравственного потенциала, участия в международных контактах, а также развития системы мер по интеграции в жизнь общества молодых инвалидов, сирот, молодых людей, склонных к асоциальному поведению, молодых людей, проходивших службу в горячих точках, молодых мигрантов.

На сегодняшний день ядро проблемы эффективности государственной молодежной политики составляет противоречие между активизацией действий органов исполнительной власти по разработке молодежной политики и отсутствием заметных сдвигов в положении подавляющего большинства молодых россиян. Это противоречие характерно для всех основных направлений государственной молодежной политики.

Предметом нашей статьи являются инструменты государственной молодежной политики, способствующие интеграции молодежи в социально-экономические отношения.

Одно из важнейших направлений молодежной политики — обеспечение права молодежи на образование.

Для эффективного осуществления данного направления молодежной политики органы государственной власти используют следующие инструменты:

- создание необходимых условий и гарантий доступности образования для широких слоев молодежи;
- организация системы профориентационной работы в общеобразовательных учебных заведениях, включающей профессиональное просвещение учащихся, информирование их о потребности области в трудовых ресурсах, помощь в выборе профессии;
- основные и дополнительные (гранты, именные стипендии и др.) формы материальной и иной поддержки студентов и аспирантов высших и средних специальных учебных заведений, учащихся профессиональных училищ, общеобразовательных школ и иных учебных заведений;
- разработка специальных программ поддержки студенчества и учащейся молодежи;
- определение квоты приема в соответствующие образовательные учреждения для молодежи, относящейся к лицам, особо нуждающимся в социальной защите;

– установление налоговых и иных льгот для организаций и физических лиц, оплачивающих на договорной основе обучение молодых граждан, впервые получающих профессию на дневных отделениях средних специальных и высших учебных заведений;

– создание условий предоставления срочных, среднесрочных, долгосрочных кредитов на оплату обучения из соответствующих бюджетов в соответствии с законодательством [5, с. 4].

В ряде регионов, прежде всего в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах, а также в Хабаровском крае, в целях подготовки кадров из числа коренных малочисленных народов Севера, с учетом потребностей экономики и социальной сферы северных районов предусматривается выделение целевых мест в высших и средних специальных учебных заведениях, финансирование их обучения осуществляется из средств федерального и регионального бюджетов.

Кроме того, в Законе о государственной молодежной политике в Ямало-Ненецком автономном округе от 9 мая 1998 г. [4, с. 5] оговаривается поддержка студентов, обучающихся на платной основе. Если обучение молодого гражданина в образовательном учреждении на территории Российской Федерации осуществляется на платной основе за счет средств его семьи, то в случае увеличения платы за обучение непропорционально росту дохода его семьи или уменьшения совокупного дохода семьи по уважительным причинам (при потере трудоспособности кормильца, смерти одного из кормильцев, переходе кормильца на нижеоплачиваемую работу, увольнении кормильца по сокращению численности или штата либо ликвидации учреждений, увеличении количества иждивенцев в семье) плата за обучение полностью или частично может производиться за счет средств окружного или местного бюджетов или внебюджетных фондов при наличии обоснованной необходимости в этом специалисте для предприятий, учреждений, организаций бюджетной сферы.

Если оплата обучения молодого гражданина обеспечивалась за счет доходов юридических лиц и она была по объективным причинам прекращена, то при отсутствии у его семьи средств для оплаты обучения она полностью или частично может производиться за счет средств окружного или местного бюджетов или внебюджетных фондов при наличии обоснованной необходимости в этом специалисте для предприятий, учреждений, организаций бюджетной сферы.

Организации независимо от форм собственности, оплачивающие на договорной основе обучение студентов в высших учебных заведениях, находящихся на территории автономного округа, освобождаются от уплаты налогов и сборов в окружной бюджет на сумму средств, затраченных на эти цели, в порядке, установленном законом об окружном бюджете на соответствующий год.

Законодательство Ханты-Мансийского автономного округа предоставляет молодым гражданам возможность для обучения в образовательных учреждении

ях Российской Федерации и за рубежом за счет средств окружного бюджета. При этом основным условием заключения договора о предоставлении такой поддержки является обязательство отработать в Ханты-Мансийском автономном округе в соответствии с полученной специальностью в течение определенного срока [3, с. 7].

Если же студенткой высшего или среднего специального учреждения является «молодая женщина, находящаяся в академическом отпуске по уходу за ребенком, то до достижения ребенком возраста полутора лет она получает дополнительное социальное пособие в размере стипендии за счет окружного бюджета» [4, с. 4].

Что касается механизмов защиты прав на получение образования, которые могут использовать сами обучающиеся, то, например, в Законе о государственной молодежной политике в Смоленской области от 12 июля 1999 г. [2, с. 12] такой механизм прописан. В него входят следующие компоненты.

Во-первых, обучающиеся, воспитанники образовательных учреждений, за исключением дошкольных учреждений и учреждений начального общего образования, вправе самостоятельно или через своих выборных представителей ходатайствовать перед администрацией учреждений о проведении с участием выборных представителей обучающихся, воспитанников дисциплинарного расследования деятельности работников образовательных учреждений, нарушающих и ущемляющих права ребенка.

Во-вторых, если обучающиеся, воспитанники не согласны с решением администрации образовательного учреждения, они вправе через своих выборных представителей обратиться за содействием и помощью в уполномоченные государственные органы.

В-третьих, обучающиеся, воспитанники образовательных учреждений могут проводить во внеучебное время собрания и митинги по вопросам защиты своих нарушенных прав. Администрация образовательного учреждения не вправе препятствовать проведению таких собраний и митингов, в том числе на территории и в помещении образовательного учреждения, если выборными представителями обучающихся, воспитанников выполнены условия проведения указанных собраний и митингов, установленные уставом образовательного учреждения.

Такие собрания и митинги не могут проводиться с нарушением установленных законодательством Российской Федерации требований соблюдения общественного порядка и не должны препятствовать образовательному и воспитательному процессам.

Таким образом, можно говорить о сложившейся в ряде регионов системе обеспечения реализации права молодых граждан на получение образования. Однако на сегодняшний день еще имеет место неравный доступ различных категорий молодежи к получению высшего образования, слабая материальная поддержка

учащихся и студентов со стороны государства, нарушения прав учащейся молодежи со стороны администрации образовательных учреждений.

В плане обеспечения **гарантий в сфере труда и занятости** молодежи можно выделить два основных направления, по которым ведут работу органы государственной власти в регионах РФ: непосредственно трудоустройство молодых граждан и поддержка молодежного предпринимательства.

Для реализации первого направления в большинстве регионов РФ используется механизм квотирования рабочих мест для молодых граждан на предприятиях, в учреждениях и организациях, независимо от форм собственности и их организационно-правовой формы. В некоторых субъектах РФ, например, в бывшем Коми-Пермяцком автономном округе, такая квота устанавливалась только для государственных и муниципальных предприятий и организаций.

В целях повышения заинтересованности работодателей в трудоустройстве молодых граждан, в расширении рабочих мест для молодежи, в профессиональной подготовке и переподготовке молодых специалистов региональные органы власти используют экономические стимулы в форме налоговых льгот, бюджетных дотаций, субсидий. В ряде регионов (Республика Татарстан и Кабардино-Балкария, Хабаровский край), устанавливается ответственность для предприятий и учреждений, отказывающихся принимать на работу молодых граждан. Так, в Законе Татарстана «О молодежи» признается «незаконным какое бы то ни было, прямое или косвенное, ограничение трудовых прав молодых граждан, в том числе в форме установления зависимости предоставления работы и продвижения по службе, оплаты труда, расторжения трудового договора от трудового стажа или возраста работников» [12, с. 18]. Более четко ответственность работодателя за отказ в трудоустройстве молодого гражданина определена в законодательстве Республики Кабардино-Балкария: «В случае отказа в приеме на работу ранее заявленных выпускников учебных заведений предприятия производят целевые финансовые отчисления в фонд занятости населения в размере среднего заработка данной категории за год» [8, с. 10].

Еще одним механизмом реализации направления, связанного с трудоустройством, не получившим широкого распространения в регионах РФ, является создание молодежных бирж труда. Функции и полномочия данных учреждений прописаны в законах по молодежной политике Томской, Тамбовской, Калининградской, Тверской областей, Хабаровского края и в концепции молодежной политики Красноярского края. Молодежные биржи труда создаются администрацией региона, органами местного самоуправления как структурные подразделения региональных, городских, районных центров занятости населения или при их содействии в целях рационального и эффективного обеспечения занятости молодых граждан в регионе. Молодежные биржи труда занимаются не только предоставлением молодым гражданам услуг по трудоустройству, но и осуществляют деятельность по профессиональной ориентации, подготовке и

переподготовке молодежи. Кроме того, в Законе Калининградской области «О государственной молодежной политике» от 19 января 2000 г. говорится, «что деятельность молодежных бирж труда, направленная на финансовое обеспечение государственного и муниципального заказов, не подлежит налогообложению в части платежей, поступающих в областной бюджет» [9, с. 3].

Вторым направлением в деле обеспечения занятости молодого поколения, прописанным в законах многих субъектов Федерации, является поддержка молодежных предприятий. Определение молодежного предприятия в разных регионах варьируется незначительно. Можно выделить два критерия определения сути молодежного предприятия: количественный и качественный. Молодежным предприятием признается коммерческая организация при соответствии ее следующим параметрам:

- от общего числа работников такой организации не менее 70–75–80% (в регионах варьируется) составляют молодые граждане (количественный критерий);
- предусматриваемые уставом основные виды деятельности соответствуют целям государственной молодежной политики (качественный критерий).

Такое определение молодежного предприятия дается в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах, Ставропольском, Хабаровском краях. В некоторых субъектах РФ (Краснодарский край, Томская область и др.) к данным критериям добавляется еще и финансовый критерий: в уставном (складочном) капитале предприятия доля учредителей, являющихся молодыми гражданами, должна составлять не менее 50%.

Нужно отметить, что в регионах РФ прописаны различные способы государственной поддержки молодежных предприятий. Однако наиболее полный перечень инструментов, направленных на развитие молодежного предпринимательства, дается в Законе о молодежной политике в Приморском крае от 5 июля 1999 г. [14, с. 5]:

1) субъекты молодежного предпринимательства в первые два года с момента внесения в реестр субъектов молодежного предпринимательства могут освобождаться от уплаты налогов в краевой бюджет;

2) органы государственной власти и органы местного самоуправления вправе за счет средств соответствующих бюджетов:

- выдавать поручительства;
- оплачивать обучение основам предпринимательской деятельности и оказывать содействие в разработке учредительных документов;
- предоставлять разовые субсидии для поддержки разработанных в интересах молодежи проектов и предложений, носящих новаторский характер, а также направленных на расширение возможностей самообеспечения молодежи;

- осуществлять поддержку юридических лиц, оказывающих правовую, консультационную, организационную помощь молодежи, занимающейся предпринимательской деятельностью;
- осуществлять поддержку печатных средств массовой информации, которые не менее 50% объема каждого отдельного номера посвящают молодежным проблемам;
- полностью или частично освобождать субъектов молодежного предпринимательства от платы за пользование государственным и муниципальным имуществом;
- освобождать молодых граждан — индивидуальных предпринимателей от уплаты регистрационного сбора с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица;
- размещать на конкурсной основе государственные и муниципальные социальные заказы;
- предоставлять в соответствии с действующим законодательством налоговые льготы гражданам и юридическим лицам, оказывающим материальную поддержку деятельности молодежи, соответствующей основным направлениям молодежной политики в крае.

Можно еще добавить новшества, касающиеся поддержки предпринимательской деятельности молодежи несколько в ином ключе, предлагаемые законодателями Татарстана: «Государство стимулирует развитие фермерства и других инициатив молодежи по возрождению и развитию села путем установления льгот на приобретение скота, средств малой механизации, по выкупу земли, взиманию земельного налога, арендной платы» [12, с. 24].

Столь обширный перечень способов поддержки молодежного предпринимательства внушает надежду на достаточно успешное развитие данной отрасли занятости молодежи в России. Однако нельзя говорить о массовом распространении предпринимательства среди молодежи, что может свидетельствовать о сложностях, связанных, во-первых, с самим созданием предприятия молодыми гражданами, во-вторых, с процессом развития и функционирования такого рода предприятий. Всё это приводит к выводу о том, что прописанные в законах субъектов Федерации меры по поддержке молодежного предпринимательства на практике работают лишь частично.

Одним из наиболее сложных для реализации направлений государственной молодежной политики остается **поддержка молодой семьи**. За последнее десятилетие существенно расширилась сеть учреждений социального обслуживания семей и детей. В регионах России оформились более 500 центров и клубов «Молодая семья» по различным направлениям деятельности.

Все большее распространение получает такой инструмент поддержки молодых семей, как предоставление жилищных субсидий молодым семьям, что сви-

детельствует о первых шагах на пути реализации мероприятий по долгосрочному кредитованию молодежи в приобретении жилья и обустройству домашним хозяйством. Подобный механизм предусмотрен в законах о молодежной политике многих субъектов РФ: Иркутской, Тверской, Свердловской, Ярославской областей; республик Карелия, Кабардино-Балкария; Ямало-Ненецкого автономного округа; Краснодарского, Ставропольского краев и др.

Наиболее детально данный механизм поддержки молодых семей прописан в Законе о государственной молодежной политике в Тверской области [11, с. 2]:

Молодым семьям (возраст одного из супругов не превышает 30 лет), имеющим совокупный доход на одного члена семьи менее прожиточного минимума и состоящих на учете для получения жилья или улучшения жилищных условий, предоставляется безвозмездная субсидия на строительство или покупку жилья в соответствии с действующим законодательством на общих основаниях в пределах средств, предусмотренных на эти цели в бюджетах муниципальных образований.

Работникам организаций, финансируемых из областного бюджета, нуждающимся в улучшении жилищных условий, предоставляется жилищный займ на строительство, достройку или приобретение жилья за счет средств, предусмотренных в областном бюджете на эти цели. Возврат кредита начинается по истечении пяти лет после получения.

При наличии в молодых семьях детей кредит погашается:

- на 20% для семьи с одним ребенком;
- на 40% для семьи с двумя детьми;
- на 70% для семьи с тремя детьми;
- полностью для семей, имеющих четырех и более детей.

Для поддержки молодых семей, созданных сиротами, студентами — учащимися дневной формы обучения образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования (при условии, что оба супруга являются студентами, учащимися), инвалидами, а также неполных молодых семей с детьми органы государственной власти Тверской области и органы местного самоуправления Тверской области в пределах своей компетенции принимают решения о льготном содержании детей в дошкольных учреждениях и других формах поддержки за счет средств соответствующих бюджетов.

Кроме того, например, в Иркутской области органы государственной власти и местного самоуправления осуществляют строительство домов государственного и муниципального жилищных фондов, предназначенных для предоставления жилых помещений по договору найма в пределах социальной нормы площади жилья [5, с. 5].

Следует подчеркнуть, что одну объединяющую все регионы особенность: как правило, кредиты, субсидии на покупку либо строительство жилья предоставляются молодым семьям при условии наличия у них детей, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, государство беспокоится о росте численности населения страны, о пополнении генофонда. Но с другой стороны, как быть молодым семьям, которые не планируют обзаводиться детьми в ближайшее время, — так и продолжать жить с родителями одного из супругов либо снимать квартиру? Ответ на этот вопрос можно найти далеко не в каждом законе, касающемся молодежи.

Механизм поддержки молодых семей непосредственно связан с таким направлением молодежной политики, как **реализация права молодых граждан на жилище**, которое еще более проблематично в плане осуществления. Лишь в некоторых регионах проводятся мероприятия, направленные на решение жилищных проблем не только молодых семей, но и других категорий молодежи. В Законе о молодежной политике в Коми-Пермяцком автономном округе от 31 января 2003 г. [13, с. 12] предусмотрены следующие инструменты решения жилищной проблемы:

- выделение молодым гражданам безвозмездных субсидий, ссуд и (или) кредитов на льготной основе для приобретения, строительства или реконструкции жилья;
- безвозмездное или на льготных условиях выделение молодым гражданам земельных участков для строительства жилья;
- предоставление молодым гражданам на льготных условиях в наем жилья, находящегося в государственной или муниципальной собственности;
- содействие в создании организаций молодежи, имеющих целью самостоятельное решение жилищных проблем;
- проведение за счет государственных и муниципальных средств жилищного строительства для предоставления жилья молодым многодетным семьям, молодым инвалидам, иным категориям молодежи, нуждающимся в государственной поддержке.

Интересным инструментом решения жилищной проблемы в законах о молодежи некоторых регионов (например, Республики Татарстан, Ханты-Мансийского автономного округа) является строительство молодежного жилищного комплекса (МЖК). Так, органы исполнительной власти Ханты-Мансийского автономного округа, органы местного самоуправления бесплатно или на льготных условиях предоставляют молодым гражданам, объединившимся для строительства МЖК, информацию и консультации по вопросам, перечень которых утверждается ежегодно губернатором округа. Также МЖК, пользующиеся приоритетной поддержкой, могут быть освобождены в первые три года от налогов в части, пос-

тупающей в окружной бюджет, в порядке, предусмотренном законодательством Ханты-Мансийского автономного округа [3, с. 11].

Закон Свердловской области [10, с. 11] предлагает следующий инструмент решения проблемы жилья отдельных категорий молодежи: в Свердловской области за счет средств областного бюджета осуществляется строительство и (или) приобретение в государственную казну жилья для его отчуждения по договору купли-продажи с условием оплаты в рассрочку следующим категориям молодых граждан:

- выпускникам педагогических образовательных учреждений высшего профессионального и среднего профессионального образования, другим специалистам, прибывшим на работу в государственные и муниципальные образовательные организации, расположенные в сельской местности, рабочих поселках (поселках городского типа);

- выпускникам медицинских и фармацевтических образовательных учреждений высшего профессионального и среднего профессионального образования, прибывшим на работу в государственные и муниципальные медицинские и фармацевтические организации, расположенные в сельской местности, рабочих поселках (поселках городского типа);

- выпускникам образовательных учреждений высшего профессионального и среднего профессионального образования в области культуры и искусства, другим специалистам, прибывшим на работу в государственные и муниципальные организации культуры, расположенные в сельской местности, рабочих поселках (поселках городского типа).

Подводя некоторый итог проведенного сравнительного анализа законодательных актов по молодежной политике в регионах России, можно говорить о том, что молодежная политика как самостоятельное направление внутренней политики государства находится в стадии становления. На протяжении 1990-х гг. в субъектах Российской Федерации формировались органы власти, занимающиеся решением проблем молодого поколения, складывалась законодательная база региональной молодежной политики.

В соответствии с Проектом стратегии государственной молодежной политики в РФ в плане финансирования мероприятий молодежной политики действующий долгое время программно-целевой подход заменяется проектным подходом. «Социальная политика государства по отношению к молодёжи „задаёт тон“ в создании условий для развития подрастающего поколения, оказывает решающее влияние на формирование его гражданских качеств» [14, с. 120]. Задачи выстраивания эффективной молодежной политики могут быть решены только посредством применения проектного подхода, формирования системы региональных (муниципальных) молодежных проектов, понятных и востребованных

в молодежной среде и обществе, ориентированных на прямое вовлечение молодых людей в решение собственных проблем и общегосударственных задач.

Видимо, есть какие-то факторы, определяющие возможности регионов в данном направлении. И, наверное, одним из основных факторов является не столько политическая воля руководства региона, сколько финансовое благополучие. Чтобы вкладывать деньги в молодежь, надо по меньшей мере их иметь. Среди образцовых регионов — все регионы-доноры.

Можно выделить два основных фактора, определяющих возможности регионов по проведению эффективной политики по интеграции молодежи в социально-экономические отношения: экономический и политический.

Зачастую даже принятые к исполнению региональные законы и программы реализации основных направлений молодежной политики не финансируются или финансируются не в полном объеме, что приводит к ряду негативных последствий. Во-первых, запланированные мероприятия по решению целого комплекса проблем молодого поколения остаются только на бумаге, что порождает недоверие к органам власти со стороны населения, цинизм по отношению к исполнению своих обязанностей перед государством, развитие синдрома «безбилетника» в обществе. В этой связи, несомненно, большими возможностями по финансовому обеспечению мероприятий молодежной политики обладают так называемые регионы-доноры, что является естественным следствием их социально-экономического развития в целом (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Татарстан, Свердловская область и др.).

Говоря о политическом факторе, можно все регионы разделить на группы в зависимости от типа политических предпочтений избирателей, а следовательно, взглядов политической элиты. Это регионы с демократической, коммунистической и патриотической политической ориентацией. В группу регионов с демократическими предпочтениями избирателей входят Москва, Санкт-Петербург, Пермская, Свердловская, Камчатская, Челябинская, Томская области, Хабаровский край и др. Традиционно «красными» регионами считаются республики Бурятия, Мордовия, Чувашия, Алтайский край, Брянская, Тамбовская, Тверская, Амурская, Белгородская, Кировская, Курская, Оренбургская, Пензенская области. И наконец, патриотические настроения избирателей наиболее ярко выражены в Краснодарском и Ставропольском краях [1, с. 108].

В традиционно «красных» регионах, регионах с прокоммунистической ориентацией населения, а следовательно, и политической элиты активное осуществление молодежной политики можно объяснить действием сложившейся еще с советских времен традиции, когда комсомол охватывал все категории молодежи и проводил целенаправленную политику идеологического воспитания. В то время как в регионах демократического толка обдуманная молодежная политика, по всей видимости, связана с осознанием политической элитой необходимости комплексной поддержки и воспитания молодого поколения с целью создания

грамотных и полноценно развитых граждан, которые в скором времени будут управлять государством.

Библиографический список

1. Афанасьев М.Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России // Полис. 1995. № 3.
2. Закон о государственной молодежной политике в Смоленской области от 12.07.1999 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
3. Закон о государственной молодежной политике в Ханты-Мансийском автономном округе от 08.05.1998 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
4. Закон о государственной молодежной политике в Ямало-Ненецком автономном округе от 09.02.1998 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
5. Закон о государственной молодежной политике Иркутской области от 08.02.2000 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
6. *Копцева О.А.* Детские общественные организации и социальное творчество учащихся // Социс. 2005. № 2.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий: Федеральный закон № 199 от 31.12.2005 // Правовая система Консультант Плюс (федеральное законодательство).
8. О государственной молодежной политике в Кабардино-Балкарской Республике: Закон от 22.07.1993 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
9. О государственной молодежной политике в Калининградской области: Закон от 18.01.2000 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
10. О государственной молодежной политике в Свердловской области: Закон от 13.12.1995 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
11. О государственной молодежной политике в Тверской области: Закон от 30.07.1998 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
12. О молодежи и молодежной политике в Республике Татарстан: Закон от 19.10.1993 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
13. О молодежной политике в Коми-Пермяцком автономном округе: Закон от 31.01.2003 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
14. О молодежной политике в Приморском крае: Закон от 05.07.1999 // Правовая система Консультант Плюс (региональное законодательство).
15. Федеральная целевая программа «Молодежь России» на 2006–2010 гг. (проект). // www.mparlament.ru.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Л.Н. Ожигова, А.Р. Тиводар

Бытие современного человека динамично и во многом противоречиво. Изменения и кризисы пронизывают многие аспекты жизни личности, но, пожалуй, наибольшие трансформации за последние 20–30 лет произошли в сфере гендерных отношений. Жесткая гендерная стереотипизация и нормативное давление на личность уступают место индивидуализации и самореализации личности. В современном кризисном обществе семья становится наиболее уязвимой. Именно она несет на себе колоссальные нагрузки: падение жизненного уровня, безработица, рост числа разводов и падение рождаемости, жилищные проблемы и увеличение преступлений на семейно-бытовой почве и т.д. Все эти социально-экономические изменения, безусловно, оказывают влияние на эмоциональное состояние каждого члена семьи, взаимоотношения между супругами и отношения взрослых и детей. Но несмотря на большое количество внешних, часто стрессовых факторов, семья так или иначе сохраняет свои функции и в результате постоянной внутренней перестройки отношений, нового содержательного наполнения семейных ролей продолжает решать важнейшие задачи: эмоциональной поддержки, воспитательную, хозяйственно-бытовую, духовную. В связи с этим актуальным становится изучение гендерных аспектов бытия личности, реализующей себя в пространстве семейных отношений.

Именно проблемам исследования гендерной социализации личности в семье и был посвящен Всероссийский семинар «Гендерные аспекты бытия личности и проблемы современной семьи», который был проведен кафедрой психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета совместно с кафедрой прикладной психологии Социально-педагогического института Сочинского государственного университета туризма и курортного дела.

* Ожигова Людмила Николаевна – докторант кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Тиводар Антонина Романовна – докторант кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета.

В работе семинара приняли участие ученые, преподаватели, психологи-практики из пяти городов России: Краснодара (Кубанский государственный университет), Москвы (Институт психологии РАН), Омска (Омский государственный университет), Ростова-на-Дону (Ростовский государственный университет), Сочи (Сочинский государственный университет туризма и курортного дела).

Семинар был открыт выступлениями проректора Социально-педагогического института Сочинского государственного университета туризма и курортного дела И.Б. Шуванова, ведущего специалиста Института психологии РАН В.В. Знакова, проректора по дополнительному образованию Кубанского государственного университета Е.А. Журавлевой.

Реальность и мифы современных гендерных проблем в контексте семьи обсуждались в следующих направлениях: психология бытия личности и проблемы исследования гендерной социализации личности в семье; личность в пространстве семейных отношений: общение, конфликты, самореализация; гендерная идентичность личности: семья или работа; организация семейного отдыха (досуга) и проблема гендерных различий; практика психологической поддержки гендерной идентичности личности в семье.

В своем выступлении В.В. Знаков остановился на теоретико-эмпирических основаниях психологии человеческого бытия, её предмете, а также методах познания психической реальности. Психология человеческого бытия представляет собой направление развития психологии субъекта, которая возникла с появлением постнеклассической парадигмы. Докладчик отметил, что в качестве важнейшего метода психологии человеческого бытия выступает нарративный принцип, позволяющий исследовать интегративный характер единиц анализа психического.

З.И. Рябикина, рассматривая психологические аспекты анализа проблемы личности как субъекта бытия, остановилась на важнейших проблемах со-бытия двух субъектов на «территории» семьи. Обсуждались возможности использования понятия «овладение» для обозначения специфики расширения личностной бытийности. Были рассмотрены психологические условия, способствующие возникновению со-бытия двух субъектов.

В.А. Лабунская остановилась на особенностях переживания личностью своей внешности. Гендерные аспекты проблемы омоложения рассмотрены были докладчиком в отношении кризиса середины личности. Л.Н. Ожигова в докладе, посвященном особенностям кризиса реализации гендерной идентичности, обозначила смысл жизни, фиксированный в сознании личности через ценности «семья» и «работа», как ведущий смысловой регулятор в преодолении кризиса.

А.Р. Тиводар указала на то, что личностная идентификация в брачной диаде определяет специфику конфликтов, возникающих в семейных отношениях и связанных с потребностью индивидуализации личности. Данную тему развила

в своем сообщении Н.А. Майстренко, охарактеризовавшая различные стратегии мужчин и женщин в ситуации супружеского конфликта. В ряде выступлений были затронуты факторы, определяющие успешность и удовлетворенность супружескими отношениями. Так, в выступлении Л.И. Дементий ответственность представлена как личностный механизм построения семейных отношений. А.Н. Чистилин обозначил значение досуга личности в пространстве семейных отношений.

Исследования докладчиков стимулировали дискуссию о практических задачах гендерного подхода в области семейного консультирования. И.А. Сапогова, выступившая по этой теме в качестве докладчика, рассказала об основных этапах и приемах психологического консультирования по вопросам семейного досуга и отдыха. Т.К. Хозяинова представляла практическую программу коррекции детско-родительских отношений.

Особое место в ходе семинара заняло рассмотрение вопросов самореализации женщины в различных значимых для нее социальных областях. Центральным в этой теме стал анализ психологических особенностей и состояний личности женщины, переживающей, как правило, серьезный ролевой конфликт: как совместить карьеру и семью?

И.Б. Шуванов акцентировал внимание на проблеме самоактуализации женщины в условиях существующей в обществе гендерной асимметрии. Е.А. Журавлева посвятила свой доклад профессиональным и личным качествам женщины-предпринимателя, которые обеспечивают ее успешную реализацию в мире социальных достижений. И.А. Сапогова остановилась на ведущих причинах и типах дезадаптации личности женщины, находящейся в состоянии эмоционального выгорания на работе. Г.Ю. Фоменко определила проблему женского бесплодия как эмоционально значимую для личности, так как социальная роль женщины неразрывно связана с материнством. Докладчик отметила, что противоречия личности могут быть решены за счет выбора женщиной предельного, а не экстремального способа существования.

Теоретико-методологические и практические вопросы организации психологического обеспечения и сопровождения личности женщины, реализующей себя в двух значимых социальных пространствах — семье и профессии, обсуждались в ходе работы круглого стола «Гендерные особенности клиентов Московской службы психологической помощи населению (МСППН)». Ведущие круглого стола, заместитель директора МСППН В.Е. Иноземцева и главный специалист службы Т.А. Знакова, рассказали об опыте работы службы в вопросах консультирования женщин по вопросам построения карьеры после длительного перерыва в работе. Обсуждение системы и опыта работы с обозначенной категорией женщин вызвало широкий отклик и дискуссию среди участников семинара. В ходе дискуссии И.А. Сапогова и А.Н. Ожигова предложили свой вариант целей и направлений психологического консультирования женщин и остановились

на описании мужского и женского стиля в работе психолога-консультанта. В процессе обсуждения данного практического запроса центральной в итоге стала идея согласования категориального аппарата, с одной стороны, и признание междисциплинарного характера гендерного и бытийного подходов в осуществлении прикладных задач профессионального и семейного консультирования — с другой.

Большой интерес участников и широкое обсуждение вызвало сообщение Н.Ю. Рымарева, в котором были представлены результаты исследования гендерных аспектов в проявлении субъектности детей и родителей в образовательном пространстве школы. Далее Н.Ю. Рымарев и Л.Н. Ожигова провели мастер-класс, где обсуждение гендерных особенностей личности началось с общих вопросов влияния социокультурных институтов (школы, семьи, вуза, власти и т.д.) и рассматривалось затем в конкретных и прикладных аспектах. Ведущие мастер-класса познакомили участников семинара с технологией конструирования образа школы с учетом гендерных аспектов личности. В итоге в центре дискуссии оказалась тема становления и реализации гендерной идентичности и субъектности всех представителей образовательного процесса: учащихся, учителей, родителей, администрации.

Активность участников семинара в ходе выступлений и дискуссий продемонстрировала актуальность использования гендерного и бытийного подходов в рассмотрении проблем современной семьи. По содержанию выступления, безусловно, отличались, отражали теоретическую и профессиональную позицию автора, иногда очень спорную. Однако общее настроение всех выступлений — это гуманистическая ориентация на улучшение качества жизни мужчин и женщин в семье и других значимых пространствах бытия личности. Как помочь личности сохранить свою индивидуальность и суметь совместить свою траекторию развития с траекторией развития других членов семьи? Как психолог-консультант может поддержать адаптивные ресурсы личности, преодолевающей гендерные стереотипы и гендерное неравенство в семье и на работе? Часть докладов, прозвучавших на семинаре, позволила наметить некоторые пути для реализации гендерной идентичности личности в семейных отношениях и профессиональной деятельности.

Проведение следующего Всероссийского семинара «Гендерные аспекты бытия личности и социально-психологическая поддержка субъектности» запланировано на октябрь 2007 г.

ВЛАСТИТЕЛИ, РУКОВОДИТЕЛИ, ГУБЕРНАТОРЫ: АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ¹

.....

Т.В. Соколова*

Элитологический подход — один из ключевых в исследованиях российских политических процессов, и по мере развития этих процессов его значимость лишь возрастает. В новой монографии известного российского элитолога О.В. Гаман-Голутвиной анализируется историческая эволюция российской элиты и определяется ее доминирующее влияние на траекторию общественного развития России. Основываясь на богатом историческом материале, автор показывает ключевую роль элиты в качестве субъекта модернизации, вследствие чего элита как архитектор реформ несет всю полноту исторической ответственности за их успех или неудачу. Особая роль в исследовании отводится первым лицам в элитных иерархиях — властителям, руководителям, губернаторам. Автор предлагает и качественные и личностные характеристики элиты.

Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, «изначально вхождение в элиту — функция личных заслуг и достоинств». Кроме того, на взгляд автора, «при анализе влияния элит на политические процессы необходимо учитывать персональный состав элиты, включающий совокупность конкретных лиц, занимающих ключевые позиции». О.В. Гаман-Голутвина подчеркивает, что элита — это не простая арифметическая сумма этих конкретных лиц, а еще и социальная общность, объединенная близостью установок, стереотипов и норм поведения. Такими социальными общностями были боярство, дворянство, имперская бюрократия, советская номенклатура, такой социальной общностью является, хотя и в меньшей степени, постсоветская элита. Тем не менее личностные характеристики лица, являющегося номером один в той или иной элитной иерархии, имеют существенное влияние на конфигурацию элит.

---

* Соколова Тамара Владимировна – аспирант кафедры политических наук Пермского государственного университета.

¹ Рецензия на книгу: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты в России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

Подобная постановка вопроса определила широкое обращение автора и к историческим, и к так называемым субъективным источникам — мемуарам, дневникам и т. д. Источниковая база исследования, в свою очередь, обусловила характер работы, которая оказалась на стыке политологии и истории. Исторический бэкграунд, прописанный автором тщательно и со вкусом, позволяет выйти на новые исследовательские рубежи в характеристике современных элит. Сама эта характеристика занимает в новой монографии О.В. Гаман-Голутвиной относительно скромное (по объему) место. Это понятно, учитывая предыдущие масштабные исследования автора, хорошо известные российским политологам. Вместе с тем количество страниц — далеко не единственный показатель значимости темы.

Особый интерес представляет анализ взаимоотношений между элитой федерального уровня и региональными элитами. На региональном уровне автор прослеживает взаимовлияние институциональных и личностных факторов, отмечая, в частности, что «соотношения позиций между законодательной и исполнительной властью зачастую не связаны с политическим весом института представительной власти, а определяются скорее соотношением реального политического влияния конкретных лиц». Кроме того, по мнению О.В. Гаман-Голутвиной, «социально-демографические, психологические, лидерские и иные личностные характеристики региональных властных сообществ во многом зависят от политической биографии первого лица субъекта РФ... Смена первого лица региона зачастую влечет за собой не только персональные перестановки в администрации, но и изменение механизмов и каналов рекрутирования управленческих команд». В качестве примера автор приводит ситуацию в Красноярском крае, где в эволюции механизмов формирования краевой элиты аналитики выделяют три призыва, «существенные различия между которыми обусловлены социально-профессиональными характеристиками инкубентов: «зубовский» (преимущественно представители научной интеллигенции и советской номенклатуры), «лебедевский» (преимущественно «варяги», призванные при поддержке московских ФПГ на условиях личной лояльности губернатору) и «хлопонинский» (выходцы из крупных бизнес-структур, прежде всего «Интеррос»)).

О.В. Гаман-Голутвина анализирует как важнейший фактор, определяющий современное состояние взаимоотношений Москвы и субъектов РФ, массовое проведение в 1995–2005 гг. выборов глав исполнительной власти в регионах. Итогом этого процесса стала консолидация региональных лидеров и обретение ими роли влиятельного участника российской политики, что позволило рассматривать региональные элиты в качестве субъекта российской политики. В то же время реформа отношений «центр — регионы», стартовавшая в 2000 г., повлекла за собой новое перераспределение политического влияния в пользу центра.

Действительно, предпринятые федеральным центром в рамках административной реформы шаги ослабили власть губернаторов на внешнем уровне (по отношению к Федерации). Губернаторы перестали быть политиками федерального

масштаба, были выведены из Совета Федерации, потеряли статус народных избранников. Как пишет О.В. Гаман-Голутвина, взамен губернаторы получили гарантии экономической помощи из центра при условии политической поддержки региональными элитами центра в ходе федеральных выборов. Электорат и сегодня является важнейшим ресурсом регионального влияния на федеральную власть. При этом гарантии экономической помощи из центра выглядят несколько сомнительными, поскольку в новой редакции Закона «Об общих принципах...» на региональный уровень спускается огромное количество полномочий, которые влекут за собой серьезную бюджетную ответственность региона, изменения же в налоговом законодательстве в пользу региона незначительны. В основном дополнительная экономическая поддержка оказывается регионам, находящимся в процессе укрупнения, но и в этом случае она является ограниченной по времени. Регионам-реципиентам федеральный центр уделяет эпизодическое внимание. Регионы-доноры, в свою очередь, чем больше зарабатывают, тем больше отдают.

Совершенно справедлив вывод автора о том, что в результате административной реформы одновременно с утратой статуса федерального политика усилилось влияние исполнительной власти субъектов Федерации на региональный политический процесс. В большей степени, на наш взгляд, этот вывод можно отнести к фигурам губернаторов, поскольку введение института наделения полномочиями губернатора Президентом РФ повысило автономность губернатора по отношению к региональным элитам и населению. Потеряв статус федеральных политиков, губернаторы продолжают быть хозяевами своих регионов, более того, они наращивают ресурс влияния за счет ослабления зависимости от населения и элит. Таким образом, ограничения самостоятельности деятельности губернатора по отношению к федеральному центру одновременно снимают определенные ограничения с деятельности губернатора по отношению к элите и населению региона. При этом нельзя забывать о том, что так или иначе «короля делает свита» и без конструктивного взаимодействия с региональными элитами губернатору будет сложно обеспечить себе прочные и долгосрочные позиции в регионе. В этой связи абсолютно справедливым видится вывод автора о том, что «обретение политических перспектив в регионах (как, впрочем, и в центре) зависит... от наличия и качества связей во властных и экономических структурах федерального и регионального уровней».

И все же вызывает сожаление то, что данным вопросам в монографии отведено скромное по объему место, что автор не счел необходимым включиться в научную дискуссию, которая ведется исследователями региональных политических элит России (А.Ю. Чириковой, Н.Ю. Лапиной, В.П. Моховым и др.). Тем не менее вопросы, затрагиваемые в книге, — почва для дальнейших размышлений о роли элит и конкретных ее представителей в российском политическом процессе. А ее читатель получит несомненное удовольствие.

РЕФЕРАТЫ

Малевинский С.О. Отражение психических свойств человека в лексике русского языка // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

В отличие от принятого в психологии эмпирического изучения семантических пространств (психосемантика), автор, основываясь на словарных толкованиях (нормативных лексических значениях), разбивает лексику русского языка, обозначающую психические свойства человека, на три кластера: предрасположенности к неконтролируемым волей формам психической активности, деятельностные способности и деятельностные склонности.

Библиогр. 7 назв.

Кимберг А.Н., Налетова А.С. Концепты индивидуального и коллективного субъектов // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

Семантика и прагматика понятий индивидуального и коллективного субъектов раскрываются через понятия деятельности и субъектности. Эти четыре понятия составляют каркас намечаемого теоретического подхода, цель которого — прояснить природу коллективного субъекта.

Библиогр. 15 назв.

Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

Особенность дискурсивного поворота конца XX в. в социально-гуманитарном знании — в переносе акцента с интралингвистических на экстралингвистические факторы. В статье дается описание социальной природы дискурса и сравниваются шесть авторских методологий его изучения, каждая из которых имеет собственный набор базовых понятий, целей и специфический предмет исследования. Прделанная инвентаризация — шаг к построению единой логики дискурс-анализа.

Библиогр. 41 назв.

Авдониин В.С. О характере плюрализма исследований Европейского союза в России // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

Делая акцент на экстерналистском подходе, автор связывает эволюцию и перспективы исследований европейской интеграции в российской науке о международных отношениях с теоретическим и методологическим плюрализмом, получившим распространение в мировых исследованиях европейской политики. Однако в силу специфики общественных и политических условий, в которых развивается наука в России, плюрализм в российских исследованиях европейской интеграции, по-видимому, сохранит цивилизационное своеобразие.

Библиогр. 49 назв.

Суханова Е.В. Институциональное развитие стран ЕС // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

Институциональное развитие стран-кандидатов выступает неизменным условием присоединения к ЕС. В статье намечаются перспективы, которые перед учеными-международниками открывает база данных по индикаторам качества государственного управления, разработанным Всемирным банком. Тренды институционального развития старых (ЕС-15), новых и будущих (Болгария и Румыния) членов ЕС говорят о медленном сближении и частичном ухуждении институционального климата в передовых странах.

Табл. 1. Рис. 7. Библиогр. 9 назв.

Ипатов А.П. Воцерковление: два биографических примера // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

В реконструкции двух биографий воцерковление рассматривается как способ обретения гражданской идентичности. Посредством социализации в церковной общине преодолевается атомарность и замкнутость индивидуального существования и обретается гражданская позиция, которая прежде не была явно выражена.

Библиогр. 5 назв.

Сабирова Г.А. Нарративы «мусульманскости» в постсоветский период: пример женских аудиторий коранических курсов в Москве // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

На материале биографических интервью показано, как формирование нового образа женщины-мусульманки в современном мегаполисе легитимирует индивидуальное позиционирование в обществе по отношению к традиционным нарративам и конструирование собственной биографии.

Библиогр. 9 назв.

Флоровский С.Ю. Успешность в совместной управленческой деятельности как критерий эффективности руководителя // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

В статье эмпирически обосновывается целесообразность включать в интегральную оценку успешности менеджеров высшего и среднего ранга параметр эффективности совместной управленческой деятельности. Показано, что результат интеграции руководителя в сетевые отношения с другими менеджерами организации не зависит от экономических показателей руководимого подразделения и экспертных рейтингов.

Табл. 2. Рис. 1. Библиогр. 31 назв.

Юркова И.Г. Субъективные представления личности как фактор профессиональной самореализации // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

На выборах менеджеров и продавцов-консультантов показано, что субъективные представления личности о природе (мотивах) человека и общие ориентации на труд, деньги, свободу и т.п. связаны с уровнем профессиональной самореализации.

Библиогр. 17 назв.

Бушмаков А.В. Повседневность провинциального гимназиста в начале XX века // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

По автобиографическим источникам и архивным материалам показано, что консервирование институтами образования ценностей и способов их трансляции в эпоху перемен приводит к ослаблению социального контроля и даже институциональной дисфункции.

Библиогр. 8 назв.

Чащухин А.В. Конструирование образа учителя в сталинской пропаганде 1945–1953 гг. // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.

Показано, что в образе школьного учителя переплетались черты советского и русского интеллигентов. Это сочетание легитимировалось общим революционным прошлым, и ценности дореволюционной интеллигенции (мессианская идея, просвещение, аскетизм, бескорыстие) встраивались в государственную идеологию. Гендерный сдвиг — школьная учительница — облегчал конструирование синкретичного образа.

Библиогр. 15 назв.

SUMMARY

.....

Malevinskiy S.O. Human Psychic Traits Reflected by the Russian Language

The author focuses on normative meanings of the Russian nouns and adjectives, which denote human psychic traits, and distinguishes 3 clusters connected with (a) predispositions to involuntary psychic activities, (b) abilities to act, and (c) tendencies to act.

Kimberg A.N., Nalyotova A.S. The Concepts of Individual and Collective Agencies

Semantics and pragmatics of the concepts of individual and collective agencies are exposed with related concepts of activity and subjectness. These four terms shape the core of a promised theoretical approach to clarify the nature of collective agency.

Kozhemyakin E.A. Discourse analysis in social sciences and humanities

“Discursive turn” at the end of XX century in social sciences and humanities moved attention from intralinguistic to extralinguistic factors. The article speaks about the social nature of discourse, and compares six different approaches, having specific basic concepts, problems and targets.

Avdonin V.S. On specific pluralism in studies of the European Union in Russia

Russian studies of European integration are seen to be connected with paradigmatic pluralism in theory and methodology, prevalent in the world science of international politics. However, sciences in Russia are always developed under unique social and political conditions. It is inferred that pluralism in international studies in Russia, perhaps, will keep its civilizational peculiarity.

Sukhanova Ye.V. Institutional Development of EC Countries

The article demonstrates some analytical opportunities of World Bank Governance Indicators. The 1996–2004 time-series show EC-15, new members and countries-candidates becoming closer, while getting institutional ambience of the advanced countries slightly worse.

Ipatova L.P. Communion: two biographic cases

Analysis of two biographic narratives interprets becoming religious as finding / construing a civic identity. Integration and socialization into orthodox community lead to breaking with the closure of individual existence and shaping civil attitudes.

Sabirova G.A. Muslimness narratives in post-Soviet period: case of the women Koranic courses audiences in Moscow

Narratives by Tatar women, assisting the Koranic courses in Moscow, discover how new meanings of Muslim identification in a post-modernizing large city serve to legitimate the right to private choice of public stand and construing own biography.

Florovskiy S.Yu. Successfulness in joint managerial activity as a separate criterion of managers' efficiency

The author proposes to include in aggregate assessing top and middle levels managers' efficiency a new dimension — "joint managerial activity efficiency", which is interpreted as a function of manager's integration into managerial community of organization and net-work relationships. Lack of correlation with other dimensions — economic achievement indicators and expert assessment — is empirically shown.

Yourkova I.G. Representations as a factor of self-realization in profession

With small samples of shop-assistants and managers of a hypermarket the author managed to show that individual beliefs concerned with human motives and general attitudes to work, money, leisure etc. correlate with self-fulfillment in profession.

Boushnikov A.V. Provincial Gymnasium Students' Everyday-Life in Early 1900s

An analysis of autobiographic and archive sources makes evident that when education institutions stop being responsive in communicated values and stylistics of their communication, social control weakening and even institutional dysfunction should be waited.

Chashchoukhin A.V. Image of teacher constructed by Stalinist propaganda in 1945–1953

The image of schoolteacher, it is argued, combined traits of Soviet and Russian intelligentsia. Common revolutionary track record legitimated the combination, and the pre-Revolution intelligentsia's values (Messianic idea, Enlightenment, ascetics, disinterestedness) were built in the state ideology. Gender (feminine) marking facilitated syncretism of the image under construction.